

Яков Цукерник

Дар С.-95

Житие
СВЯТОГО
СЕВЕРИНА

Яков Иосифович Цукерник

ЖИТИЕ СВЯТОГО СЕВЕРИНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ

КОМУ СТОИТ, И ДАЖЕ ОЧЕНЬ СТОИТ, ПРОЧЕСТЬ ЭТУ КНИГУ... И КОМУ НЕ СТОИТ.....	3
Глава 1 ЗАПИСЬ РАЗГОВОРА С ИВАНом АНТОНОВИЧЕМ ЕФРЕМОВЫМ 30.9.1972.....	5
Глава 2 ВНЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА.....	37
Глава 3 ИСПОВЕДУЕТСЯ СВЯТОЙ СЕВЕРИН	41
Глава 4 ПОСЛЕДНИЙ ВЫХОД ВЕЛИКОГО АКТЁРА	86
Глава 5 ГОВОРИТ ЕВГИППИЙ, ИБО ЛУЧШЕ НЕ СКАЖЕШЬ.....	90
Глава 6 И НАЧАЛОСЬ.....	90
Глава 7 ФРЕДЕРИК И ФЕРДЕРУХ КРУПНЫМ ПЛАНом	96
Глава 8 СПЕЦСЕМИНАР В РИМЕ. 575 ГОД	101

КОМУ СТОИТ, И ДАЖЕ ОЧЕНЬ СТОИТ, ПРОЧЕСТЬ ЭТУ КНИГУ... И КОМУ НЕ СТОИТ...

Верующим и атеистам.

Любителям античной истории и всем рыцарям музыки Клио.

Поклонникам Ивана Ефремова и Аркадия Стругацкого — и их критикам и врагам.

Последователям и оппонентам Льва Гумилёва. Работникам сферы просвещения вообще и гуманитариям в частности. Родителям учащихся и самим учащимся. Коммунистам и демократам — и их противникам. Государственникам и их оппонентам. Монархистам и их оппонентам.

Зацикленным на самобытности этнической, религиозной, партийной, идейной...

...И любителям магии чисел тоже стоит: Северин действовал в Норике неполных 29 лет, ЕВГИППИЙ написал его «Житие» через неполных 29 лет — а Цукерник получил диплом с отличием за первый вариант своей работы о Северине в 1968 г., и как раз через неполных 29 лет пошла в печать эта часть 5-го, 6-го и 7-го вариантов монографии «Житие святого Северина», имеющая вид повести, но являющаяся максимально приближённой к реальности реставрацией событий прошлого — как давнишних, так и недавних.

А любителям эротики и крутого мордобоя — не стоит: — тут думающий человек пишет о думающих людях и для думающих людей. Что делать — всем не угодишь...

И поскольку автор надеется, что читать будут люди думающие, то сообщаем его нынешний (конец 2003 года) адрес и домашний телефон:

117042, Москва, Южнобутовская улица, дом 80, корпус 1, квартира 134

Телефон 714-05-62

Цукернику Якову Иосифовичу для возражений и критики.

Эту изданную в 1997 году тиражом 200 экземпляров книгу я ввожу целиком в данное издание.

Само собой, что можно было ввести её содержание без малейших изменений. Но так уж в моей жизни получается, что при переписке, позже при перепечатке на машинке, а теперь при перепечатке на компьютере обязательно что-то изменяю стилистически, передвину отдельное слово или группу слов, разделю предложение для большего удобства понимания смысла, но вот выбрасывать что бы то ни было мне почему-то ни разу не приходилось, разве что во избежание повторений, которых всё же избежать очень трудно.

И потому я решил ввести в текст той книги, изданной в 1997 году, некоторые добавления. Итак:

ГЛАВА 1

ЗАПИСЬ РАЗГОВОРА С ИВАНОМ АНТОНОВИЧЕМ ЕФРЕМОВЫМ 30.9.1972

Приблизительно в начале или середине августа 1972 года у меня возникла необходимость поговорить с И. А. Ефремовым — по причинам, которые далее станут ясны. Я знал его адрес и телефон, позвонить не смог, поехал сам, и узнал от соседей, что он на даче. Тогда в обеденный перерыв я напечатал на полуразрушенной управленческой машинке письмо. Копию себе не оставил — не думал, что придётся писать подробные воспоминания об этой встрече. Возможно, оно сохранилось в архиве писателя. Содержание было такое:

«Бывает так, что во всём Союзе можно найти лишь одного человека, способного дать совет. У меня получилось именно так: я бился над своей темой до последнего и более ни за что не способен, а тема такова, что только от Ивана Антоновича Ефремова я могу получить совет, который позволит продолжать исследование. Суть дела: в период падения Западной Римской империи наряду с «государством Сиагрия» в северной Галлии уцелела от прямого захвата варварами провинция Норик (нынешняя Австрия). Но Норик был опустошён, в нем не оставалось ни светской, ни церковной власти, каждый город был сам за себя. Альпы отрезали провинцию от Италии, населению грозило поголовное истребление. Но нашёлся человек, который объединил жителей Норика, создал заменившую распавшиеся государственные и церковные аппараты организацию, дал ей цель и выполнил большую часть поставленной задачи при жизни, а остаток её — посмертно. Это был пришелец извне, чужак для Норика, босоногий монах Северин. Я первый в СССР перевёл на русский язык Евгиппиево «Житие святого Северина» — единственный источник по истории Норика в период 453—487 годов, дошедший до нас. При этом у меня получились совсем не те выводы, что у многочисленных западных исследователей «Жития». Северин оказался человеком типа Вашего Ивана Гирина из «Лезвия бритвы». Прошу о встрече».

Отправив письмо, я на некоторое время забыл о нём, зная, что ответ будет нескоро: пока оно попадёт из громадного почтового ящика перед квартирой 40 в доме 4 по улице Губкина на дачу, да пока оно будет прочитано, да пока будет решено — писать ли ответ... Нет, на быстрый отклик я не надеялся. Однако в середине сентября я получил письмо.

В субботу 30 сентября я взял рукопись своей работы по истории Норика, экземпляр перевода «Жития», «Гетику» Иордана (М.Л. 1960, перевод и примечания Е. Ч.

Скржинской), подробную карту, вмещавшую часть Норика — Дунайскую долину, а также экземпляр своей статьи, которую написал за два года до этого, но опубликовать не смог. Кроме того, я захватил фотокопии с примечаниями Рудольфа Нолля к сделанному им переводу на немецкий язык «Жития святого Северина» (берлинское академическое издание 1963 года «Eugippius. DaS Leben des heiligen Severin»). В пол-десятого я вышел из дому к метро «Ждановская», откуда позвонил на квартиру И. А. Ефремова. С Таисой Иосифовной (его женой) мы условились ещё за неделю, так что она меня узнала и позвала к телефону Ивана Антоновича. Он подошёл, и я договорился с ним о встрече в 18.00. Зная о его состоянии, я обязан был согласиться с любым предложенным им временем. Тем не менее, он спросил — удобно ли это время для меня и нет ли у меня другого предложения. Другого у меня не было. Я не стал возвращаться домой и поехал в музей Ленина, где давно не был, пробыл там до пол-пятого и оттуда поехал на улицу Губкина. Кто не знает — эта улица упирается в Ленинский проспект строго напротив универсама «Москва», а дом 4 — справа по ходу улицы, если стоять к «Москве» спиной. В квартиру 40 я позвонил минут за пять до срока — не хватило терпения. Дверь открыла Таиса Иосифовна, но почти немедленно откуда-то справа появился человек, показавшийся мне гораздо выше меня (мой рост 171 см) и шире в плечах (а я не Кощей). Но в то же время я был потрясён его видом: на портрете его лицо было сильным, мускулистым, почти без морщин, а тут кожа висела складками на костяке черепа. Из книги о нём я знал, что он не так давно ломал подковы. Моя попытка встретиться с ним в 1971 году была неудачной, так как он лежал после вызова в один из отделов ЦК КПСС по поводу «Часа быка» — тогда-то он и ответил мне письменно на мою рукопись о Стругацких, так что я понял причину его вида и его страшного заикания. И первая моя мысль была: «Сволочи! Какую громадину сломали!» Но стоило нам заговорить — и я забыл о его заикании и его внешности. Сломлено было тело, но не душа бесстрашного бойца, одного из немногих известных мне лично людей, которых я называл рыцарями коммунизма, а позже стал называть большевиками (коих отличаю от коммунистов, менее качественной продукции среди людей с партбилетами, не штучного производства, а уже такого ширпотреба. Впрочем, и этих истребляли и калечили так активно, что их лишь в антиквариате найдёшь, а партбилеты носят ныне главным образом члены партии, тоже весьма разнокалиберные — я их делю на членов, пенисов, фаллосов и таких, как Берия, академики Нечкина, Лысенко — коих следовало бы охарактеризовать «крепким русским словом из трёх букв — особ мужского пола, а дам — из пяти», но издатель протестует. А зря! Гнусна именно ругань, а ею может стать любое слово. Но термин — дело другое, им также может стать любое слово, а если точность того требует, то и упомянутое трехбуквенное, если оно подходит более других. А так «деловой», «интеллигент», «больно умный», «шибко грамотный», «яйцеголовый» и прочее — разве не звучат у нас и «у них» как ругань? Не собираюсь краснеть за применение в определённых условиях матёрного термина — к той нелюди иной термин и неприменим, отмечу лишь, что людей, схожих с Ефремовым, я встретил в своей почти 70-летней на март 2008 года жизни всего семерых, если считать с ним самим: его, Аркадия Натановича Стругацкого, Михаила Леонидовича Анчарова, Елизавету Яковлевну Драбкину, Льва Николаевича Гумилёва, Константина Михайловича Симонова и Михаила Ильича Ромма, причём всем им было очень худо в нашей солнечной стране¹. Так что порода эта не просто находится на грани вымирания, а именно выбивается — беспощадно и целеустремлённо).

¹ Эти три слова в данном случае звучат именно как ругательство, ибо из матери стала эта страна для них злой мачехой.

Он провёл меня в комнату налево от входа, усадил на диван напротив письменного стола без ящиков, с полками вместо них, и сел сам возле меня — я ближе к двери, он дальше. По диагонали от нас был невысокий книжный шкаф типа серванта, на одной из полок которого за стеклом была фотография военного корабля начала века. Больше я ничего не запомнил.

Дальнейшая запись является попыткой восстановить наш разговор по памяти с максимальной точностью. Если не слово в слово — буду отмечать, но за смысл ручаюсь головой, хоть на детекторе лжи меня проверяй. Я несколько дней вспоминал и записывал этот разговор и закончил эту работу 16 ноября 1972 года в санатории Валуево, где у меня как раз были возможности для сосредоточения при записи воспоминаний.

Я: Иван Антонович, разрешите так Вас называть, (он кивнул), я знаю, что времени мало, и хотел бы изложить самую суть. Само «Житие» и мою работу, если она Вас заинтересует. Вы можете прочесть сами — я их принёс, а сейчас позвольте мне изложить историю проблемы, точнее — как я эту проблему стал изучать и до чего дошёл.

Он: Не думайте о времени, Яков Иосифович, — я верно угадал Ваши инициалы? — рассказывайте всё. Я очень заинтересован Вашим письмом. Время и место мне абсолютно неизвестны, но чего не бывает — вдруг какой-нибудь совет и смогу дать. А сейчас мне просто-напросто хочется послушать — рассказывайте абсолютно обо всём, не спеша.

Я: Понимаете, я пошёл в 1962 году после армии на истфак МГУ. Нужно было работать — пошёл на вечернее. Так что языковая подготовка моя не та, что на дневном отделении. Кончил в 1968 году с отличием — один на всё отделение, но в аспирантуру не попал, вакансии заняли дневники, у них языковая подготовка несравненно лучше, я даже претендовать не мог. Эта работа — моя дипломная, но я не бросал её: ведь жизнь сложилась так, что я отброшен от истории. На защите диплома мой профессор Корсунский сказал, что «Цукерник извлёк из «Жития» абсолютно всё, что только возможно», но когда думаешь непрерывно, поневоле додумаешься до чего-нибудь. У меня кроме этой темы ничего не оставалось от истории, а я — историк. Так что я нашёл в «Житии» ещё немало важного. Но тут речь не обо мне, я Вам расскажу, как я с этой темой столкнулся.

Всё началось на втором курсе. У нас должен был быть семинар по истории средних веков, но нашей седьмой группе дали не медиевиста-западника, а прислали преподавательницу с кафедры южных и западных славян. Её фамилия Макова. Стала она нам давать темы для докладов, а кто захочет — для курсовых работ. Я и выбрал себе «Образование раннефеодальных государств у южных славян». Стал я изучать материалы, пришлось расширить тему: «Завоевание славянами Балканского полуострова и судьба дославянского населения Балкан», а уж за этим образование государств. Сама-то работа осталась под официальным названием, но на образование государств я отвёл примерно четверть объёма. Работу написал, получил пятёрку, а когда над ней работал — прочёл я в «Византийском Временнике» (том V за 1952 год) статью А. Д. Дмитриева «Движение скамаров». Вы с ней незнакомы?

Он: Нет. И имени такого не слышал. Он что-нибудь ещё написал?

Я: Да, он специализировался на народных движениях в поздней Римской империи. У него есть работа о багаудах и обобщающая о ряде движений. Но если он был в этих работах так же объективен, как в «Движении скамаров»... Я ведь сначала не мог знать, что он бессовестно врёт в этой работе — ведь он ссылался в ней на «Житие Северина», на

«Гетику» Иордана, на Кодекс и Новеллы Юстиниана, а я их тогда не знал. Но мне сразу бросилось в глаза, что он великославянский шовинист — у меня на всякий шовинизм нюх. Я, видите ли, еврей, хотя по-еврейски и не говорю, и мне это очень часто напоминали и напоминают.

Он: Всё ясно, с этой мерзостью я знаком, продолжайте.

Я: В общем, у меня поневоле развилась чувствительность на всякий шовинизм, а Дмитрев так рассуждает: поскольку скамары были союзниками славян, а славяне — естественные носители прогресса, значит — скамары были представителями трудовых масс, борцами за свободу.

Он: Так и пишет?

Я: Не слово в слово, но за смысл ручаюсь. Это мне тогда уже в глаза бросилось. Союзники славян? Возможно. А были ли славяне союзниками скамаров? За львами идут шакалы, с акулой плывут лоцманы. Тоже союзники. Славяне на Балканах занимались геноцидом. Там уже через 60 лет преобладала славянская речь. Все византийские авторы пишут о горах трупов, о сотнях тысяч жертв. Если скамары помогали славянам в этом, какое же это народное движение? Но в 1952 году у нас утверждали, что население Балкан встречало славян, как своих освободителей — в академической «Истории Болгарии», например, так написано. А Прокопий Кесарийский, Феофилакт Симокатта и прочие — это, дескать, клеветующие рабовладельцы. Вот Дмитрев и старался... Он явно подбирал материал к сталинскому тезису — помните: «рабы и варвары объединились...»

Он: «... и с громом опрокинули Рим?»

Я: Ну, конечно. Тезис ложный, но он же был как божья заповедь. Нет к нему материала — надо придумать. Это я уже тогда понял. Но только это. А для дальнейшего важно, что узнал о «Житии Северина», оно там впервые в советской литературе упомянуто. (Тогда я ещё не прочёл статью О. Вайнштейна, опубликованную в журнале «Историк-марксист» в 1938 году, где даже был перевод полутора глав из «Жития», полностью совпавший с моим переводом этих глав). Да и в дореволюционной России о Северине есть только пара строчек у Брокгауза-Ефрона и ещё у Стасюлевича в его хрестоматии есть перевод из Амеделя Тьерри — тот делал вольный пересказ «Жития», очень вольный пересказ — названия городов путал, прибавлял для художественности уйму живописных деталей. Но это я уже потом узнал. А первый раз — у Дмитрева. Для него это важнейший источник. Куча цитат оттуда, ссылок на главы и пункты их — и все до одной с передёргиваниями. Но это я потом узнал, когда пришлось перевести.

Он: Очень интересно, продолжайте. Что было дальше?

Я: Дальше так. Кончили мы третий курс и стали выбирать кафедры. Я выбрал средние века — там, мне казалось, я смогу овладеть методами изучения истории в наиболее чистом от всяких шовинистических, политических и прочих соображений виде. Вы же знаете, как они влияют на историю. История СССР, КПСС — это даже не наука, а «мальчик «чего изволите»» (кажется, это выражение Евтушенко)... Мне хотелось изучить марксистский метод познания истории в чистейшем виде, и казалось, что медиевистика наиболее чиста.

Он: Вы с самого начала отнеслись к истории так, или это пришло позднее?

Я: На истфак я пошел после армии. Насмотрелся в Магаданской области (я там после техникума работал) и в армии — в Закавказье — как у нас обстоят дела с человеческим сознанием, вот и решил, что история важнее географии. Стройки-то у нас

есть кому строить, географию меняем успешно, а вот люди — настоящих коммунаров я почти не встречал. (Тогда я не знал ещё, что коммунары — мутация. Понял это позже. К мутации коммунаров я отношу тех, для кого чужая боль, голод, горе — превыше своих аналогичных неприятностей, и они не могут не бороться за общее счастье — такая им генетическая «планида» дана. Но можно и делать людей такими соответствующим воспитанием — не всех, к сожалению, но большинство. Только вот этих «сделанных» можно и расчеловечить, а коммунары по мутации этому не поддаются). Даже очень хорошие, замечательные люди — и те где-нибудь да ушиблены культовой идеологией. А надо, чтобы хоть дети росли коммунарами, раз уж наше поколение не может. Значит история, литература — они выходят на первый план. Потому и пошел я из дорожников в историки. А историю я с детства любил. «Чингиз-хан», «Салават Юлаев» — в числе самых первых прочитанных книг. Я ведь с трёх с половиной — четырёх лет читаю, и в конце 1944 года, когда в Москву из эвакуации вернулись, эти романы как раз и прочел — сберегли их родичи, теперь они у нас в шкафу стояли. Понял, конечно, мало, но с тех пор перечитывал, а понятого хватило для заправки.

Он: Но критическое отношение к истории, как науке — с какого времени?

Я: Трудно сказать. В 6-7 классах меня уже от некоторых книг мутило, в других находил ошибки. Меня здорово били, как «жида», приходилось искать ответ в книгах — чем «жиды» провинились. К счастью, понял, что шовинизм — болезнь всеобщая, а то бы вполне самостоятельно до сионизма дошел... Но давайте дальше: на кафедре средних веков я попросил, чтобы мне дали руководителем специалиста по гуннам. Мне хотелось — что и говорить, скромное было желание — написать полный обзор передвижений народов Европы от готского похода в Причерноморье до вторжения монголов и даже турок. А гуннское нашествие — ключевое. Они такую лавину стронули, что их уж и в помине не было, а Европа все котлом кипела.

Он: Согласен. Но о гуннах уже немало написано.

Я: В истории всякое событие можно рассматривать с такого количества точек зрения, что никогда не будет сказано последнее слово. О древнем Египте писали и Эберс, и Прус, а Ефремов — знаете такого? — сумел сказать нечто качественно новое... О Северине на Западе написано много работ, а мне удалось истолковать его деятельность совершенно иначе, чем немцам и австрийцам. Так что и огромное число работ о гуннах все же не значит, что о них сказано всё. Вот я и хотел стать учеником одного из специалистов по гуннам. Но мне сказали: «таких в МГУ нет, только в Ленинграде. А у нас есть специалист по готам — Александр Рафаилович Корсунский». Он мне сказал: «Займитесь-ка Нориком. Он же рядом с гуннской Паннонией лежал». Я ему говорю: «О Норике я только у Дмитрева читал в «Движении скамаров». Он там «Житие Северина» цитирует. Но сама его работа — дрянь». Корсунский только засмеялся: «Вот Вы почти всё и знаете. Это единственная статья на русском языке о Норике и единственный дошедший до нас источник по Норикку пятого века. Есть ещё одно письмо у Кассиодора, но оно уже к остготскому периоду относится, да и нет в нём почти ничего. Время у Вас есть — три года впереди. Переведите на русский язык «Житие», прочтите работы немцев, австрийцев — они немало писали об этом источнике. Вы, кстати, о средневековой латыни имеете представление?» Я по латыни пятёрку имел, по немецкому — четвёрку, но я же вечерник: подлежащее, сказуемое и прочие члены предложения найти, обороты выделить — это я мог. А читать — только со словарём. Мы все так, вечерники — времени нет на языки, это не дневное отделение.

Он: Понятно. А в ходе перевода овладели?

Я: Конечно, нет. Или переводить, или изучать — одно из двух. Вот посмотрите, я с собой оригинал перевода принёс. Видите: делю страницу на четыре вертикальные колонки. Слева — слово под словом выписываю весь источник с начала до конца. Правее — перевод каждого слова и тут же — падежи, формы и прочее. Третья колонка — соединяю слова стрелками, отмечаю обороты — в средневековой латыни слова стоят в беспорядке, приходится ломать голову над связью. А справа — перевод всего предложения. Словари свои так обработал, что любое слово сразу находил: по одному обрезаю — по алфавиту, чтобы находить сразу группу слов, начинающуюся с данной буквы, а по двум другим — чтобы в каждой такой группе видеть, какие первые три буквы на данной странице (или через две-три страницы, если на данную букву слов в словаре много). А все таблицы латинской грамматики нанёс на двусторчатый складень, каждую таблицу отдельным цветом раскрасил — сразу в глаза бросались и запоминались, скажем, падежные окончания существительных. Вооружился так, и начал слово за словом прогрызать «линию Евгиппия». Конечно, под руководством нашей латинистки Елены Васильевны Фёдоровой — без неё бы не справился.

Он: Вот так всё сами с ней и перевели?

Я: Уже 2/3 сделали, когда Корсунский сообщил — есть академическое издание на немецком — перевод, примечания и вступительная статья, даже не статья, а целая работа — Рудольфа Нолля. Я заодно с немецкого перевёл и с нашим переводом потом, когда его закончили, сверил, оказалось правильно. Но с латыни мы до конца сами добились — мне каждое слово было важно. Вы же знаете, как в истории от одного слова всё зависит, а есть слова со многими значениями, и мне нужно было все эти значения самому проверить...

Он: Совершенно правильно. Значит, совпали переводы?

Я: Даже там, где мы в этой средневековой латыни тонули — и у Нолля тёмный смысл. Значит, Евгиппий здесь и впрямь такой туман напустил. Главное-то для меня у Нолля — примечания и вступительная работа. А перевод его мне лишь уверенность дал, но не добавил нового.

Он: Ну, что же дальше?

Я: Пока длился перевод, читал я немецкие работы — не все, конечно, но, так сказать, важнейшие. В Австрии Цибермайр и Капхан в ФРГ писали, Нолля я уже упомянул — он сейчас тоже в Вене живёт, в ГДР Диснер написал статью о Евгиппии и Северине — глупая статья, всё он в ней свой атеизм доказывал, а доказал, что дурак. Шмидт ещё до войны писал о всех древнегерманских племенах — очень важная работа, Юнг в 1877 году кое-что о Норике писал. По-немецки я каждое четвёртое предложение по ходу чтения уже понимал — запас слов был богаче, чем в латыни, здесь шло быстро. Но — переведу, да и откладываю. Сам ищу на русском языке всякую всячину о тогдашней Римской империи, о церкви, о ересях, о передвижениях народов, прочёл у Ешевского о современнике Евгиппия Сидонии Аполлинарии. (Тут я оговорился тогда — он был младшим современником Северина, а не Евгиппия). Но никто из них Северина не понял. Тот же Капхан ближе других к истине подошёл, а думает, что тот хотел одного, вышло другое, ну и слава Богу, хоть это вышло...

Он: А на самом деле?

Я: А на самом деле у него был с самого начала план — собрать всё население Норика в один кулак и вывести в Италию. Ведь стоит на карту взглянуть — и всякий поймёт: Норик сам по себе защищаться не мог, география не позволяла. Вот, взгляните на карту...

Я развернул чешскую карту Чехословакии, купленную в магазине «Дружба народов» возле Моссовета — на ней очень подробно показаны все детали рельефа Дунайской долины от Вены до Баварии. Иван Антонович сразу разобрался, что она чешская, и сказал мне об этом.

Я: К сожалению, у нас таких карт нет. Есть у меня подробная карта Австрии нашего издания, но она хуже. Чешские карты несравнимы рядом с нашими — и по географии, и исторический атлас, его недавно видел в «Дружбе народов». А у нас на Кузнецком мосту картографический магазин, что ни говори — центральный в стране — а такой дрянью торгует, что зайти в него стыдно. В начале пятидесятых годов карты и атласы были лучше и подробнее... Вот смотрите: Прибрежный Норик — узкая полоса вдоль южного берега Дуная. Римляне здесь не держали больших сил вплоть до Маркоманнских войн. Стоило им построить крепости Виндобона (теперь Вена) и Карнунтум, как они вывели их из состава Норика. И на западе оборона Норика лежала на рейнских легионах в междуречье Рейна и Дуная. Норик — заткнутая с двух сторон трубка. А ко времени Северина затычки были выбиты. Дунайская долина — проходной двор Европы. Попробуй-ка, закупорь её силами одного Норика, особенно после похода Атиллы в Галлию и обратно...

Он: А с севера?

Я: А с севера к Норикку могли подступиться лишь мелкие отряды разбойников-варваров, тех самых скамаров. Большому племени напрямик с севера не пройти — мешали горы, отсутствие ресурсов. Даже скамары могли базироваться и, если верить Евгиппию, действительно базировались только в районе Тульнского поля и лежащего севернее района Ваграмских холмов — в районе будущего Ругиланда, земли племени ругов. Это была поистине заповедная равнина на северном берегу Дуная. Видите, от Паннонии, от Венгерской пушты, она отрезана с юга от Дуная хребтом Венский лес, а с севера от него — высотой Бизамберг, соединённой с лежащими севернее горюшками. И вторая параллельная линия естественных преград лежит уже восточнее Вены. Вот — Литавские верхи, как они здесь названы, отрезают Каменное поле, прорезанное системой притоков Дуная, а к северу от Дуная они переходят в Малые Карпаты. Конечно, пройти здесь можно. Вандалы прошли, от смерти удирая, по дунайскому льду, гунны прошли туда и обратно, а вот остготы после битвы при Болии почти всех своих противников навестили, а ругов не тронули, предпочли добычу полегче. Так что только здесь, к востоку от Кремса, был в начале деятельности Северина скамарский заповедник — их здесь не трогали, а они совершали через Дунай рейды в Норик. И ругам, кстати, они поначалу сумели здесь оказать сопротивление. И герулы ходили рейдом на запад вокруг Ругиланда, а не напрямик через него — видимо, не только сила ругов, но и природа направила их таким путём...

Он: Пожалуй, что так. Значит, по-Вашему, Северин имел план с самого начала?

Я: Да, и почти тридцать лет претворял его в жизнь. Один — помощников у него не было фактически, были исполнители, сами не знавшие, что делают. Даже преемники его наверняка узнали всё до конца лишь перед его смертью. Подумайте — всю жизнь отдал, душу поставил на кон — смерть его явно не от болезни была, а от остановки сердца усилием воли, а ведь христианство всё прощает, кроме самоубийства, ведь так?

Он: Совершенно верно. Но неужели здесь так и написано — в «житии святого»?

Я: Нет. Но он предсказал свою смерть за три года с точностью до дня. И болезнь ещё не скрутила его. В том-то и дело: все считают его святым, а он вдруг умрёт в мучениях как простой грешный смертный — тут любой верующий усомнится в его святости. А дни

приближались такие, что сомнений нельзя было допустить — все бы погибли, появись сомнения. Ведь всё держалось на созданной им организации.

Он: Убедительно...

Я: Значит — жизнь, душу, смерть — и плюс к тому свой труп он отдал своему делу: как-то проинструктировал насчёт него своих преемников, и труп сохранился в могиле без мумификации. Его вынули и сделали мощами. Вы знаете, они и сейчас в Неаполе хранятся. Извлечь бы, и по скелету восстановить портрет по методу Герасимова! Сейчас, конечно, не дадут, но иметь бы в виду!

Он: Вряд ли что выйдет. Герасимова уже нет.

Я: Знаю, и в предисловии к «Таис Афинской» читал. Но метод-то есть. Всё время сообщают, как его милиция применяет.

Он: То, да не то. Герасимов был не только антропологом, но и скульптором, художником. То, что мог он, не смогут ученики. Они по сравнению с ним — как холодные ремесленники. К тому же так называемая официальная наука этот метод не изволит признавать. Всё держалось на авторитете, на личности Герасимова. А сейчас его, этот метод, могут придушить вместе с учениками. Милиция ещё сохранит, а антропология, археология — вряд ли.

Я: Жалко. Но Северина мне тоже жалко. Я для него сделал всё, что мог — из могилы вытащил — и не только потому, что первый в России, в СССР, нет, — мои выводы вообще новые. И подход к «Житию», как к последовательному описанию выполнения Северином своего плана. И почти полная датировка глав. И характеристика «Жития» как источника. Нолль, например, ничего в переписке Евгиппия с Пасхазием не заметил, а в «Житии» видит везде подражание то Библии, то Евангелию, то посланиям апостолов. А я выяснил партийную принадлежность Пасхазия. Он был из тех руководителей католической церкви, которые возбуждали население Италии против ариан-остготов, тогдашних господ страны. Он упрекает Евгиппия — зачем тот не придал Северину черт борца с еретиками. А ведь если бы Северин не то что боролся с арианами, а был хотя бы нейтрален, Норик захлебнулся бы в крови — там только религиозных распрей не хватало, да и окружающие варвары все были арианами. Евгиппий не стал лгать, не переделал «Житие», а письмо Пасхазия только к делу подшил. Значит, ему можно верить. И не он подгонял Северина под священное писание, а сам Северин работал под святого, под классического святого, чтобы ему поверили и за ним пошли. Отсюда и явные параллели с Библией или посланиями апостолов...

Он: Да это же исключительно важно — эти Ваши выводы!

И тут я неожиданно для самого себя сорвался, и дальше разговор стал всё дальше уходить от намеченного мною плана. А план мой был таков: во-первых, может быть, Иван Антонович согласится прочесть мою работу, и — глядишь — найдёт в ней какие-нибудь упущения, что позволит мне ещё дополнить её. Во-вторых же была пусть слабая, но всё же надежда, что тема заинтересует его, и он сам захочет написать роман о Северине, действительно настолько близком к Ивану Гирину из «Лезвия бритвы», что — не прочти я этого романа, не усвой написанного в нём — я не смог бы разгадать северинову загадку. Но Гирин был вымышленный, а Северин существовал на самом деле — ведь заманчиво же! Сомнение было в ином — захочет ли Ефремов повторяться, что у него — других замыслов нет? Есть, конечно, а временем ограничен — это я понимал ещё до встречи. Но — не захочет сам, так порекомендует кому-нибудь из известных ему писателей. Но,

видимо, если встретишь полное понимание, а я чувствовал именно его, то все планы летят к чёрту, и начинается разговор не о деле, приведшем тебя сюда, а вообще обо всём, что думаешь, чем хочешь поделиться с умным человеком, — обо всём, что у тебя накопело.

Я: А зачем они, эти выводы? Кто он, этот Северин? Какой-то церковник. Незачем заниматься популяризацией его деятельности. К тому же он не православный и не славянин. Дурак Цукерник, что носится с ним, как с писаной торбой.

Он: Так Вам сказали? Кто?

Я: Все. Началось с того же Дмитрева. Он помер, а скамары его вошли уже в ряд других работ, как народное движение. Знаете академика Удальцова?

Тут я оговорился — З. В. Удальцова в академики не пробилась, она была и осталась членкором Академии Наук, а не «академиком» в полном смысле слова. Так членкором и сдохла, царство ей подземное, как и всем добровольно расчеловечившимся двуногим. Но начинала она вполне как человек, и мне были полезны две её книги.

Он: Лично — нет.

Я: Она их упоминает, со ссылкой на Дмитрева. Скржинская на него ссылается в своих примечаниях к «Гетике». В первом томе «Истории Византии» они есть, тоже со ссылкой. Во втором томе «Всемирной истории» их нет, а на Дмитрева ссылка есть. И везде, где скамары упомянуты — только ссылка на Дмитрева, больше никто не попытался эту тему развить. Зато в художественную литературу скамары проникли; у Валентина Иванова они есть в «Руси изначальной» и упомянуты в «Руси великой».

Он: А что, Дмитрев крепко ошибался?

Я: Не ошибался. Это прямое передёргивание. Евгиппий пишет: «разбойники-варвары», а Дмитрев — просто «разбойники». Перевёл длинейшую цитату, а «варваров» выкинул. Это раз. Затем: у Евгиппия они действуют лишь в районе берега Дуная, причём база их за Дунаем, вне римской территории. Там их настиг Северин, когда они увели в плен двух ротозеев, там они пытались оказать сопротивление племени ругов. Их база — будущий Ругиланд, та равнина в районе Кремса. А Дмитрев их засунул в альпийские проходы, вглубь провинции. Это два. Он называет их представителями местного населения, порабощённого римлянами, а Норик римлянам достался без боя. Здесь никогда не было восстаний, не то что в соседних Паннонии и Иллирии. Недаром здесь поселения ещё при Клавдии, в I веке, получили городские права, а сам Норик тогда же стал провинцией. Здесь романизация не встретила ни малейшего сопротивления. Это три. Евгиппий прямо пишет, что скамары грабили всех, хватали всё, что плохо лежит, угоняли скот и пленных. Это четыре. Евгиппий пишет: Лавриак осаждали алеманны и тюринги, а Дмитрев — алеманны и скамары. Вот Вам уже пять. А всего у меня не то 15, не то 16 доказательств — и по «Житию», и по «Гетике», и по кодексу Юстиниана. (Позже число доказательств более чем удвоилось). Он так на этот кодекс ссылается: там есть статьи против разбоев, а разбойниками правящий класс называл борцов за свободу, а раз признаётся факт широкого распространения разбоев, значит — скамары и разбойники суть одно и то же, а именно борцы за свободу. А ведь в нашем уголовном кодексе есть статьи, к примеру, о растлении малолетних. Значит, в СССР существует широкое народное движение растлителей малолетних (если применить логику Дмитрева)... Ну вот, написал я статью, назвал её «Движение, которого не было», приложил «Житие» в переводе, первый — не этот, а дипломный — вариант своей работы (я за него «отлично» получил, на защите академик Сказкин присутствовал) и отнёс в Институт истории — Удальцовой. Она взяла,

говорит: на разборе автору не положено присутствовать, разберёмся, пришлём ответ. И прислала: три странички на машинке без подписи. Написано так: работа, дескать, незрелая, студенческая, а обвинять серьёзных учёных в жульничестве — неприлично. К тому же латинское «latrones barbarae» может означать не только «разбойники-варвары», но и «варварские разбойники» — прилагательное, а не существительное, так сказать. А когда я к ней ещё раз пришел, сказала: во-первых, в истории любой источник можно истолковать хоть так, хоть в обратном смысле; во-вторых, Дмитрев умер и стыдно клеветать на покойника, а в-третьих, бумаги нынче не хватает на работы докторов наук и — сами, мол, понимаете — эти работы поважнее вашей. Вот так. И ничего больше.

Он: Да... логика... Я ее, эту логику, называю «забором». От нее все отскакивает. И встречается она очень часто. Что же Вы дальше делали?

Я: Статья эта здесь со мной. Но я ее полностью ввёл в окончательный вариант своей работы. Понимаете, у меня кроме Северина ничего от истории не оставалось — ведь работу по специальности я не мог найти. Вот я и прирос к нему. Да и зло взяло: я его из могилы тащу, а его обратно пихают. Решил написать популярную статью для «Вопросов истории». Понёс — не взяли. Говорят: церковник. Думаю: раз церковник — пойду в «Науку и религию». Тоже не взяли: «Неправославный, а мы в основном с православием воюем. К тому же неясно, в чём Вы его обвиняете». А я его в подвиге на благо человечества обвиняю, хочу увести от церковников в наш лагерь великолепную боевую единицу. Но это не в профиле «Науки и религии» — их дело клеймить Цезаря Борджиа за нехорошее поведение, и только.

Он: Чёрт знает что! А в АПН Вы не пробовали ходить?

Я: В «Неделю»? Ходил...

Он: Да нет, в «Неделю» бесполезно. Я имею в виду само «Агентство Печати Новости». Они печатают такие вещи.

Я: Нет. Туда даже не думал. В издательство «Мысль» на Ленинском проспекте ходил. Сказали: «У нас очень мало средств на издание исторических книг, и они должны окупаться. Вот готовим книгу Манфреда «Наполеон». Она окупится. А Ваша работа очень интересна для специалистов, но массовый читатель на неё не посмотрит». А в «Неделе» мне действительно отказали. Я к ним пришёл как раз после выхода номера, где было про Анну Ярославну, королеву Франции. Одна у неё была заслуга — доля славянской крови в жилах. Мне так и сказали: «Она же наша». Я спросил: «А про протопопа Аввакума вы бы напечатали?» Говорят: «Конечно». «Так он же изувер!» «Правильно, но он наш».

Он: И верить не хочется, и знаю, что Вы правду говорите. Только эта правда у меня в голове уж сколько лет никак не может уместиться. Слушайте, Вы сказали, что не нашли работу. А где Вы сейчас работаете?

Я: Иван Антонович! Честное же слово, я не для себя пришел. Ведь всё равно — в этом Вы помочь не сможете, только утомлю Вас рассказом.

Он: Прошу — рассказывайте. Вот — кончили Вы МГУ. Что дальше?

Я: Иван Антонович! Ну не обо мне же речь! Меня сейчас на земле одно держит — Северин. Нужно мне закончить. Сам я сделал всё для меня доступное, может, Вы какую-нибудь мысль подскажите. Добавлю, закончу портрет. Его нельзя обратно в могилу, хватит — полторы тысячи лет о нём одни дурни помнили. Пусть он сам всё сделал, чтобы его не разгадали, конспирацию развёл — я-то его понял! Закончу рукопись — если

позволите — оставляю Вам, пусть хоть в архиве у Вас лежит, а сам начну по счетам платить — их у меня много накопилось.

Он: Рукописи, что принесли, оставите мне для прочтения. Чем смогу — помогу. Не знаю, дам ли совет, но отзыв напишу обязательно. А сейчас рассказывайте о себе.

Я: Тогда начинать нужно с самого начала. Дорога у меня была прямая, как положено: был пионером, с 1952 года — комсомольцем, в армии — агитатором батареи. В дивизионке обо мне писали, у знамени снимали. В 1961 году — в дни Берлинского кризиса — наша дивизия первого удара готовилась к броску через Аракс, наши разведчики уже до Тавриза ходили. Было ясно: вот-вот «Коммунисты, вперед!» Подал я заявление, приняли в кандидаты. Но Никита струсил, попятился, обошлось без драки...

Он: Жалеете?

Я: Нет у нас права пятиться. Тогда попятились, а сейчас наше качество ниже. Помните, как они из Ливана и Иордании убрались по нашему слову? А Берлинский кризис — это наше поражение. Если Никита знал, что драться нельзя, зачем языком трепал, обещал подписать мирный договор с ГДР? Ну, демобилизовали, вернулся я в Москву, стал работать на Асфальто-Бетонном заводе № 2, ну и в МГУ поступил. Учили нас неплохо — время-то ещё отдавало Двадцатым съездом. Куда ни посмотри — видим вдесятеро лучше, понимаем больше. Была всё же от культа личности польза — после его разоблачения многое в прошлом стало яснее. И настоящее стало понятней: что раньше не замечал, теперь само в глаза лезет. Весной 1963 года меня должны были из кандидатов в члены партии принимать, тут я и сгруппировал: в частном разговоре с секретарём заводской парторганизации (он в войну лётчиком был) сказал ему: «Поругались мы с китайцами, не беда, помиримся. Их тоже понять можно — очень уж мы выпячиваем свою помощь, как у Горького хозяйка: «Ты должен помнить, что взят из нищей семьи. Я твоей матери тальму подарила. Шёлковую, со стеклярусом»». Он на меня: «Ты что же с партией не согласен?» А я ему: «Тут не партия говорит всякие страсти, а Хрущёв от её лица. А ему я особенно верить не могу — с культом Сталина покончил, а свой создаёт, язык у него брехливый, часто врёт и не краснеет». Схватился он за голову: «что я в райкоме скажу?» и побежал доносить. Вызвали меня: «Что думаешь?» Изложил я с фактами — не столько о Китае — о нём я ничего не знал, как и все, — сколько о Хрущеве. Ведь он какой-то скоморох был или тот дурак, что на похоронах пляшет, а на свадьбе ревет. А в газетах его уже пару раз великим назвали. Да и о Китае: если Мао такой, как его изображал Хрущёв и как о нём сейчас пишут, то кто нашей страной правил? Если знали и молчали — сволочи, а если не знали — слепые дураки. Мне сказали: «Откажись от своих слов, а то в партию не примем». Понимаете, не мысли измени, а от слов откажись. А партбилет — как кусок сала: будь смиренным — сала дадим. Изложил я им это, меня и не приняли, как политически незрелого. Хрущёва через пару лет сняли, а я так и остался «и примкнувший к ним Цукерник». (Немало минуло лет с тех пор, как была осуждена «антипартийная группа Маленкова, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Булганина и примкнувшего к ним Шпилова», тогда этот словесный штамп ещё не ушёл из людской памяти).

Иван Антонович от души рассмеялся — не зло, а именно от души: «Крепко сказано. Кто это Вас?»

Я: Начальник мой тогдашний. Тоже, между прочим, еврей. Ну, ладно. Я тогда даже не очень расстроился. Думал: кончу МГУ, пойду в школу, покажу себя — примут! Не могут не принять. Есть же правда на свете. А пока стал искать работу по специальности — чтобы ещё до окончания МГУ начать. И нашёл — по совместительству. Фирму «Заря» знаете?

Он: Что-то насчёт натурки полов? По радио передают в отделе «объявления».

Я: Она. Но тогда — в 1967 году — был в ней и отдел репетиторства и подготовки в ВУЗы. Вот меня туда и взяли летом 1967 года. Я только в ВУЗы по истории готовил, около сотни подготовил. И знаете, приходили они, до ужаса ничего по истории не зная. Я уразуметь не мог, в чём дело. Ивана Грозного совали в XVII век, Владимира и Святослава не знали, из войн знали лишь, что были татары, рыцари и Наполеон, а Смутное время, скажем, на 90 % не знали.

Он: И как же Вы выходили из положения? Ведь времени у Вас было в обрез, курсы-то платные.

Я: То и хорошо, что платные. Они хотели знать, даже платили за это. Не их вина, что их не выучили, не объяснили — что такое история и зачем она. Я им с самого начала давал установку — история помогает не повторять ошибок, за которые уже заплачено кровью. Вы знаете — это из Анчарова — «Сода-Солнце». А потом — лекции. За 30 часов проходили от питекантропов до наших дней — с деталями, проблемами, разбором сражений, с картами. У меня десятки карт, я их всё время в карты тыкал. И из сотни только одна получила тройку — мы с ней сорок минут про Полтавский бой толковали, на Полтаве и срезалась. Остальные сдавали историю в основном на пятёрки (был уговор — сообщать). И несколько раз я слышал от родителей: «Спасибо, мой или моя даже понятия до Вас не имели, что такое история, а теперь просто-таки прозрели». И проверяющие из ГОРОНО всегда хвалили наш отдел — там замечательные учителя подобрались, и меня тоже. И вдруг приказ — закрыть отдел. Нечего, мол, коммунальникам не в своё дело соваться.

Он: Так и было сказано?

Я: Именно — не за плохое качество продукции, а за то, что не по своему профилю фирма взялось работать. Пусть полы натирает и двери дермантином обивает. В самом конце 1971 года — через два года после этого приказа — директор фирмы «Заря» написала в «Литературку» и там была как раз под Новый год подборка «Репетиторство запрещено?» Отвечал ей замминистра просвещения РСФСР или начальник отдела — не помню, а за фамилию ручаюсь — Стрезикозин. Он объяснил, что в РСФСР запрещено репетиторство из принципа: у всех должны быть равные возможности, а репетиторы, мол, идут к тем, у кого денег больше. Заметьте, это только в РСФСР такие принципиальные. В других республиках не запрещали. И всё равно висят объявления: готовлю в ВУЗы. А из моей сотни только двое были из богатых семей, остальные — либо родители с мясом отрывали, либо сами зарабатывали. Был тяжёлый случай — одна девушка до того доготовилась по ночам, а днём работала, да на фирму к нескольким репетиторам ездила — в психиатричку её отвезли. А если бы сама занималась — возможно, здоровье бы и сберегла, но только вследствие раннего понимания, что не сдаст, и надо плюнуть на всё и здоровье беречь. Ей было очень трудно со школьной подготовкой и наличными способностями, да к тому же жила впроголодь — деньги шли на репетиторов. Но ведь не за прихоть платила, не с жиру бесилась — ей нужны были знания! А Стрезикозин: полезно только для обеспеченных... Им-то как раз и не нужно, им мамы и папы и книг накупят, и в театры и музеи сводят — у них культурный уровень и — как следствие — умственный — и так выше, чем у семей, где папа приносит сотню, а мама шестьдесят...

Он: Идиотизм, иначе не скажешь. Продолжение у подборки было?

Я: Не знаю, как раз прекратил подписку на «Литературку». Но я туда писал. Советовал Стрезикозину закрыть книжные магазины, пусть все только библиотеками

пользуются — на равных. Кстати, можно и в квартирах туалеты не строить — пусть все ходят в общественные уборные...

Он: Последнее — перегиб, туалеты есть во всех квартирах.

Я: Но если развить стрезикозинскую мысль, то к этому всё же придёшь. Мне из газеты ответили, что я во многом прав, но ведь не фирме же «Заря», не коммунальникам же заниматься штопаньем дыр системы просвещения. Каждый должен делать то дело, какое ему положено, а не лезть в постороннюю сферу... А какие там были учителя подобраны — таких теперь вместе не собрать.

Он: Такое часто бывает — с самыми лучшими намерениями губят хорошее дело.

Я: Михаил Кольцов писал: если человек хочет и может помочь строительству социализма строительством пожарного сарая — не мешайте ему. И американцы, я читал, в аптеках и сосиски продают, и пятно на пиджаке выведут — сервис. И ничего, капитализм от этого не гибнет.

Он: Даже крепнет от этого. Для гибели ему другое нужно. Ну, остались Вы без совместительства...

Я: Это уже в 1970, в январе. А кончил я МГУ в 1968. Защитил диплом — Северина. Надо работать. А вечерникам нужно самим искать работу. Можно пристроиться к дневникам, ну и ушлют на Камчатку. А я женился на 3-м курсе — на соученице — и она из-за дочки на два года отстала в учёбе. Как я брошу её в Москве, если у неё с моей матерью нелады? Нам даже пришлось кооперативную квартиру брать, 35 рублей в месяц плюс долги. Я уже с 1966 на асфальтовом не работал — шинный завод большой заработок давал, хотя и кости трещали — даже правое плечо просело. А когда кончил МГУ — забежал по РОНО (Районный отдел народного образования). И тут меня так встретили — до смерти не забуду.

Он: Как же?

Я: Началось в Ждановском РОНО. ЗавРОНО Пилипенко мне так слово в слово и сказала: «Университетские слишком много знают и портят детей. Мы стараемся не допускать их в школы».

Тогда как раз в Чехословакии шла заваруха. В «Известиях» писали — причина в плохом знании чешской молодёжью истории. Я ей напомнил эту статью, а она мне: «Теперь мне окончательно ясно Ваше политическое лицо. Я приложу все усилия, чтобы Вы не попали в школу».

Он: Такого и мне давно не встречалось. Говорите, Пилипенко?

Я: Слышал я, что её в ГОРОНО хотели выдвинуть, не знаю — выдвинули или нет, но сейчас она на пенсии. Но РОНО в Москве много. Стал я по ним ходить. И узнал, что есть не письменная, а устная, но категорическая рекомендация: учитель истории в Москве должен быть обязательно членом партии.

Он (засмеявшись): Значит, и я не могу быть учителем истории?

Тут я вытаращил на него глаза — мне не могло придти в голову, что он, автор «Туманности Андромеды» и «Часа быка» — беспартийный. Ведь вряд ли кто из живущих ныне сделал больше для создания отчётливо видимой и понимаемой панорамы коммунизма с перспективой на века и тысячелетия в сознании десятков, а может быть и сотен миллионов людей, для освещения цели, во имя которой несмотря ни на что продолжается сражение. Но потом я вспомнил, что мне встречалось немало хороших

людей, прямо говоривших, что вступать в партию им не позволяет брезгливость. А сами они — я уверен стопроцентно — не задумываясь легли бы с гранатой под танк и грудью на амбразуру. Я не рискнул сказать ему об этом. О времени я уже не думал, забыл о нём. Хотелось рассказать ему всё, только стесняла мысль, что ему самому не всё можно не то что сказать, но даже слушать — это поставит его под лишний удар, а он был слишком нужен всем, кто хочет действительно строить коммунизм. Его книги поддерживали надежду и давали знание. Таких надо беречь, а значит — беречь и от вражьих подозрений. Только позже пришла мысль, что он был уже безоговорочно поставлен под прицел, и ничто уже было ему не страшно: ни узнать, ни сказать (независимо от того, сколько ему оставалось прожить) — с точки зрения личной безопасности.

Я: Мне отказывали в РОНО, в школах, а я даже в Кунцево ездил — это из Выхино-то. Были вакансии, а меня не брали. И несколько раз мне по секрету доверительно сообщили, что дело даже не в партийности, но и в национальности. Тоже, мол, есть устная рекомендация. Я им: откуда? Они: из МК КПСС. Пошёл я туда, хотел к Гришину попасть.

Он: Не пробилась?

Я: Конечно. Но завприёмной мне поклялся, что таких рекомендаций быть не могло.

Иван Антонович опять засмеялся.

Я: Пошёл я в приёмную Председателя Президиума — отказались записать. Говорят: этого не может быть, значит — не запишем. Вот Вы сказали: «забор». Не забор, а стена. И не каменная, а с мягкой обивкой — все звуки глохнут. Ну, на шинном мне стало трудно работать — перешёл я на МЗМА, теперь он АЗЛК, в цех металлопокрытий. Работаю там среди всяких кислот, а сам думаю — надо в партию вступать. Два года проработал, подал заявление. И всё рассказал и поручителям, и цеховому собранию. Они проголосовали за меня. А заводской комитет постановил: воздержаться. «Если бы у Вас не высшее образование, дело другое, а так надо присмотреться». Два года присматривались — мало? Я спускался по лестнице после заседания — меня шатало. Вот — на часах стекло треснуло — тогда разбил сослепу.

Он: Что же не сменили?

Я: На память оставил. Чтобы не забыть. Реликвия не из лучших, но действует безотказно. Ну вот, в этом цехе мне неважноту стало, перешёл в отделочный — там хоть пыль, да кислоты нету. А сам на себя уже рукой махнул. И жена, как на неудачника смотрит, прямо при дочке излагает своё мнение. Она из-за ребёнка на два года отстала, мне это, правда, на пользу было — хоть курсовые ей писал, дипломную процентов на 80 сделал, а то и на все 90. Тут тоже целая история. Вы знаете о «Комитете Спасения Родины и Революции»?

Он: Тот, который подготовил юнкерский мятеж?

Я: Да, это о нём так пишут. Но отдельной работы о нём ни разу никто не писал. А её профессор Найдёнов дал ей как раз эту тему. Мы потом узнали, что его на кафедре отговаривали: не засыпай, мол, студентку, где ей с такой работой справиться, тут и учёные-то не берутся... Но он настоял. Тоня пришла, чуть не плачет. Я тоже был в расстройстве чувств, а потом решил — вдвоём справимся. К тому же когда-то писал курсовую о Петроградском Военно-Революционном Комитете, а тут появилась возможность изучить его антипода. Взялись мы, и я её сразу отнёс — она у меня пуганая — и жизнью вообще, и моим примером в частности; ей о революции, тем более о контрреволюции писать нельзя. Наладил я её в архив добывать материалы — туда-то мне хода не было. И оказалось, что вся советская литература 20-х — 30-х годов о революции

была в 1937-1948 годах изъята из библиотек и большей частью сожжена. Даже в закрытом фонде Исторической библиотеки далеко не всё нашлось. В архиве тоже есть свой закрытый фонд — туда пускают только кандидатов и докторов с партбилетами, а есть и такой фонд, куда вообще никого не пускают. Заметьте, речь идет об Октябрьской революции. Это значит, что мы её историю по сей день не знаем, знаем полправды, а для масс и осьмушки правды хватает. И вот просит Тоня мемуары эмигрантов, эсеро-меньшевистские газеты, а с неё берут подписку о нераспространении их идей. Смешно?

Он: Куда уж смешнее.

Я: Всё-таки материала набрала она гору. Стали мы его разбирать — картина получается цельная, но совсем не та, что в учебниках или, скажем, многотомной истории КПСС. Стали мы ругаться. Я печатаю главу, а она читает и кричит, что я её посадить хочу. Правда, ругань на пользу пошла — в процессе её у меня новые доводы и выводы возникали. Получилась работа — оппоненты от восторга опомниться не могли. Добрая дюжина, а то и больше совершенно новых для науки выводов о Комитете Спасения, не помню точно. Надо, говорят, сократить вдвое и нести в журнал. Сел я за сокращение, а она не сокращается. Ведь и так по ходу написания лишнее отбрасываешь. С горя приделал я к истории этого нехорошего Комитета историю ПВРК — переработал, конечно, расширил историографию, назвал всё это «Революция и контрреволюция в Петрограде в октябре 1917 года», так она у меня дома и лежит — даже надежды на публикацию нет: слишком Двадцатым съездом пахнет, я этот запах после защиты усилил и не убегу ни за что. На пару лет меня эта тема от Северина отвлекла, а кончил её, и опять затосковал. И вот — в самом конце августа 1971 года взял да и зашёл в ГОРОНО — нет ли вакансии историка бедному беспартийному жиду? А они — езжай в Тимирязевский район. Я туда — в РОНО. И сразу направляют в 849-ю школу в Бескудниково. Это полтора часа одной езды от дома, плюс раздеться, взять журнал, дойти до класса — в общем, выезжал я из дому за час-сорок пять. Получал рублей на сорок меньше, чем на заводе. 19 часов в неделю — 90 рублей, плюс 10 рублей за классное руководство. А на деле — 12 часов в день, а то и больше. Ведь помимо дороги — уроки, занятия с отстающими, хождение по родителям. Свою Лильку я из садика забирал самым последним, а дома нужно было готовиться к очередным урокам. Заметьте, историку ещё не надо проверять тетради. Так что получил я не синекуру. Но был всё равно на седьмом небе — дорвался до своего дела. Дали мне 9 классов — в каждом по 40 с лишним ребят, итого 370.

Он: Много.

Я: Понимаете, вся эта школа ненормальная. Её строили с экспериментальными целями и выстроили на 1300 ребят. А в средней московской школе их 600. Но в ней, единственной в Союзе, есть бассейн для плавания — замечательный бассейн. И поэтому в ней учится не 1300, а 1900 ребят. Но для телевидения (ежемесячно оттуда приезжали) и для всех делегаций (тоже были) она не «школа с образцовым бассейном», а «образцовая школа с бассейном» — и ребята это очковтирательство видят.

Он изумился, возмутился, но не помню слов.

Я: И даже если бы они все были ангелами, всё равно — критическая масса явно превышена, школа и тогда была бы в состоянии непрерывного взрыва. А ведь это Бескудниково, район новый, ещё неблагоустроенный, ребята в основном из рабочих семей, культурный уровень ниже среднего городского. Библиотека — в стороне, добираться до неё — только в резиновых сапогах. В школьной библиотеке — не более 300 книг. Вот первая причина. Затем — перегрузка, двухсменность — лишают школу возможности стать детским клубом, дворцом пионеров, вторым домом. Кабинетная

система — классы не имеют постоянного помещения. А у кочевников культура всегда ниже, чем у оседлых. К тому же строители вставили таллинские замки — к ним в Москве ключей не сделать, московские колодки для ключей — с другими канавками. Значит — то ключ потерял, то унесён убиравшим кабинет классом, чтобы другие не намусорили, и утром приходится ломать дверь — и тогда на переменах незапертый класс подвергается разгрому — либо искать другое помещение, а его нет. Беспомощность учителей, администрации — на глазах у ребят. Но это ещё пустяки. Хуже всего — закон о Всеобуче. Учителя, школа — обязаны учить всех, даже не желающих учиться. А ученики — не обязаны учиться, у них есть права, например, на образование. У учителя же никаких прав — только обязанности. Вот это — главная беда. Я с этим с самого начала столкнулся, только не сразу понял — ведь в МГУ об этом не говорилось.

Он: Естественно, вы бы, чего доброго, разбежались. Но неужели об этом никто наверху не знает? Или это только в той школе в Бескудниково?

Я: Мне известно, что какая-то старая коммунистка писала Брежневу, но ответа не было. А мне лично известны десятки полтора случаев, когда старые заслуженные учителя ушли из школы — не смогли работать в теперешних условиях. Кое-кто попадает при этом в аппараты РОНО, большинство уходит из просвещения совсем. Я-то уходить никак не хотел — историку бежать нельзя. Если оставить ребят наедине с учебниками — всё погибнет. Вы знаете, как выглядят нынешние учебники истории по сравнению с теми, по которым в сороковых годах учились?

Он как-то передёрнулся и резким голосом сказал: У меня было достаточно других поводов для ярости; учебниками, признаюсь, не интересовался. А что с ними случилось?

Я: Ну, например, в пятом классе нынешний учебник, если сравнить его с тем, по которому я учился, значит — с 1950 годом... В нем от Ассирии осталось две строчки да выдержка из документа, почти нет Финикии, нет Иудеи и Израиля, нет хеттов и морских народов, нет Рамзеса Второго и Эхнатона... В Греции нет Пелопоннесской войны...

Он (яростно): Что Вы говорите?

Я: Нет. Только одна строчка без названия войны. Алкивиада, конечно, нет... В Римской истории нет, к примеру, самнитских войн и восстания италиков, Вириата, Сертория, Аристоника, обеих Сицилийских войн... Вообще из восстаний — только Спартак. Нет Мария, Суллы, Венцингеторигса, Арминия, нет Иудейских войн, нет подробностей Пунических войн, например Гамилькара, Фабия Максима...

Он: Позвольте, недавно в «Звезде» был опубликован роман Гулиа о Сулле. Что же, уже и Суллу запретили?

Я: Зачем запретили? Но кто будет о нём читать, ничего о нём не зная? Я в школе читал, пусть немного, у меня возник интерес. А если в школе человек не узнал — откуда он узнает? Какой-нибудь слесарь или бульдозерист — станет он бегать в библиотеки, искать там в энциклопедиях про Суллу или Катилину? Катилины в учебнике тоже нет и Цицерона нет фактически — только изображен его бюст.

Он: Невероятно. А что же есть?

Я: Учебники есть. Красивые. В ГДР для нас отпечатаны. То-то немцы, небось, смеялись... Это я по древнему миру говорил. А Вы можете себе представить историю средних веков без норманнов и монгольского нашествия?

Он: Что, и монголов нет?!

Я: В параграфе о Китае — там всё китайское средневековье уместилось на двух листах — упомянуто: напали монголы и покорили кроме Китая ряд государств, в том числе и Русь. Китайский народ не смирился, и в конце концов изгнал их.

Он: Пожалуй, хватит пока об учебниках. Не знал я этого... Но Вы-то как управлялись? Ведь учить-то ребятам нужно по учебникам?

Я: Если бы только учить... Я бы их выучил! Ведь все три года безделья к этому готовился. Карты собирал, вырезки из газет и журналов... Такие планы составлял на всеобщее проникновение истории во все области школьной жизни... Но мне некогда было их учить. Я на уроках своего голоса поначалу не слышал — такой шум в классах. Ходят на уроке по классу, дерутся, дико мусорят... Вёдрами мусор выносили. И главное — никаких у меня прав. Нельзя в угол поставить, в коридор выгнать хулигана. И ребята это знают. И даже если бы они все были нормальные, всё равно порядка бы не было. А ведь среди них и психически ненормальных порядочно.

Он: В каком смысле?

Я: В самом прямом — у них есть справка о невменяемости.

Он: Для таких есть специальные школы.

Я: Только для самых уж ненормальных. А эти — им «не противопоказано находиться среди нормальных детей», как мне объяснили. Каково с ними нормальным детям — вопрос другой. А об учителях вообще не стоит думать, их дело телячье. Учи, а не учатся — всё равно мучься. У меня было пять четвёртых, три шестых и один восьмой класс, и в них было таких мальчишек — только мальчишек, девчонок не было — десятка полтора-два. И не было на них управы. Если, скажем, Селицкий из шестого «Б», переросток, сын алкоголиков, сильный как мужик, не барабанит на уроке по столу ладонями — я должен быть счастлив. А он любил барабанить. И выгнать его в коридор не могу — приказ министра это осуждает, а приказ по школе, санкционированный РОНО, запрещает категорически. (Приказ этот не был зафиксирован на бумаге, ибо по нелепости и преступности своей не лез ни в какие ворота. Но о нём говорили, как о чём-то безусловно существующем и обжалованию не подлежащем, так что хотя его вроде бы и не было, но он очень даже был. Это я понял позже, но Ивану Антоновичу об этом не сказал, сказал как о реальном и официальном документе).

Ведь выгнанный может повеситься в уборной — кто-то где-то уже повесился, или пойти на улицу и совершить в учебное время преступление — мне именно так мотивировали этот запрет. И всё-таки я успел с тремя четвертями этих «психов» наладить отношения, они уже слушали меня. Один — Балашов — потом даже просил сообщить, в какой школе я буду работать — он тоже туда перейдёт. И ребята меня начали слушать, и активисты, любители истории появились. Да всё зря — выбили меня из школы навечно: не выдержал и дал одному пощёчину. Как раз 1 декабря — ровно через три месяца.

Иван Антонович снова засмеялся: «Через три месяца? Крепкие у Вас нервы. Я бы на второй день силу применил. Как же это вышло?»

Я: Он в первую четверть тихо сидел, а я с другими воевал, на него внимания не обратил. Директор на педсовете его упомянула, мерзавцем назвала, так я даже удивился. Правда, ничего не учил, даже учебник не завёл. Я ему несколько раз адрес магазина писал, где «Историю» купить можно — не купил. А одет в самую дорогую форму — мать с отца алименты получает, сама продавец в «Радиодеталях», мальчишка только птичьего молока не имеет. Остался на третий год в четвёртом классе, а она ему собралась купить велосипед с мотором. Хорошо — школа помешала.

Он: Третий год в четвёртом классе?

Я: Да. Зачем учиться? И так переведут. Обязаны — ведь Всеобуч. А сидеть-то скучно. Первую четверть он у меня сидел смирно, а во второй начал срывать уроки — минут по 15-20 уходило на него. А тут мы без класса остались — по расписанию нам военный кабинет полагался, да директор запретила военруку туда кого-нибудь пускать. А в расписание изменений внесено не было.

Тот и рад — порядка в кабинете больше. Взял ключ себе, другого нет. И в этот день его в школе не было. А нам замены не дали. Как раз был грипп, директор и завуч старших классов болели, а младший завуч с ног сбилась, не могла мне помочь. Ну, взял я один класс, позанимался с ним в фойе у входа: я стою, ребята у стен и сидят; кто на портфеле сидит, кто на приступочке такой — вдоль стены идёт. А второй урок был с тем классом, где этот Игорь Чумаков. Все в кучу собрались, а он и ещё три-четыре — в стороне сели, почти за спиной у меня. Позвал я их в общую группу — не идут, будто не слышат. А ребята и так возбуждены, время уходит, четверть на исходе... Я и махнул на них рукой. Веду урок, а за спиной гуденье — громкое такое. Кто-то мычит, рта не открывая. Я раз десять оглядывался, пока понял, что это Чумаков. Повернулся к нему — перестанет, отвернусь к ребятам — опять гудит. Ребята пересмеиваться стали. Я его раз пять просил замолчать — гудит. Подошёл я к нему — а он не встаёт — и опять загудел. В глаза мне смотрит и гудит. Как я ему дал — от пощёчины голова мотнулась. Он вскочил, отбежал, и меня сволочью и прочими словами, только что не матом. А за спиной у меня в этот самый момент младший завуч оказалась: Яков Иосифович, что Вы делаете?

Иван Антонович опять засмеялся, прямо-таки закатился от смеха, упомянув закон Финнегана, иначе именуемый законом бутерброда — не помню, как именно он его назвал, но скорее первое, ведь перед ним сидел человек, несомненно читавший «Лезвие бритвы», и мне перевод не требовался.

Я: Местком через два дня собрался, старшая завуч на нём была — вынесли мне строгий выговор. А директор через день вернулась — выздоровела — и опротестовала в РОНО: дескать, завуч не имела административного права на вынесение выговора в приказе. Потому просим — выговор отменить, а Цукерника уволить. Потом педсовет собрала. И там такое ляпнула, что я на память не понадеялся — записал. Вот как она сказала: «Если Чумаков не может написать упражнение или решить задачу — вы должны (учителя то есть) дать ему такие, чтобы он мог решить». И ещё сказала: «Мы должны быть стойкими ленинцами и понимать, что пока Всеобуч существует, мы должны доводить таких Чумаковых до аттестата зрелости». Очковтирательство во имя Ленина — такого я ещё не встречал.

Он: А я встречал. Но сказано здорово, достойно места в хрестоматии. Итак, Вас уволили?

Я: Да. Ни тут, ни в РОНО я не смог ничего доказать. Все всё понимали и потому-то меня и уволили. И статью дали такую: 106-я, пункт 4: «аморальное отношение преподавателя к ученику». Правда, в трудовую книжку вписали «применение антипедагогических мер». С такой статьёй беспартийного еврея к школе на выстрел не подпустят. Кстати, ребята из целого ряда классов за меня были — окружали толпой, кричали: не уходите, мы другого историка камнями встретим... Всё же награда.

Он: А в суд подавали?

Я: Два раза — в народный и городской. Отказано.

Он: И что же теперь?

Я: Изложил всё в докладной записке и отнёс в ГОРОНО. Ответили: «Ваш личный вопрос перерешать незачем, а о школе позаботится комиссия, но Вам её выводы знать ни к чему».

Он: Блестящий ответ. А Вы?

Я: А я готовлю большой доклад — о себе, о школе, об истории в СССР и в школе, о фантастике... Помните, я Вам рукопись о Стругацких присылал?

Он: Так это Вы были! Я тогда не мог Вас принять — сердце, но ответ послал... То-то фамилия знакомая!

Я: Меня фантастика всегда интересовала, а Ваша и Стругацких — особенно. Ведь Вы с ними затрагиваете проблемы истории. Я, возможно, плохо тогда написал...

Он: Не в этом дело. Кое-что Вы там хорошо подметили, хотя заглавие — явный перебор. Но Стругацким помочь невозможно. Я этих парней сам очень люблю, но знаете, как я их крыл — ведь они всех фантастов, весь жанр под удар поставили...

Я: Но Алексеев не просто клеветал на них, а глупо клеветал, (Речь шла о выступлении Михаила Алексеева на Съезде писателей РСФСР в начале марта 1970 года, опубликованном в «Литературной газете» — он тогда выступал с отчётным докладом. За то, что у Стругацких один из персонажей «Второго нашествия марсиан», даже не скот, а насекомое, с издевочкой отзывается о понятии «патриотизм», он обвинил авторов в антипатриотизме). За «Второе нашествие марсиан» не могли по ним так ударить. Скорее за «Улитку на склоне». Она недаром так и не вышла целиком, а только в раздробленном виде.

Он: И даже не за неё. Они написали ещё три вещи и как-то ухитрились издать их без цензуры. А на титульных листах этот факт отметили. Вот за это и ударили и по ним, и по жанру. Но нельзя же было объяснять причину, вот Алексеев и пришёл на помощь. В итоге пострадала вся фантастика. Парнов даже в историю сбежал — отличную книгу о Тибете написал и что-то о Екатерине Медичи.

(Не о Екатерине, а о Марии. «Ларец Марии Медичи», но эту книгу, как и её продолжение — «Третий глаз Шивы», а ныне и третья часть где-то печатается,² — я тогда ещё не прочёл).

Я: О Тибете я читал — «Бронзовая маска». О Медичи — нет... Странно — писать такие книги, как «Солдаты», «Наследники», и быть таким нечистоплотным.

Он: К сожалению, распространённое явление.

Я: После алексеевской речи всё-таки вышел книжный вариант «Обитаемого острова» и почти не пострадал при этом. Только Максим из русского немцем стал, и Странник тоже.

(Тогда я ещё не понял, что главное было в замене названия тайной мафии «Неизвестных Отцов» на бессмысленных «Огненосных Творцов», что это наши неизвестные отцы отреагировали, а изменение национальности героев — в виде бесплатного приложения, чтобы не было слишком явным, из-за чего именно учинена вивисекция).

Он: Как?!

² «Мальтийский жезл», более позднее название «Александрийская гемма», выходили в «Детской литературе».

Я: А Вы не читали?

Он: Только в журнале. Такого анекдота я не ожидал... Так он теперь не Максим?

Я: Максим, но не Ростиславский, а, кажется, Каммерер. И Странник его не дураком и сопляком назвал, а те же слова по-немецки...

Он: Придётся прочесть. А что Вы с этим докладом делать будете?

Я: Отправлю все экземпляры во все высшие инстанции. Скорее всего, это будет удар головой с разбега в стену, но мне уже всё равно.

Он: Всё равно? А семья?

Я: Дочка всё спрашивает: почему, папа, ты теперь не учитель? Что ответить? Жена считает, что сам во всем виноват, в её глазах я неудачник. Любит, но холодно дома. И сама на моём опыте напугана, в школу не идёт, осталась в детском саду воспитателем, только полгода в интернате совмещала с детсадом, не горела, а ляжку тянула. Это я тоже никому не прощу — её испуг, душевное увечье. Нет мне выбора — или жить раздавленным червем, или идти на таран. Только бы Северина пристроить.

Он: Не спешите с тараном. Я всё думаю, как Вам помочь. Скажите, а Вам не приходило в голову написать о Северине исторический роман?

Я прыснул от смеха: Иван Антонович, я же «Лезвие бритвы» читал и главу «Дар Алтая» помню. Я шёл сюда и думал: Северин и Гирин — явная родня, Ефремов заинтересуется, вдруг будет такое счастье — захочет написать роман!

Он (тоже засмеялся): У меня, пожалуй, времени не хватит. А серьёзно — почему бы Вам самому не взяться? Вот я Вас слушал, у Вас есть дарование рассказчика. И рукопись Вашу о Стругацких я помню — у Вас может выйти.

Я: Да ведь ещё и эрудиция нужна! А я вечерник и языков не знаю, только слово за словом перевожу — я же рассказывал. Всё «Житие» — полсотни страниц формата энциклопедии. А на перевод ушло почти два года. А что тогда носили, что ели, как дома, города, виллы выглядели? Вы это знаете, и Гулиа знает. И ещё, пожалуй, Немировский знает — Вы читали его «Белые, голубые и собака Никс»?

Он: Читал. Вы правы... Роман или повесть о Северине были бы очень интересны... Но мне не успеть.

Я: Я знаю, у Вас ещё «Дети росы» не написаны.

Он: «Дети росы» я писать не буду — слишком много написано о древней Руси.

Я: Да ведь не то написано! Югов, Скляренко, Панова — бездарно и шовинистически, а у Яна только «Батый» безупречен, а Иванов — талантливо, но с огромными искажениями и тоже шовинистически...

Он: Но-но-но! Валентина Иванова не трогайте, он мой друг.

Я: Так я же его не как Вашего друга ругаю, даже не как писателя, а за идеи, которые он проповедует, и за враньё.

Он: Ну, например?

Я: Вот хотя бы: хазар в VI веке ещё не было, они ещё только возникали как народ. А у него уже каганат, иудейская вера — её в восьмисотых годах примут, даже Саркел — его ровно через триста лет построят.

Он: В романе это допустимо. Кутригуры не так живописны, они мало известны широкому читателю.

Я: Но ведь вся международная обстановка того времени — а роман претендует на всеевропейский охват — летит к чёрту.

(Сейчас я вдруг сообразил, что роман не назван — мы оба понимали, о чём речь. «Русь Изначальная» Валентина Иванова, написавшего также «Повести древних лет» и «Русь Великую», в сумме ставшими чем-то вроде трилогии),

И это не единственный ляп в романе. Помните — Юстиниан во время восстания «Ника» вспоминает на ипподроме, как по нему проводили пленных вандалов? А ведь вандалов поведут по ипподрому на год позже...

Он: В романах такие смещения всё же возможны, хотя и нежелательны...

Я: А то, что он всемерно возвеличивает славян, русских? У него богатейший словарь...

Он: Вот видите!

Я: А как он его использует? Славяне у него едят, неславяне жрут. Константинополь весь в нечистотах. И сравнения-то вонючие: «Стёр себя, как грязное пятно», «смерд собственного дыхания»... а в «Руси Великой» как он даёт всемирную панораму? Мексиканцы друг друга жрут, ромеи друг друга травят, китайцы заучились до идиотизма, только русские — люди, да кочевники, отчасти на людей похожи...

Он: (засмеявшись): Тут Вы правы, есть такой уклон.

Я: И не только у него, у большинства наших исторических романистов. Настоящие «романы без страха и упрёка» насчитываются единицами. Дилогия Марианны Яхонтовой об Ушакове, «Две столицы» Равича, «Сагайдачный» Зинаиды Тулуб, «Кавказская повесть» Павленко, «Буйный Терек» Мугуева, «Солдатская слава» Голубова, кое-что у Паустовского, конечно — Сергеев-Ценский... А так — даже лучшие вещи таят в себе долю яда. Вот хотя бы кобзевское «Падение Перуна» — чудесная поэма, а концевые четыре строчки всё портят.

Он: Что за поэма?

Я: Она в недавно вышедшем сборнике Кобзева «Витязи». Чтец я некудышный, но Вы послушайте не меня, а сами стихи.

Я прочёл ему отрывок о Святославе и конец — от слов «... под покровом тьмы к городским стенам кочевая орда подкралась». Он похвалил стихи, но согласился, что конец сильно портит поэму: «наш русский дух не сломить никакою силою». Я спросил: «Почему только русский дух, а другие что же — можно сломить?» Он усмехнулся: «Логически рассуждая — так получается». Но когда я, ссылаясь на мнение историка Льва Николаевича Гумилёва, высказанное в «Открытии Хазарии», сказал, что Кобзев напрасно восхваляет обоюдоострый меч русского в сравнении с кривой саблей кочевника — не критически пересказывает эпизод из летописи, явную к тому же выдумку летописца, не присутствовавшего при разговоре хазарского царя со своими «старцами», якобы признавшими превосходство русских мечей над хазарскими саблями — тут Иван Антонович заспорил. Он сказал, что Гумилёв — а его работы мы оба читали, и к тому же, как мне потом сказал сам Гумилёв, они были лично знакомы — во многом фантазирует, перегибает, в частности — в вопросе о мечах. Прямой двуострый меч существовал на Западе столетия. Сталь мечей была не хуже, чем у восточных сабель. Мечи-кладенцы

действительно существовали — в их сталь добавлялась платина, об этом ещё в конце прошлого века писал какой-то горный журнал. Мечи не умерли, а превратились в шпаги, не утратив прямизны, следовательно — такая форма вполне оправдана. Гнутость сабли хороша при слабой броневой защите. Гумилёв — умница, но и он ошибается, зря Вы считаете его мнение бесспорным.

Сейчас, в 1987 году я снова думаю над этими словами. Гумилёв — второй из моих заочных Учителей, кого мне довелось видеть живыми. Первый как раз сам Ефремов. Оба — рыцари истины, хотя случалось им и ошибаться в чём-то, хотя бы потому, что абсолютной истины нет в природе. В чём они здесь разошлись?

Гумилёв, полпред в нашей науке всех так называемых варварских народов перед так называемыми цивилизованными и всех кочевников перед оседлыми, среди прочих достижений кочевников отметил и изобретение сабли, и её несомненные преимущества перед мечом.

Ефремов — не менее справедливо отметил, что меч в условиях сильной броневой защиты был вполне оправдан. Действительно, там, где и сабля не брала пружинящие кольца кольчужного, так сказать, комбинезона, тяжелая стальная дубина-меч ломала кости и прошибала мышцы даже сквозь кольчужное плетение, а сплошной панцирь могла вмять или проткнуть, ибо сила есть умножение массы на ускорение, а в сильной руке тяжёлый меч бил со страшной силой. И шпаги в более позднее время опять-таки имели дело с панцирями, искали узкую щель, и тут прямизна их обеспечивала точность укола.

Но в конной рубке шпаги проиграли саблям — и тут прав Гумилёв, причём, чем ближе к нашему времени, тем более прав, так что счёт в их споре равный, просто спорили они о разных сторонах проблемы, сгоряча считая её чем-то односторонним. Им бы отложить её на пятнадцать лет, как это у меня получилось в данном случае — и пришли бы, полагаю, к тому же выводу, что и я здесь. Так у них и с изучением человеческого общества вышло: Ефремов изучал политийю, то есть равнодействующую социогенеза и этногенеза, а Гумилёв уже после его смерти дошёл до блестящего решения проблем этногенеза, выделив его в чистом виде. Социальные же проблемы изучали Михаил Николаевич Покровский и его ученики в двадцатых — начале тридцатых. Почитать их порознь — вроде бы разные люди писали и говорили, а на деле штурмовали три стороны треугольной крепости, причём очень дружно, даром что в разное время и независимо друг от друга. Ибо все они были от природы, генетически, коммунарами и все искали именно истину.

Я уже давно заметил, что в столе, у которого я сидел на диване (а у него были тумбы этажерочного типа, без ящиков), на нижней полке лежит книга Рапова «Зори над Русью». Мы говорили на древне-русскую тему, и я спросил — нравится ли ему эта книга?

Он: А я её ещё не читал, мне её только что принесли. Вы сами её как находите?

Я: Гораздо лучше «Дмитрия Донского» Сергея Бородина.

Он: Не говорите мне о «Дмитрии Донском» — прескверно написано.

Я: Зато «Звёзды над Самаркандом» великолепны.

Он: Это — да. А эта Вам чем именно нравится? (Он кивнул на «Зори над Русью»).

Я: Широтой охвата. И Москва, и Литва, и Тверь, и немцы, и Новгород и Орда. Причём ордынцы — люди. Даже патриоты — например, Темир-мурза. И Мамай умён, даже талантлив. Но кончается Куликовской битвой, словно к юбилею писалось.

Он: А чем следовало кончить?

Я: Ведь был ещё поход Тохтамыша. И поход на Новгород — за деньгами для выплаты дани татарам. И проблема сватовства Ягайлы, союза с Литвой. Я бы довёл до смерти Дмитрия, до преддверия грызни между Василием и Юрием, иначе получается крик «Ура», а впереди ещё сто лет крови и рабства... Кстати, о Новгороде. Вы читали Балашова «Господин Великий Новгород» и «Марфу-посадницу»?

Он: Даже не слышал о таком писателе.

Я: По-моему, это лучшее из всего написанного о древней Руси. Особенно «Марфа». Знаете, я прочёл роман, и мне ночью приснилось, что я — Марфа.

Он: Надо записать.

(Он встал и пошёл к письменному столу по диагонали через комнату. Я посмотрел в ту сторону и впервые взгляделся в большую фотографию корабля на книжном шкафу).

Я: Простите, это корабль — времён русско-японской войны?

Он (с оживлением): Верно. Как Вы угадали?

Я: Когда-то, в школе, видел серию открыток. Похож на «Цесаревича».

Он: Нет, это «Ретвизан». (Корабли эти были однотипными). Я сейчас как раз собираю материал о нём. Ведь он 20 минут держал на себе судьбу всей войны.

Я: В бою под Шантунгом?

Он: А говорите — эрудиции нет...

Я: Кто же «Порт-Артур» Степанова не читал?

Он: Читают все, а помнят немногие.

Я: В данном случае хвалить не стоит — русско-японской войной я занимался и специально. Скажите, Иван Антонович, Вам нравится серия «Пламенные революционеры»?

Оказалось, что с книгами из этой серии он не знакомился — не любит литературу юбилейного типа. Я сообщил ему, что Прилежаева написала для издательства «Малыш» книгу о XXIV съезде. Он возмутился и сказал, что писать такие книги недостойно писателя. Я вступился за Прилежаеву — она написала немало хороших книг. Оказалось, что «Юность Маши Строговой» он не читал.

«Но о съезде, тем более о таком, именно об этом, ей писать для детей всё равно не следовало». Я согласился с ним безоговорочно, и рассказал, что инспекторша из РОНО требовала от меня и других учителей поминать этот съезд на каждом уроке. Я тогда поразился — как увязать рассказ о пугачёвщине четвероклассникам с XXIV съездом, а она говорит — сумеете увязать. А съезд этот — не «коллективизации» или «победителей», а скорее — «забвения памяти» и «сытого брюха». Но книги из серии «Пламенные революционеры» — не юбилейные. Все они великолепны, только Окуджава гадость о Пестеле написал. А книга Гладилина «Евангелие от Робеспьера» — просто чудо. Кажется, Иван Антонович записал название, во всяком случае сказал, что прочтёт. Нет, ему не нужно её приносить, ему из Ленинской принесут. Съезды партии вообще освещаются скверно, и правдиво о них писать очень трудно. Помните, на XIX съезде выступал какой-то беглый югослав, рассказывал всякие страсти. А газеты всё это напечатали. Вот Вам и рост процента лживости. Я заспорил. Это — не было ложью. Если бы беглец из колымских

лагерей где-нибудь рассказал о том, что там творилось, это тоже не было бы ложью. — «А Вы уверены, что там было такое?» — заинтересовался он.

Я: У нас историю южных славян преподавал Иван Драгович Очак. Он был в войну одним из соратников Тито, в 1948 лечился у нас, и при разрыве остался в Союзе. Он нам кое-что рассказал об этих событиях. Югославия первая на Балканах провела коллективизацию, организовала на наш манер промышленность. Но она на 80 % зависела от нас по сырью и машинам, да и специалистов мы много послали — там их немцы массу уничтожили, а было и так мало. Зависимость — огромная. И при этом наш, скажем, врач получал больше югославского министра. А если такой врач сам пытался опротестовать такое положение — его отзывали. А наш посол требовал, чтобы югославский ЦК собирался только в его присутствии.

Тито написал Сталину, что Югославия все же независимая страна, а Сталин решил его проучить — вот и началась вся эта история. Тито будто бы сказал тогда: «Нам одно осталось — всем привязать на шею камни и попрыгать в Ядранское море». Но прыгать он не стал, а решил бороться. Наши прекратили торговлю, страна осталась без машин, без сырья, без специалистов, заполнявших ряд брешей. Пришлось децентрализовывать промышленность и сельское хозяйство. Каждая единица теперь само искала сырьё и рынок сбыта. Это отразилось и на партии — она тоже утратила монолитность, централизацию. К тому же многие просто поверили Сталину — ему дескать виднее, раз он говорит, что Тито предатель — значит, так и есть. А ведь совсем без сырья и техники из-за рубежа страна не могла обойтись — это не Россия, не страна-континент. Пришлось обратиться к американцам, а чей хлеб ешь, того и песенки поёшь — если не было измены в прошлом, сейчас-то она, хоть и вынужденная — была! Значит, верилось и в прежнюю измену Тито. И тогда он стал уничтожать таких людей. Видимо, один из них на XIX съезде и выступал... А знаете, у нас одна студентка собирала материал для диплома о югославской дивизии в эту войну. Вы о ней слышали?

Он: О румынах и поляках знаю, о югославах не слышал. Чехи, словаки, генерал Свобода... Нет, о югославах не слышал.

Я: Эту часть начали формировать из хорватов, сдавшихся под Сталинградом. Формировали в районе Коломны. Эта девушка туда ездила. Оказалось, что архивы не сохранились, а из участников живы на весь Союз двое, причём один спился, а второй уехал на Дальний Восток. В городе от того времени осталось много детей-брюнетов... Дивизию не пускали в дело — не верили. Её держали во втором эшелоне при ликвидации Ясско-Кишинёвского котла; в Румынии тоже не пустили в дело. Соединились с югославами и отдали им — отделались. Тито тоже не обрадовался и решил эту часть сгубить. Пустил её против восьмикратно превосходящей немецкой группировки. А дивизия возьми и победи! Но после 1948 года почти все её бойцы были репрессированы...

Он: Да, история полна грязи... Но мы хоть понимаем это. Так что не всё потеряно.

Я: Иван Антонович, мне идти надо — я у Вас уже сколько времени отнял зря, ведь уже скоро десять часов.

Он: Да, засиделись мы... Но время зря не пропало. Итак, уговор: через четыре-пять дней, даже раньше, позвоните мне. Я прочту Вашу работу, напишу отзыв, позвоню в АПН — там у меня есть знакомые. Я привык делать всякое дело, не откладывая, так что и звонок не откладывайте. Нет, оставьте только свою работу и Евгиппия — Иордана я достану сам, а Нолля читать не буду — некогда. И так поверю.

Я: Евгиппию несомненно можно верить. Он ничего не понял из того, что описывал, но это даже не глупость — Северин так действовал, чтобы его не поняли.

Он: Даже дурак, если он честен, полезней мерзавца, даже умного.

Я ушёл примерно в 21.40. 5 октября я позвонил Ивану Антоновичу. К телефону подошла какая-то женщина. Она спросила — москвич ли я, очевидно считая, что Москвичи должны знать о случившемся. Но я не знал. Только от взявшей трубку Таисы Иосифовны узнал о смерти Ивана Антоновича. И вспомнил: «Мне не успеть...» Он жил под Дамокловым мечом и всё время помнил, что меч висит на волоске... Вот волосок и оборвался. Но — сказала она — он успел позвонить товарищу Горбовскому в АПН. Зайдите дней через десять за рукописью и телефоном Горбовского, а сейчас, простите, не могу. Я спросил — не нужно ли в чём помочь? Нет, спасибо, друзья помогают...

Когда я пришёл — между нами состоялся недолгий разговор, которого мне не воспроизвести. Помнится, что я спрашивал, где будет он похоронен, не соображая ещё, что уже похоронен. И кажется, она сказала, что место для могилы было заранее присмотрено на Карельском перешейке, под громадным валуном. А потом она меня стала спрашивать, как именно я отношусь к его творчеству — как к науке или как к литературе, и в чём для меня его главная сила как писателя. Я сказал, что о том же Древнем Египте или об Александре Македонском — «Таис», повторяю, ещё не была завершена печатанием в «Молодой гвардии» — он писал так, как ещё никто не писал. О том же Александре писали у нас: Ян — как только о жестоком истребителе людей, и Явдат Ильясов — чуть более доброжелательно, но тоже только с точки зрения потомка истребляемых македонскими захватчиками азиатов, а Ефремов, как я понимаю, поставил впервые в советской литературе — не поручусь за всемирную — вопрос о смертельной опасности для людей всякого гения, наделённого властью и силой. О накоплении человеческой дряни и необходимости её истребления, и о том, что в войнах, развязанных гениальными воителями, гибнут в первую голову лучшие, очищая путь к вершинам жизни двуногой нелюди, что приводит в итоге к гибели дела этих самых гениев. Для меня, во всяком случае, такие мысли оказались предельно новыми, нигде доселе не встречавшимися. Тут Таиса Иосифовна подошла ко мне и поцеловала в лоб, а я так ошалел, что не помню, как распрощался. Придя домой, я попытался письменно изложить своё мнение об Александре Македонском, исходя из уже прочтённых частей «Таис Афинской». И когда вышел последний номер — с беседой Таис с жрецом храма богини Нейт — оказалось, что характеристики совпали. Значит, понял я — его система взглядов мною до некоторой степени усвоена...

Товарищ Горбовский сделал всё для него возможное, но смог он немного, так что я по сей день не смог опубликовать даже статейки о Северине, не то что всю работу о нем. Но — сама работа по количеству мелких, но уникальных в севериноведении открытий выросла чуть не вдвое. (И продолжала расти до конца 2003 года). А почему? Потому что была у меня беседа с Иваном Антоновичем. Снова и снова перечитывая её, несколько раз перепечатав для раздачи почитателям памяти Ивана Антоновича, я в конце концов поймал себя на мысли, что теперь, когда он о Северине написать не смог, а Гулиа — я к нему ходил — не захотел, у него своих замыслов хватало, а Северин ему не родной, не то что Гири́н Ефремову, а Немировского мне поймать не удалось, — теперь я просто обязан сам написать о Северине что-то художественное, ведь это — выполнение завета Ивана Антоновича, он же мне это посоветовал. Но как? Ведь возражения мои ему тоже

показались убедительными... А если обойтись без внешних подробностей, оставить только мир мыслей Северина? Если заставить его самого рассказать — кому?

Конечно же, преемникам его, продолжателям его дела, исполнителям недовыполненной им задачи — о себе и всём ходе постановки и выполнения этой задачи? Предсмертная исповедь — с предельной откровенностью, ибо иначе они не смогут закончить дело, и всё пойдёт прахом... Попробовал. И вышло нежданно-негаданно, что Северин наговорил такого, о чём я до того и не думал, причём даже думать не мог. А ему, по ходу дела натывавшемуся на те или иные проблемы, приходилось их всесторонне рассматривать, перебирать варианты, ставить вопросы, искать на них ответы. Когда-то Пушкин жаловался, что «Татьяна такую шутку удрала, какой я от неё никак не ожидал — она замуж вышла!» Так и мой Северин преподнёс мне целую серию сюрпризов. Потом я решил предоставить слово его противнику Фердеруху, потом принцу Фредерику, потом Одоакру, Теодериху Остготскому, вообще всем персонажам «Жития».

Их высказывания тоже оказались для меня во многом неожиданными, но в совокупности дали картину цельную и на редкость непротиворечивую. В итоге получилась повесть — не повесть, что-то схожее с позже прочитанной мною великолепной книгой Фёдора Бурлацкого «Загадка и урок Никколо Макиавелли» (1977 год). Однако и её опубликовать мне не удалось, ибо работа, написанная по завету затравленного Ефремова и с использованием метода и работ травимого Льва Николаевича Гумилёва никак не может получить доброго отзыва от «специалистов», каковых вообще-то по Северину у нас и нет, а есть «по эпохе», причём все они глотнули отравы из работ Дмитрева и потому стоят насмерть против ревизии его «взглядов». А без отзыва специалиста ни монографию, ни повесть не опубликовать...

Ту обобщающую работу, о которой я говорил Ивану Антоновичу, я написал и назвал «Стрела Аримана». Дважды перепечатывал я её, так как первые экземпляры были из ЦК и прочих мест этого уровня отфутболены, а второе, дополненное «издание» вообще никакого ответа не имело, и тогда я часть его экземпляров пустил по рукам. Мне довелось услышать от одного из учеников Ивана Антоновича — писателя Юрия Медведева, заведовавшего в ту пору отделом научной фантастики в издательстве «Молодая гвардия», что «написано гениально» и просьбу — разрешить скопировать для возможного использования в будущем, если время изменится. Ему же, кстати, я объяснил, почему не было позволено ввести в собрание сочинений Ивана Антоновича «Час быка» и «Таис Афинскую» — для него это было новостью, ему просто отказывали, без всяких объяснений, а теперь он понял, с кем драться, и смог пробить публикацию «Таис Афинской», позже даже вышедшей в «макулатурных изданиях». «Час быка», однако, так и ухнул на долгие годы в небытие. Казанцев, коему наши «неизвестные отцы» вверили жанр научной фантастики и который довёл его до состояния предельно жалкого, повадился время от времени публиковать статьи об Иване Антоновиче и в одной из этих статей позволил себе утверждение, что де Иван Антонович мечтал написать третью часть космической трилогии³, как будто именно «Час быка» не был этой самой третьей частью после «Туманности Андромеды» и «Сердца Змеи». Но Казанцев и не такое себе позволял в жизни, он вообще всю человеческую цивилизацию бодро объявляет результатом деятельности фаэтонских или иных культуртрегеров, которые смогли очеловечить двуногих с сердцами ягуаров, каковые только и делали, что жрали друг друга в прямом и переносном смысле. Правда, он не объясняет, кто очеловечил тех культуртрегеров до

³ «Литературная газета» от 27.4.77. Статья «Поэзия познания».

столь гуманного уровня, но на Земле он человечности найти не смог... Ныне он всё ещё на этом посту возглавляет перестройку на этом фронте. То-то наперестраивает...

А в «Советской России» 29 апреля 1987 года вся 4-я страница была отведена документам, письмам и воспоминаниям об Иване Антоновиче, причём впервые был снова упомянут (как нечто существующее) «Час быка». Было также сказано, что какие-то враги у Ефремова были, какие-то неприятности ему причиняли. Кто — и какие неприятности — не сказано. И правильно — таких надо беречь, могут ещё пригодиться, а память о Ефремове может ограничиться такими вот признаниями его значимости, чтобы все порадовались его посмертным достижениям и мирно пошли смотреть телевизоры...

Но я все эти годы продолжал драться с нелюдью, искалечившей мою страну, и в этой драке мне огромную помощь оказывал Иван Антонович, его труды, в особенности «Час быка», который я смог купить через третьи руки за 30 рублей. Иметь такую книгу — уже много, но надо её прочесть до конца. Как? Берутся четыре цветных шариковых ручки, линейка и начинаешь скользить ею сверху вниз по каждой странице. Каждую мысль, содержащую в себе нечто отличное от соседних — выделяешь особым цветом. Пришедшие в голову мысли — а мысли приходят важные, параллели напрашиваются серьёзнейшие, выводы — острейшие, ибо на такой почве, как страницы этой книги, мелочь не произрастает — подписываешь снизу. Выделяешь целые абзацы вертикальными линиями на полях. И так далее. Это был первый мой опыт такого обращения с книгами, а позже я то же сделал с «Таис Афинской» и другими его книгами, с трудами Л. Н. Гумилёва, М. Н. Покровского и других своих заочных учителей. И товарищи, которым я давал эти обработанные книги, говорили мне потом, что мысли, так выделенные, почти наверняка были бы упущены ими, возможно — застряли бы в подсознании, но не в мыслящей части мозга. Кстати, я пришёл к выводу, что и упоминаемый неоднократно в «Часе быка» философ Эрф Ром, и его ученик Кин Рух, оба в совокупности — это сам Ефремов, а его мысли крайне важны и для нас сейчас.

Самому мне борьба легко не давалась, но хоть, как прочёл я в дневниках Кассиля, «меня били, колотили в три ножа, четыре гири, добивали кирпичом...» и не раз при этом попали — а кое-что сделать удалось — мне уже довелось встречать людей, читавших пущенные по рукам мои работы, а этим товарищам я не давал. Значит — что могу — мне делать не дали, но что смог — я сделал. И буду делать пока дышу. Как это делал Иван Антонович Ефремов, светлая ему память, великая ему благодарность от имени всех землян-коммунаров во веки веков!

Сейчас я счёл необходимым ещё раз перепечатать запись нашей беседы. Кто будет её читать — пусть присмотрится к его реакции на то, что я говорил. Как он мгновенно реагировал по ходу беседы, какие именно вопросы задавал, как вёл беседу, направлял её в нужное ему русло. Ведь вёл беседу именно он. У него было неоспоримое право прервать её, ибо времени у него было мало — пусть он и не знал, как именно мало. И пусть присмотрятся читатели — как он отнёсся к пришедшему к нему неизвестному человеку, как отнёсся к его судьбе, как пытался помочь в последнем своём дыхании. Мне такой человек встретился один раз в жизни, хотя ещё трое были почти на его уровне — Елизавета Яковлевна Драбкина, Михаил Ильич Ромм и Лев Николаевич Гумилёв, ныне живущий и, кажется, переживший, наконец, бешеную травлю, которой его подвергали двуногие нелюди, с которыми мне и по этому поводу довелось немало подраться, хотя внешне все мои удары глохли в пустоте. Но хватит обо мне — это был просто необходимый отчёт о том, был ли я достоин нескольких часов из последних, остававшихся ему. Я старался быть достойным. И буду стараться до конца.

Да, это было закончено 24.5.87, и это было минимум четвёртой перепечаткой этой беседы, ибо мне никак не удавалось её опубликовать, а я хотел, чтобы она до людей дошла. Перепечатывал и пускал по рукам. Не только её...

Последний экземпляр предыдущей записи был мной передан Аркадию Натановичу Стругацкому в том самом мае 1987 года. Ему тогда было не до меня и не до неё, но через год вдруг зазвонил телефон: «Ты чего не звонишь? Ладно, не оправдывайся... Оба хороши. Время есть? Езжай ко мне и тащи всё о Северине». Привёз я седьмой вариант и кое-что ещё, это было первым настоящим знакомством нашим. Дней через десять звонок — «Приезжай немедленно!» Приехал.

«Я читал — и по кабинету бегал, хоть ноги и больные, кулаками по стенам колотил. Надо печатать. Вот деньги — езжай, ищи машинистку, пусть перепечатает с выбросом всей твоей полемики с отечественными идиотами и мерзавцами. Чёрт с ними, пусть первое издание выйдет, потом при переиздании добавим всё. И не дури — бери деньги! Время дорого, а как ты живёшь — сам проболтался».

И всё же напечатать не удалось и такой усечённый вариант. Экземпляр его — в архиве Аркадия Натановича, другой экземпляр я передал в дар Православной церкви, остальные пустил по рукам, оговорив право издать без оглядки на моё авторство — пока что не издано.

В 1993 году, в январском номере журнала «Чудеса и Приключения» началась публикация материалов о Ефремове, в том числе сообщено было, что получил он конверт с зарубежным обратным адресом, вскрыл его и упал мёртвым. Сбылось написанное в «Лезвии бритвы» (Соч., т. 3, кн.1, стр.602, М., «Молодая гвардия», 1975). И очень скоро — едва схоронить успели — приехали с обыском и вывезли чуть не все его рукописи и заметки, даже фотографии, а позже стало известно, что на него десятилетиями велось «дело», что оно дошло до сорока томов и из них восемь написаны уже после его смерти. И я снова стал перепечатывать художественную часть работы, дав на этот раз слово и Кассиодору — автору не дошедшей до нас «Истории готов», которую использовал, вывернув наизнанку все выводы, Иордан, когда писал «Гетику». А «Гетика», похожая на громадное драное полотно, одну из прорех имеет как раз в том месте, где должен был находиться на полотне Норик.

«Житие» и «Гетика» взаимно дополняют друг друга, это понимали и издатели того тома «Монумента Германиэ Хисторика», откуда я взял латинский текст «Жития святого Северина», поместив обе работы рядом. Но состыковать их до меня не удавалось никому. Свыше полусотни работ написано о Северине на немецком, английском, французском, итальянском, фламандском, венгерском и словенском языках, а задачу никто не решил. Не забыт Северин, помнят его. Есть его храм в Париже и не знаю — есть ли сейчас, но в XIV веке был в Кёльне — видел я его на плане в историческом атласе. Есть имя Северин, в том числе и на Западной Украине, а память о доблестном Северине Наливайко — вожде казацко-крестьянского восстания — жива сама по себе. Есть и такой вариант этого имени: Сансеверин. Так, к примеру, звали одного из епископов, осудивших на смерть Джордано Бруно, и есть в стендалевской «Пармской обители» герцогиня Сансеверина. Ирландский

путешественник Тим Северин плывал на кожаной лодке по пути древних ирландских открывателей Америки и приплывал к нам в Грузию на копии корабля аргонавтов. Но это же всё не то! Совсем не то! Из иллюстраций к формулировке «слышал звон, да не знает, где он». Но ведь и Северин, и его современники заговорили со мной, а через меня стремятся шагнуть и ко всем людям Земли и рассказать о себе и своём страшном, кровавом и подлом, но и героическом в то же время периоде истории, когда они бились за себя и своих до последнего издыхания. Примите же их в души свои, люди моей страны и люди планеты, живущие в период, очень даже аналогичный севериновскому. И меня заодно примите — мне ещё много вам рассказать нужно. И в том, что много, и в том, что достойно многое быть услышанным вами, очень велика заслуга не только моих учителей Ефремова, Гумилёва, многих других, но и Северина из Норика, поистине святого Северина, ибо человек этот делал поистине святое без кавычек дело тогда, и даже через полторы тысячи лет величие свершённого им не утратило сияния святости в истинном смысле этого слова.

А теперь обязательно нужно рассказать о том, как было написано «Житие святого Северина» и почему ему можно верить, как историческому источнику.

В 511 году диакон Пасхазий, управитель одного из семи церковных приходов города Рима, получил из-под Неаполя письмо с приложенной к нему рукописью. Он был видным по тем временам писателем, автором не дошедшего до нас сочинения «О святом духе», и его не удивило послание настоятеля монастыря святого Северина Евгиппия. Тот носил титул пресвитера, что означало и священника (попа, как у нас говорят), и главу церковной общины, но сверх того был и главой монашеского братства, а также и монастыря, а монастыри ещё все были наперечёт, так что понаслышке Пасхазий был просто обязан его знать. Личность почтенная, письмо прочесть надо...

Евгиппий очень почтительно просил обработать собранный им по личным воспоминаниям и по рассказам старших годами очевидцев, а также по монастырским записям материал о жизни и деятельности своего Учителя, именно так, не какого-нибудь педагога, — святого Северина...

И опять-таки Пасхазий не мог о Северине не знать — времена были отнюдь не святые, а святость Северина была вне сомнений, хотя знаний о нём было мало. Тут же — точная информация сама в руки идет, такое письмо не отбросишь, хотя дел у распорядителя церковным хозяйством целого прихода и сверх того ещё и писателя было с избытком. Письмо не было отброшено... Евгиппий честно признавался, что сам не наделён писательским талантом, претендуя лишь на роль поставщика материала, но уж за достоверность и качество материала ручается... Оба были одного церковно-хозяйственного поля ягоды. Это уже сближало...

Стиль письма, написанного с явным желанием не ударить лицом в грязь перед известным стилистом, казалось, подтверждал, что Евгиппию и впрямь писателем не быть. Но, прочтя приложенную рукопись, Пасхазий с изумлением и достойной уважения радостью увидел не грудку неотёсанных камней, которую ему ещё надлежало по камешку перебрать и каждый обработать, а «в лаконичнейшей форме творение, которое могло бы рассматривать высшее собрание церкви». Дело в том, что Евгиппий очень хотел изложить материал так, чтобы не могло быть ни малейшей двусмысленности и чтобы Пасхазию было удобнее этим материалом пользоваться. Поэтому он не только писал кратко, чётко и выразительно, но ещё и разделил материал на факты земной жизни Северина, побуждавшие его на них реагировать, и на собственно-чудеса Северина, сотворённые тем

как бы без всяких причин. И при этом он соблюдал в обеих группах событий и чудес хронологическую последовательность. В итоге получилось, что Пасхазию нечего было делать: лучше не напишешь, хотя написано не его стилем. Ну и что же? Он не страдал избытком самолюбия, и понимал, что если все станут писать его стилем — литература умрет. Это и Маяковский понимал, желая, чтобы было «больше поэтов, хороших и разных» — разных в стилевом смысле, а не в содержании — тут он требовал единства, достойного воинов-побратимов в общем строю. В этом смысле Пасхазий был из той же породы, так что поздравить Евгиппия от всей души ему сам Бог велел. А вот то, что коллега всё же одного замечания достоин, что кое-чего в жизни он не учёл — это-таки требует от Пасхазия реакции немедленной, чтобы довести хорошее до лучшего...

В итоге и случилось то, что написанное, повторяю, в 511 году, «Житие» так и не подверглось переделке — не только Пасхазием, но и Евгиппием. Что же случилось? Дело в том, что хотя оба были служителями единой в ту пору православно-католической (тогда «кафолической») церкви, их политическая ориентация была различной. Пасхазий был из той церковной группировки, которая была активно враждебна власти тогдашних хозяев Италии — остготов, бывших не только варварами, но ещё и еретиками-арианами. А еретик для правоверного (христианина, мусульманина, буддиста, «коммуниста», «нациста», «демократа») всегда хуже язычника, ибо тот слова божьего не знает, а этот знает, но злонамеренно (никак не иначе!) искажает. Поэтому верхушка италийского кафолического духовенства активно восстанавливала рядовых италийцев против остготов, хотя из всех варварских королевств того времени именно остготское было самым веротерпимым, король Теодерих не жалел усилий для пресечения религиозных распри, а хозяйство страны процветало. Поэтому Пасхазий, как и всякий зацикленный в ненависти двуногий (их у нас ныне хватает во всех лагерях и партиях), увидел в «Житии святого Северина» возможное орудие в антиостготской борьбе. Сначала он выражает в письме к Евгиппию сожаление, что, в отличие от Евгиппия, «презревшего мысли о злых и многочисленных делах грешников», сам он «старается при мысли о почтительности перенести то, что стыд выброшен (за борт)».

Почтительность — это лояльность к королевской власти («кесарево — кесарю»), к власти грешников, творящих с точки зрения фанатика-кафолика многочисленные злые дела. Да, кесарево — кесарю, хотя бы и язычнику, это ещё Христос сказал, поэтому Пасхазий сожалеет (лицемерно или искренне) о своих мыслях, завидуя Евгиппию, вставшему выше мирских дрязг. Но сразу же за этими благочестивыми мыслями мы встречаем упоминание о детях иудейского священнослужителя Матафии Маккавея, для которых размышления о Боге и его верных слугах стали поводом и оружием в борьбе с язычниками-Селевкидами и для воссоздания независимого Иудейского государства. Выводов нет — мало ли к кому могло попасть это письмо, да оно и попало в конце концов к нам через полтора тысячелетия! — но их и не нужно. И так яснее ясного, что для успеха дела Божьего в пасхазиевом понимании Евгиппий должен изменить акценты, подчеркнуть ненависть Северина к еретикам и варварам. Правда, Евгиппий недвусмысленно пишет, что ничего такого не было, что Северин лишь упрекал короля ругов Флакцию в неправильном вероисповедании, но ни с арианами, ни даже с язычниками в конфликты не вступал, пользовался у них огромным авторитетом, использовал их в своих целях и сам по мере сил и возможностей им помогал. Ну и что же? Раз надо, чтобы «Житие» стало оружием в борьбе с ересью и варварской властью, то можно и должно написать, что Северин варваров и еретиков ненавидел и с ними боролся. Но Евгиппий хорошо усвоил дух заветов своего Учителя. Для него совет Пасхазия был равноценен совету осквернить память о Северине, хотя понять Пасхазия он вполне мог — по «Житию» видно, что

чрезмерным интернационализмом он не страдал. И он просто приложил к «Житию» свою переписку с Пасхазием, но никаких даже самых малых изменений не внёс. Так что мы имеем свободное от стилистических и партийных поправок произведение, волею судеб являющееся первичным набором материала — максимально желанный для каждого историка материал. Позже Евгиппий написал комментарий к трудам блаженного Августина. Тот жил на полвека раньше Северина, до какой-то степени делая в римской Африке то, что Северин делал в Норике — ему довелось и сопротивление вторгшимся вандалом возглавить, и широчайшую благотворительность развернуть, так что это могло привлечь внимание Евгиппия. Но сверх того он вёл ещё непримиримую партийную и религиозную борьбу и написал ряд книг, позже принесших человечеству массу неприятностей... Однако эта работа Евгиппия — вне нашей темы.

Последнее упоминание о Евгиппии относится к 533 году. Потом началась «Италийская» (остготско-византийская) война и стало не до писателей и их трудов. Он мог даже уцелеть в этой 15-летней бойне, почти немедленно сменившейся кровавым лангобардским вторжением, но это не играет никакой роли. В веках он остался автором «Жития святого Северина» — не более. Но и не менее! Напишите-ка книгу, способную пережить полтора тысячелетия и явно ещё не состарившуюся (смею надеяться, что моя работа, частью которой является данная повесть, принесёт пользу в деле продления её жизни и в деле её популяризации) — а потом судите, заслуживает ли Евгиппий уважения или ему просто повезло.

Что же до Пасхазия, то он и его коллеги в конце концов своего добились. В момент вторжения в Италию кафоликов-ромеев (византийцев) — через четверть века после написания «Жития» — католическое духовенство толкнуло народные массы Италии на измену остготским государям.

«Освободители от ига еретиков-варваров» обложили в благодарность за помощь всех италийцев чудовищными налогами, в том числе и за годы остготского правления. Раз, мол, варвары не догадались в свое время взыскать с подданных налоги в должной мере, пусть теперь всё недоимки будут взысканы в казну Божественной Империи (эти два слова произносились с тем же пиететом, как и имя Господа). Хлебнув прелести имперского подданства, массы италийцев стали перебегать под знамена последних остготских королей Тотилы и Тейи, война затянулась, повторяю, на пятнадцать лет, а потом вторглись лангобарды, добывая последнюю четверть населения недавно цветущей страны. И делали они это ещё и потому, что урок, данный последователями Пасхазия всем думающим о будущем своём и своих потомков, был вождями этого народа усвоен накрепко. Резали они уцелевших столь успешно, что Северная Италия и поныне заселена их потомками и часть её так и зовется — Ломбардия (искажённое «Лангобардия»). И в позапрошлом году выяснилось, что они (хоть и не все до единого) итальянцами себя не считают, а потому намерены бороться за независимость, причём весьма энергично, не чураясь применения террора...

Жалкие остатки италийцев, объединившись против геноцида с недавними своими врагами — солдатами Империи, брошенными ею в своих гарнизонах на произвол судьбы, кое-где выстояли. В том числе и вокруг Неаполя, где скопилась основная масса потомков норикцев вокруг мощей Северина и созданного им монашеского братства. Мощи поныне хранятся в неаполитанской церкви Фраттамаджиоре, братство тоже существует. С тех пор и пошла 13-вековая раздробленность Италии, последствия которой до сих пор не изжиты. Так что Пасхазий и его коллеги тоже вошли в историю, хотя несколько иначе, чем Северин. Хорошо бы, чтобы их аналоги из всевозможных «Памятей», «Отечеств» и прочих фундаменталистов во всех религиях, партиях и этносах, и во всех концах планеты тоже

вошли в историю планеты, а не прекратили течение истории на планете, что вполне достижимо при нынешних видах смертоубойной техники... Но вообще-то я предпочитаю Евгиппия и особенно Северина, к знакомству с которым мы, наконец, переходим...

ГЛАВА 2

ВНЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Такие годы были во всех населенных уголках нашей планеты, хотя и в разное время. Страшные это годы. Старое время безвозвратно уходит, а новое ещё не пришло, и неизвестно — успеет ли оно придти. В такие годы часто поминают «конец света», и не зря поминают: мгла неизвестности скрывает свет надежды для целых народов...

Ещё не сочли монахи ни срок давности Рождества Христова, ни давность Сотворения Мира. Между прочим, оба срока под вопросом — Христос, как оказалось, родился через четыре года после смерти царя Ирода, якобы устроившего, узнав о его рождении, «избиение младенцев», что и сделало его имя нарицательным, аналогом слова «детоубийца», а 7500-летний юбилей Сотворения Мира попы всех видов христианства дружно замолчали, ибо не могут объяснить поумневшему человечеству, откуда взялся каменный уголь, коему минимум 400 миллионов лет, не говоря о полуторамиллиардолетних базальтах. Но тогда — полторы тысячи с небольшим лет назад — и этого счёта не было. На берегах Данубия (верхнего течения Дуная, после впадения в который Дравы, Савы и Моравы превращавшегося по мнению римлян в иную реку — Истр), на земле Норика — одного из последних клочков уничтожаемого варварами Римского Мира — ещё считали годы «от основания Рима». Ещё шесть лет будут здесь вести этот счет, ещё шесть лет будет называться эта земля Прибрежным Нориком, хотя от бывшей провинции не уцелело и пятой части (остались лишь города Фавианис и Комагенис с округой). Но уже и сейчас знали заселявшие этот уголок планеты люди, что живут вне времени и пространства. Пять с половиной лет назад вождь варваров-наёмников на службе Западной Римской империи Одоакр низложил юного красавца Ромула Августула и объявил себя не его преемником (что было бы обычно, ибо не раз на имперский трон садился варвар по крови, а империя оставалась империей), а «конунгом племён», «королём торкилингов и ругов», «рексом Италии». Это было уже концом не только Гесперии (как всё чаще звали в последние её годы Западную империю, фактически утратившую все внеиталийские владения и ставшую для сохранявших свою империю грекоязычных ромеев-византийцев просто «лежащей западнее» — «Гесперией»), нет — это был конец Римского Мира в целом, ибо Восточная империя уже не была Римской, была именно «ромейской», «византийской», населённой людьми, почувствовавшими себя новой общностью. Ромеи ещё попытаются объединить Средиземноморье под своей властью, но именно под своей — о перенесении центра империи в Рим не будет и речи. Римский же Мир погиб 5 сентября 476 года. Только в Северной Галлии между землями вестготов и франков ещё держалась независимая римская территория, да во Внутреннем Норике и отделённом от него хребтом Тауэрн остатке Прибрежного Норика ещё жили люди, называвшие себя римлянами, а не подданными того или иного варварского вождя, короля, конунга, рекса.

Через пять лет франки Хлодвиг уничтожат в Галлии «государство Сиагрия», а ещё через год придут в Норик воины Одоакра... Никто ещё не знает этих сроков, но страшное чувство «конца света» охватывает души людей всё теснее. И никогда оно ещё так не угнетало, не вжимало в промерзшую заснеженную землю, не лишало последних сил, как в канун пятого дня до мартовских ид 1236 года от основания Рима, который через многие

века историки продатируют задним числом как восьмое января четыреста восемьдесят второго года нашей эры.

Не только в обоих Нориках не спали в ту ночь люди. Тревога охватила землю ругов — хозяев противоположащей остатку Прибрежного Норика части северного берега Данубия. Собственно говоря, их земля — Ругиланд — вместе с упомянутым остатком является ныне Тульнским полем, этаким раздутием узкой трубы Дунайской долины, окаймлённым с севера и юга полукольцами горушек и холмов, но, в отличие от южного берега, в империю никогда не входила, была южной частью Богемии, названной так по исчезнувшему уже кельтскому племени бойев. Так что география — географией, а история — историей, но и наоборот тоже — географическая целостность не может не привести к некой общности судьбы населявших эту целостность людей, как бы различны они ни были по крови, языку и истории своего здесь появления.

И потому в Ругиланде тоже чувствовали, что этот день — переломный, что ненадёжным стало само существование народа ругов, видевшего за последние три века и особенно в последние десятилетия немало горя и крови.

Тревожно было во многих городах Италии, и сам Одоакр был в тот день мрачнее обычного.

Зато в землях алеманнов — выше по южному берегу Данубия, отделённых от остатка Римского Прибрежного Норика рекой Эннс, и в землях герулов, обитавших северо-восточнее Ругиланда, чувствовалось радостное оживление, тоже, впрочем, тревожное.

Нелёгким делом было в ту пору распространение вестей, странным показалось бы постороннему наблюдателю одновременное возбуждение многих десятков тысяч людей на протяжении сотен миль, если бы он не знал, что этого дня ждали уже три года — одни с бессильной тоской, другие — с надеждой. Этот день должен был стать последним в земной жизни человека, известного на берегах Данубия и в ряде других земель как святой Северин.

Без года тридцать лет гремело это имя среди римлян и варваров, кафоликов и ариан, обретая всё большую известность. Творимые Северином чудеса и исцеления были известны столь широко, что даже из Италии шли через альпийские перевалы к нему на исцеление и для благочестивых бесед больные и паломники. Король ругов Фева, подобно своему покойному отцу Флакцитею, считал свой народ и себя лично обязанными вечной признательностью святому и оберегал оружием и доблестью своих воинов прилегающую с юга к Данубию против Ругиланда римскую (она же — норикская) землю, взимая за то, впрочем, некую плату. Властелин Италии Одоакр считал своё возвышение прямым следствием встречи с Северином.

Король алеманнов, свирепый Гибульд, до сих пор не понимал, как вышло, что по единому слову Северина он отпустил без выкупа всех до единого римлян-пленников. Можно было, поразмыслив, понять причины страшного разгрома под Батависом, неудачи под стенами Лавриака, но откуда взялся этот небывалый доселе леденящий страх при встрече с Северином?! Ему, доблестью в битвах не раз подтверждавшему право своё на господство над своим народом, было ведомо, что такое страх, и он успешно ломал его, был господином своих дел и мыслей, а тут что-то неведомое скрутило ему душу... Нет, тут не обошлось без Бога, хотя никто не может объяснить Гибульду, зачем Богу это потребовалось... Зато теперь, когда Северина не станет, когда придётся иметь дело только

с заставами ругов на норикском берегу Эннса... Правда, руги и сами по себе противник достаточно серьёзный, но их сила — земная, привычная...

Примерно то же самое было надеждой в герульских землях, где немалую часть потерь в схватках с ругами приписывали севериновой защите своих союзников перед севериновым богом (эти варвары были ещё слишком дики, чтобы воспринять крещение, но в силе данного святого и силе подпирающего эту силу бога были вполне убеждены)...

До сих пор болезни и голод, полчища врагов и самая смерть — всё отступало перед этим прямым, как копьё, и столь же худым человеком, зимой и летом ходившим в одной власянице и босиком, никогда не покрывавшим голову даже капюшоном той же власяницы.

Но без дня три года назад — когда ещё бодрый, хотя и старейший перед святым годами, ближайший его сподвижник, пресвитер Луцилл, прежде бывший в окружении последнего епископа Рэции Валентина, захотел отслужить в годовщину его смерти поминальную мессу, — Северин сказал, что вскоре Луциллу придётся поминать и его, ибо именно в день смерти святого Валентина Господь призовет его. Поначалу решили, что случится это через год, но помалкивали, с вопросами не приставали и за то были вознаграждены: через полгода он проговорился, что ещё два с половиной года жизни ему осталось — в тот момент это показалось даром Божиим, но теперь, когда этот срок истекает минута за минутой, когда надежды больше нет — яростно хотят норикцы верить, что это лишь дурной сон, что им когда-то слышались эти слова, чуть не вмиг облетевшие всех своих и унёсшиеся к чужим. Ведь как теперь без него?! Кто отведет от покидаемых им людей мириады бедствий? Все эти люди прошли в какой-то степени северинову выучку — все годы своего пребывания в Норике он заставлял людей верить (вопреки всем общеизвестным печальным фактам) в лучшее будущее, из года в год противопоставлял он веру знанию. И вот теперь многие были готовы проклясть своё знание, но было это бесполезно, ибо оно на сей раз подкреплялось словами самого Северина и состояло в том, что Господь не отступился от желания забрать святого из этого мира. Следя из трещавшего от наплыва людей Фавианиса, близ которого находился старейший из основанных им на норикской земле монастырей, за срубленной им для себя вне его стен келейкой, норикцы знали, что последние три дня великий гонитель болезней впервые за всё своё пребывание в Норике жаловался на боль в боку.

Знали, что приехавшие к нему по льду Данубия из лежащего как раз против его келейки на том берегу дворца-терема, ещё Флакцитеем нарочно на том месте возведённого, король Фева и его жена Гизо покинули вскоре келейку в крайнем испуге.

Знали, что прикрывавший остаток Прибрежного Норика от алеманнских и герульских налётов силой своих дружинников брат Февы — не знающий страха суровый воин Фердерух — ускакал после разговора с Северином в метельную ночь — ещё не успела метель скрыть следы его коня, нёсшегося словно от погони. А ведь он — один из всех ругов — не только не боялся Северина (многие не боялись, а преклонялись перед ним с любовью и почтением), но и был к нему иной раз непочтителен...

Знали и то, что сразу после этого вошли в келейку и сейчас находятся там Луцилл и его столь же близкий к Северину друг — Марциан. Догадывались: последняя встреча наедине, наставление преемников, возможно — исповедь. Насчет последнего, впрочем, спорили. Должен ли святой слуга Божий исповедываться перед простыми смертными?... И не узнали никогда, была ли исповедь — даже своим исповедникам впоследствии ничего не сказали перед смертью Луцилл и Марциан. Даже своему преемнику на посту главы севериновского монашеского братства, Евгиппию, в тот тяжкий день бывшему ещё

подростком-послушником в Фавианисском монастыре, ничего не сказал переживший Луцилла Марциан. И когда через 29 долгих лет (срок, длиной равный сроку северинова подвига на норикской земле) Евгиппий писал «Житие святого Северина», он знал лишь свидетельства старших его годами людей, знал записи в не дошедшей до нас монастырской хронике, а об исповеди не знал и потому нет в «Житии» о ней ни слова.

А всё-таки исповедь была, и мы сейчас незримо присутствуем при ней. Ревёт за стенами келейки метель, а в келейке непривычно натоплено — сам Северин никогда не нуждался в тепле, но сегодня холод не должен отвлекать Луцилла и Марциана. Они посажены против теплящейся в углу под иконой лампы, чтобы были видны их лица. Северин сидит против них на грубой лавке. Ему бы лежать, но при всём уважении, при всей любви к Учителю не скажут ему о том его ученики и преемники. Дело есть дело. Он уходит, они остаются. Неимоверная тяжесть ложится на их плечи, как некогда, рассказывают уцелевшие кое-где язычники, легло небо на плечи Геркулеса. А ведь они не взысканы Господом, им придётся опираться лишь на своё разумение и на силу созданной Северином организации. На веру, конечно, тоже, но... Нет, они не шелохнутся, не упустят ни слова из последних заветов Учителя: упущение смерти подобно — смерти для многих, отныне зависящих от их воли, от их разума...

Спокойно его лицо, светятся силой и разумом его глаза, негромок его голос, но интонация то и дело меняется, вновь и вновь привлекая этими переменами их внимание к порциям информации — это римляне создали это слово, оно переживёт своих творцов...

ГЛАВА 3

ИСПОВЕДУЕТСЯ СВЯТОЙ СЕВЕРИН

— У нас лишь несколько часов, братья. Это не так уж много для всего, что я хотел сказать вам. Помнишь, Луцилл, три года назад я сказал, что вскоре уйду из этого мира. День назвал, а о годе промолчал... Тогда я уже знал, что болен неизлечимо. И эти двадцать девять лет, и лет с десять до прихода в Норик я не болел ни разу. Всякую болезнь я душил усилием воли. Меня не брала простуда, хотя я ходил босиком и в одной власянице круглый год. Я привык к многодневным постам — мне и при желании много не съесть — это оберегало от болезней желудка. Я овладел своим телом, как всадник конём. В лютый мороз я говорю себе, что мне жарко — и от меня валит пар, а в пустынях Востока я говорил себе, что меня овевает прохладный ветерок — и даже не потел. Но вот с этой болезнью я не справился. Я её знаю — она подобно спруту выбрасывает в любую часть человеческого тела свои щупальца и от них тоже начинается её рост во все стороны. Я видел, как умирали от удушья те, кому она перехватила лёгкие, как умирали от голода те, кому она сжала насмерть желудок или пищевод. Видел и других — все умирали в страшных мучениях, никто не мог спастись. Мне оставалось только оттянуть конец, только усилием воли сдержать этого внутреннего врага, отходя шаг за шагом, словно сам захотел это сделать, внушая себе, что здоровее здорового, убив в зародыше страх. Так мы сдерживали алеманнов на пути от Батависа до Лавриака, не дав им ни разу шанса на успех в дни этого перехода, но всё же отступая. И я взвесил свои силы и своё знание этой болезни — и решил, что год протяну наверняка, а через несколько месяцев понял, что и на три года меня хватит, что сил у меня оказалось больше, чем я думал вначале — тут мне и вы все помогли, взяв на себя немалую долю моей нагрузки, оставив мне силы для борьбы за себя.

Я могу и ещё с полгода прожить — враг уже, можно сказать, поднялся на мои стены, вышиб ворота, занял башни, но можно ещё потрепать его в уличных боях. А зачем? Ведь всё равно осилит, но тогда я умру в таких мучениях, которые мне уже не скрыть от людей. А им нельзя видеть мои мучения. Что это за святой, которого Господь карает такой смертью? Святой должен переселиться в лучший мир благодетельным и просветлённым, причем в заранее предсказанный момент, что я сегодня в полночь и сделаю. Да и для похорон моих зима предпочтительнее... Вижу — обоих покорило. Поймите оба — иначе нельзя. Если рухнет вера в меня, рухнет и поддерживаемое нашим братством единство норикских римлян. Ведь нет в Норике иной силы — ни государственной, ни церковной даже, с необходимым настроением и организацией. Потерять сейчас единство — это всё потерять. Вряд ли спасётся десяток из тысячи... В полночь я скажу перед братией в последней проповеди всё то, что должен сказать уходящий святой своей пастве, монахам, христианам, а потом мысленным приказом остановлю своё сердце — оно покорно мне. Да, самоубийство, смертный грех... Но если бы я и верил, что с меня спросится за всё это — сказанное сейчас и сделанное ранее — на Страшном Суде — всё равно поступил бы так же. Только вот не пришлось бы мне этого делать — верующий не довел бы нашего судна до этого дня по реке времени, не справился бы с этим, где-нибудь ошибся бы насмерть...

Второй удар по вашим душам, тяжелее первого...

Нет, я не утратил разум, и не Дьявол в облике моём искушает вас. Просто пришло время снять перед вами маску. Слушайте, запоминайте, но никто и никогда не должен услышать от вас сказанного мною — для всех я святой Северин, муж Божий, апостол Норика. Никто и никогда — ещё и потому, что взяться за такое дело, какое все эти годы делал я, может только человек особой подготовки, особо обработанный и особо закалённый. Если такой будет — сам додумается и возьмёт на плечи свои такой груз, а так мой пример покажется уже протоптанной тропой, свернут на эту тропу люди, неготовые к хождению по ней, сами погибнут и других погубят. А вот шедшим со мной и обречённым продолжать мой путь, ведя по нему идущих за мною — знать нужно. Почти тридцать лет я вёл свою войну одним своим разумом, вы были лишь моими руками, глазами, ушами, голосом. Ныне пришёл ваш черёд стать разумом Норика, а значит — вы должны ясно видеть ту цель, которая теперь близка, но до которой мне не дойти и ведомых мною не довести. Но для этого вам нужно узнать и то, как я дошёл до понимания этой цели как единственно возможной для римлян Норика. Кстати на будущее: во всяком деле начинайте с истории. Узнав, что было раньше, поймёте происходящее сейчас и сможете угадать, чего ожидать от будущего...

Помните — пресвитер Примений, духовник убитого Ореста, спросил у меня как-то — кто я по происхождению? Я тогда отшутился, что если я окажусь беглым рабом, то надеюсь, что он, ценя меня, поможет откупиться от господина, когда тот меня найдёт... И сейчас не скажу я вам своего имени — незачем, я останусь в памяти людей Северином из Норика... Но мой род — старинный сенаторский род, и предки мои сообща боролись против Гракхов и били друг друга во времена Мария и Суллы, Цезаря и Августа. А потом, в разгар Маркоманнской войны, кто-то из них — я не знаю точно его имени — понял страшную истину. И он сумел собрать всех мужчин своего рода на тайный совет и сумел на этом совете убедить остальных, что Римский Мир уже достиг вершины своего могущества и начал спускаться навстречу гибели. Эта мысль их не испугала, а заставила думать и действовать. Она передавалась от поколения в поколение — в тайне, конечно. Внешне — гордые сенаторы, военачальники и чиновники, обладатели огромных богатств, а в душе — «последние римляне», как стали говорить в последние десятилетия. Так и Аэция называли, но он, пожалуй, в конец не верил, надеялся выкарабкаться сам и Рим вытащить — для себя и своих детей и соратников, а не для Рима и римлян, а в нашем роду твёрдо знали, что конец приближается. Искали выход — в людях, в старой вере, в христианстве, во введении в своих владениях колоната, в смене императоров, нередко оказываясь во враждующих лагерях, но не трогая друг друга и близких людей, коих старались подбирать по душевным качествам и деловой полезности... Выхода не было, была лишь оттяжка в лучшем случае, как вижу теперь я, как несомненно видели и они даже в миг большой жизненной удачи, в миг торжества того дела, коему они служили. Ну и что же? Кто в разгар битвы поручится, что оттяжка разгрома твоего отряда не окажется спасительной, что сила врага не иссякнет, натолкнувшись на бешеное сопротивление одолеваемых им, но не сдающихся людей? Нужно сражаться до конца и вкладывать до последней капли крови и до последнего дыхания свою жизнь в дело, которому ты служишь. Тогда — не ты, так твои соратники если не победят, то хоть предотвратят полное уничтожение своего войска и тех, кого оно прикрывает. Моему отцу выпало жить в страшное время, мне — в ещё более страшное. Он это предвидел и старался подготовить меня — на большее у него, искалеченного в схватке с вандалами, не было сил... Мне было четыре года, когда умерла мать. Она умерла в Риме, а мы с отцом были тогда в нашей вилле под Неаполем, за много миль, но что-то сжало моё сердце, я почувствовал беду, закричал, забился, как никогда до того. Отец запомнил это и, когда пришла весть о смерти матери и о времени, когда она умерла, сумел сопоставить два факта... Он не женился

вновь, а посвятил остаток жизни мне — позже я узнал, что он не надеялся прожить и пяти лет, но сумел заставить себя прожить десять лет с небольшим... Он понял, что я наделён свойственной многим, но у большинства людей не раскрывающейся полностью особой чуткостью души. Египтяне ещё при фараонах знали эту тайную силу и умение её использовать называли «сэтэп-са», она была подвластна и орфикам древней Эллады, и нагим мудрецам Индии, и кое-кому из варварских жрецов, колдунов, знахарей... И он стал развивать её во мне, но я долго этого не знал, как не знал и того, что заполнившие всё моё детство постоянные упражнения тела, духа и разума показались бы дикой блажью детям и взрослым из близких к нам по положению в империи семей. Я просто не знал этих детей, не бывал в чужих семьях в гостях или по делу лет до десяти. К восьми годам рабы-педагоги, которым отец пообещал за усердие свободу и большую награду, обучили меня сверх всех тонкостей латыни и греческого ещё арамейскому, коптскому, готскому и еврейскому языкам. Два ветерана-воина, пригретые отцом, учили меня всему, что должен знать пехотинец и конник, у меня был маленький конёк, был доспех воина и было оружие всех видов. Рабы из гончарной, кузнечной, ювелирной мастерских — тоже по приказу отца — раскрывали мне тайны своих ремёсел, а плотник и каменщик просто-напросто учили владеть своими инструментами и работать по-настоящему. Неудивительно, что эту келейку я возвёл сам: умение работать осталось с детства навсегда. И вилик отца растолковывал мне тайны ведения хозяйства, а однажды даже поведал способы обогащения за счёт хозяина — по секрету от отца, конечно, но позже я узнал, что отец в этом тоже смыслил и многие его проделки в этой сфере знал, но прощал за верность. И врач наш учил меня распознавать болезни и готовить лекарства из трав, приучал к виду больных, к терпеливой борьбе с человеческими страданиями. А сам отец, следя за всем перечисленным и моими успехами в этих делах, читал мне и объяснял книги философов и историков, агрономов и географов, писателей и поэтов. Он не заставлял меня заучивать, например, речи Цицерона, но объяснял их смысл и причину их произнесения. Кстати, Катилину он уважал больше, чем Цицерона, хотя признавал, что был бы скорее с Цицероном в те дни, ибо Катилина возглавлял не ту силу, на которую стоит ставить в дни, подобные тогдашним... А вот в Священном Писании он меня не наставлял. Просто велел заучить несколько молитв, показал подобно актёру, как надо молиться на людях, как вести себя в будни и в праздники, как в посты, велел вести себя так-то и так-то, запретил ввязываться с кем бы то ни было не то что в споры, но даже в разговоры о Боге, о Христе, о древних богах, обо всём, что связано с верой — до его разрешения.

«Помни, — сказал он, — что человек должен сам выбирать себе судьбу и вступать в битву с ней во всеоружии. Я даю тебе пока что лишь броню — это молитвы и знак покорности Распятому — крестное знамение. Но это лишь защита от чужих подозрений. А оружие нападения получишь позже, когда разум твой будет насыщен знаниями. До тех пор кланяйся распятию и иконам, бубни заученные слова, но не думай о них — ты ещё не готов к плаванию в столь бурных водах, как религия». Я бы и подумал вопреки запрету — запретный плод ведь всем сладок, а для детей особенно, да некогда было: одно занятие сменяло другое, было отдыхом от предыдущего, и все требовали полного выкладывания — как седьмого пота у скорохода. После того как отец поздравил меня с восьмилетием, я спросил у него — почему мы живем не как другие, о которых я читал или слышал? Разве я не такой, как все дети? Вместо ответа он подвёл меня к стене, целиком занятой чертежом Ойкумены, и велел показать рубежи Западной империи, ещё не бывшей тогда Гесперией. Я показал. Он спросил — по каким путям шли на империю варвары после битвы при Адрианополе. Я ответил, что он же сам мне всё это рассказывал у этого самого чертежа. А почему Западной империи достаётся от варваров больше бед, чем Восточной? Почему их

владения появились сперва в Галлии, Испании, Африке — на западе и юге Римского Мира, если варвары идут с севера и востока? Я растерялся — никогда не думал об этом. Он перевернул песочные часы: «Почему песок не уходит дальше дна?» И тут у меня в голове как молния сверкнула: «Варваров теснят другие варвары, а дальше Океана на западе и пустыни на юге им нет пути, вот они там и скапливаются и теснят оттуда римлян!».

Отец горько рассмеялся:

«Ты понял. Пойми тогда и то, что это только начало. На востоке вздымаются такие валы нашествия, что я не знаю — уцелеет ли хоть один владеющий латинской речью человек. Рим уже не тот, что был раньше. Можно сказать, что его уже нет. Есть город, есть зовущие себя римлянами люди, есть носящее это имя государство, но Рима нет и римлян нет. Так уже было — ты читал про Ассирию. Она покорила десятки стран и народов, перемешала их жителей, заставила многих говорить по-ассирийски. А когда на Ассирию напали враги, то не нашлось ассирийцев для её защиты и никто теперь толком не знает, где стояла Ниневия — город не меньше Рима. Сейчас Рим защищают наёмники-варвары. Так было и во времена нашествия Алариха. Рим защищал тогда вандал Стилихон, а римляне его в благодарность казнили. Такое положение возникло не сразу, но оно возникло. Сейчас римляне вместо защиты своей земли и самих себя старательно истребляют друг друга. Я не говорил с тобой до сих пор о религии вообще и о христианстве в частности, о тонкостях рассуждений богословов. Теперь начну — твой разум созрел, твой вопрос показал, что ты начал думать, а твой ответ на мой вопрос показал, что ты способен думать. Ты способен и на большее — я не раз мысленно звал тебя, не открывая рта, а ты отвечал мне, словно я говорил звучащей речью. Ты и не замечаешь, что нередко угадываешь чужие мысли — человек молчит, а ты отвечаешь ему. Кое-кто из наших рабов боится тебя не как господина, а как обладателя сверхъестественной силы. Благо, наши рабы живут лучше иных свободных и умеют молчать, ибо ценят своих хозяев, даже если и не любят их. Ты удивительно внимателен, понятлив, чувствителен к чужой боли. Твоя душа — инструмент ювелира, а не кузнеца. Но такой душе нужна надёжная защита — сильное и умелое тело и запас знаний. Тогда, как бы ни была сурова к тебе судьба, ты сможешь сразиться с нею и не утонешь в жизненном море. И своих сумеешь уберечь, защитить, возглавить. Я хотел бы, чтобы все дети римлян были такие, но это невозможно — прикинь мысленно, какие затраты пришлось мне понести до сего дня, чтобы сделать тебя таким, каков ты есть. Но тебя я сделаю более неуязвимым бойцом, чем Ахиллес, хотя у меня нет воды Стикса. Ответил ли я на твой вопрос?» — «Ответил». — «Хочешь ли идти и дальше по этому пути?» — «Хочу». — «Но нужно спешить — я могу умереть в любой день, а без меня ты ещё не можешь идти по этой тропе»...

С этого и началось моё знакомство с Богом. Отец прочёл мне Ветхий завет и указал, сколько там несообразностей и каким жестоким и несправедливым показан там Бог. Так же разобрали мы с ним Новый завет и несколько апокрифических евангелий, послания апостолов, книги ряда богословов, везде находя множество противоречий и нелепостей. А ведь умнейшие люди! Но пока они бьют по чужой вере — они победоносны, а стоит им начать обосновывать свою — увязают по уши, а то и с головой... Не сердитесь, братья, мне некогда с вами спорить, да и не хочу я оскорблять вашу веру — ведь вы-то в своих душах собрали всё лучшее, что есть в христианстве, а его нельзя полностью отвергнуть, как и всякую религию тоже, нельзя просто сказать, что оно лживо и вредно, что оно враждебно людям, немало в нём от мудрости и опыта десятков поколений. Ведь отец то же самое проделал с языческими пантеонами Эллады и Рима, Египта и Сирии, Карфагена и Персии,

да кое-что он знал и о богах кельтов и германцев до крещения их. И везде боги были жестоки и неумны, а вся доброта и мудрость были от людей, этих богов создавших...

«Вспомни, — говорил он, — как пытались объяснить мир Фалес и Демокрит, как объясняли его Эпикур и его римский ученик Тит Лукреций Кар — ведь ты читал его поэму». Да, я читал поэму Лукреция и знал об этих мудрецах, но не задумывался, ибо тогда отец нарочно не давал мне времени на это. Знания копились в моей голове, как снег в горах, и вот этот снег стал лавиной и с нарастающей скоростью устремился вниз. Но для него уже было прорыто русло и снабжено направляющими дамбами, а потому лавина пошла по намеченному пути. Так хотел отец, так и вышло. Он не верил ни в какого Бога — просто считал, что хотя люди ещё и не знают, как именно возник мир, но близкие к истине догадки уже сделаны. Придёт время — узнают всю истину, было бы кому узнавать. Но как раз в последнем он был не вполне уверен. Гибель Римского Мира, говорил он, может оказаться столь сокрушительной и скорой, что не уцелеет и памяти о достижениях мудрецов прошлого. А гибель эта неизбежна — это видно из всеобщего поглупения, а христианство всех догм есть вершина этого поглупения. Эта болезнь — надолго, сейчас осилить её нельзя. Он и Рим не считал чем-то идеальным, но полагал, что покорённые Римом люди стали по языку, по образу жизни, по усреднённой, сближенной судьбе своей — римлянами. Нет уже почти ни одного прямого потомка жителей Лациума, создателей великого государства. Они растворились в мириадах мириадов покорённых ими людей, погибли в бесчисленных войнах и смутах, пожраны своим же творением. Но есть Римский Мир — города и дороги, каналы и акведуки, искусство создателей вещей всех видов и искусство писателей, художников, учёных, поэтов, мыслителей. Пусть значительная часть достижений этого мира создана руками рабов, но ведь раб — не творец, а только исполнитель, а ведь сколько творческой мысли собрано в каждом римском городе — в вещах и книгах, в стенах домов и оружии воинов... Дорого обошлось возникновение Римского Мира втянутым в его пределы народам, может быть, он не стоил тех гор трупов, которые оставил на тысячемильных пространствах за тысячу триста лет своего существования. Но теперь он гибнет, и получается, что все эти жертвы были напрасными. Одного этого достаточно, чтобы проклясть Бога, если он есть, но так как его нет, то нужно не проклинать, а бороться. Так говорил отец — только мне говорил. Даже другим членам нашего рода, посвящённым в родовую тайну, не говорил он этого при встречах с ними. Ибо для римлянина, для сенатора, для владельца большого состояния и множества рабов его мысли были более страшной ересью, чем для кафоликов доводы ариан или несториан. Только мне поверял он их. Я назвал бы его разведчиком во вражеском стане. Укрывшийся от чужих взглядов за привычную для них одежду и повадки, он ищет слабые места у врага, чтобы его соратники, если уж нельзя победить, нельзя удержать за собой поле битвы, могли хоть оторваться от погони, спасти легионного орла, чтобы хоть часть воинов уцелела и передала память прошлого потомкам, чтобы хоть те могли вступить когда-нибудь в схватку и победить...

А на победу сейчас у него никакой надежды не было. Римлянам Гесперии и ромеям Восточной империи не сдержат врага, — говорил он, — они слишком заняты спорами о сущности Христа и истреблением инакомыслящих и вообще всех мыслящих. Воинская сила обеих империй — варвары, по воле своей играющие диадемами Востока и Запада, более близкие врагам римлян, чем самим римлянам. Беспощадность жизни в Римском Мире такова, что ещё способные бороться за себя и своих близких люди бегут в более человечный мир варваров, растворяются среди них, теряют язык и обычаи, а главное — накопленное за века народами Римского Мира знание всего — от тонкостей ремесла до философии. Римляне унаследовали и переработали знания и умения всех

покорённых Римом и утративших своё имя народов — в этом оправдание римлян перед судом будущих веков и тысячелетий. А сейчас всё ими унаследованное и созданное, всё сохранённое охватившим впервые такие просторы Римским Миром — гибнет, как погибла, например, Александрийская библиотека. Это грозит тем, что и победителям-варварам суждена в будущем такая же, если не более скорая и сокрушительная гибель, что люди не смогут переступить роковую черту и вырваться из моря крови, слез и горя. Варварами уже сейчас овладевает дух смерти и разрушения, они приняли христианство и участвуют в религиозных распрях, как будто им мало той небывалой до сих пор взаимной резни, которая привела к неслыханному доселе передвижению всех известных нам народов и племён...

Сейчас выхода нет — не видно его. Но он может появиться, могут найтись очнувшиеся от кровавого наваждения люди. Им потребуются вожди, занятые делами людей, а не несуществующего Бога. Нужно искать именно таких людей и таких вождей, а в крайнем случае брать эту ношу на себя. Но сделать это можно лишь тогда, когда знаешь — куда вести людей и на что надеяться. Для этого нужны умение думать и как можно больше знаний. И сила духа и тела. Умение говорить. Умение молчать. Умение лгать. Умение узнавать правду. И масса других умений... Вот, братья, кто был кузнецом и ювелиром моей души наряду с теми, кто отковал и его душу — моими предками, их учителями, а также книгами, запечатлевшими мудрость ушедших поколений. И когда он умер, мне, пятнадцатилетнему, стало незачем жить прежней жизнью. Я оставил всё брату отца, одному из посвящённых в родовую тайну, чьи дети и сейчас живы. С двумя из них, знающими меня не как родича, а как святого Северина, я вёл переписку, которую, возможно, продолжите и вы — список моих корреспондентов у вас есть...

И я ушёл из Италии, из прежней жизни — искать людей среди людишек, чтобы встать рядом с ними. Я искал их в Галлии и в Испании, на римской земле и под властью вестготов и свевов. Прошёл по залитой кровью Африке и там впервые ввязался в схватку кафоликов с арианами, оборвал две жизни. Не жалею — убил нападавших, защищая невинных. Хотя эти невинные могут в определенных условиях сами напасть на кого-нибудь и стать виноватыми в моих глазах — к этому толкает их вера и особенно её служители... Потом, укрывшись под власяницей монаха — надёжной защитой в этом безумном мире, добрался до Египта. Обошёл «пустыни Востока» и не ставшие ещё пустыней города и селения. Везде видел одно и то же: бессмысленную взаимную резню, ненависть, озверение и итогом этого — безбрежное горе ни в чём не повинных людей. Даже в глупости, темноте и невежестве своём неповинных, но из-за этого обречённых. Встречал и умных, но они тоже были обречены в океане глупцов, ибо притягивали внимание, вызывали ненависть своей непохожестью на других. Случалось попадать в гущу схваток. Старался уйти, сберечь себя, ибо дорого я обошёлся — такой, какой уже тогда был, — понимал, что другого такого тем вождям, которых ищу, тем людям, кто за теми вождями пойдёт, — искать и не найти. Но не всегда мог. Тогда искал более невинных в данном случае, обороняющихся, а не нападающих, примыкал к ним и бил в полную силу руки — уложил десятки двуногих бешеных собак, но меньше их не стало — жизнь их рождала мириадами, причём дважды взбесились как раз те, кого я спасал (узнал об этом позже). Попадись мне достойный вождь — я мог бы стать при нужде для его дела и воином, и полководцем, ибо руки мои хорошо держали оружие, а голова была ясна и холодна в самом жарком бою. Но не было таких вождей и не было дела, ради которого стоило стать профессиональным убийцей людей. Всюду шла борьба догм. В Египте одолевали монофизиты, в Сирии несториане, всюду грызлись кафолики и ариане. Я проходил между ними и, хотя мог бы выдать себя за приверженца любой догмы, меняя

их, как щеголь одежду, всё же выдавал себя везде за кафолика, ибо речь моя выдаёт уроженца кафолической Италии, даже точнее — уроженца Лациума, римлянина. Опасность погибнуть была для меня гораздо меньшей, чем любого другого: помимо воинского умения я мог заранее чувствовать настроение окружающих их враждебность или дружелюбие, мог ощутить присутствие незнакомых, даже невидимых мною людей, мог иногда даже угадать мысли собеседника. Моя тайная способность, о которой я говорил, не угасла, а развилась. В Египте среди недобитых язычников я встретил владевших «сэтэп-са» и многому от них научился. В сочетании с этим моё знание медицины сделало меня целителем от многих болезней, не поддающихся лекарствам. Знание же Священного Писания позволило мне исцелять людей всех догм не в качестве подозрительного умника-врача, не в виде продавшего душу дьяволу Эскулапу колдуна, а в качестве наделённого божественной благодатью святого. От убийств — к исцелениям, от ненависти — к любви... А потом вновь срывался и ввязывался в схватку, оставляя за собой трупы тех, кто хотел других делать трупами и бодро их трупами делал. И сейчас с удовольствием вспоминаю, как убивал убийц, и сейчас не гаснет ярость, не утихает бешенство, когда вспоминаю — что они успели натворить, прежде чем я оборвал их полёт смертным ударом. То, что здесь довелось мне видеть — уже иной накал вызывало, а тогда был молод, и все чувства мои были ярче, свежее, и память эти чувства сберегла...

Я думаю, что многие разжигатели розни между последователями разных догм и людьми разных кровей и языков просто-напросто удовлетворяют так свою жажду крови, насилий, власти над другим человеком, неважно — виновным или невиновным. Таких истреблять просто необходимо, и я слышал, что в языческие времена были жрецы Зевса Измерителя, искавшие таких нелюдей в людской шкуре и травившие их только им известным ядом. Но жрецов таких не встретил, и рецепт яда мне не попался... Но всё чаще я стал себя сдерживать и всё чаще стал обходить «горячие места» стороной. Я не отказывал в помощи больным, если видел, что могу им помочь, а взамен получал крупницы знания или сведения — где их ещё можно найти. И в итоге от года к году я становился всё закалённее телесно и всё более сильным духовно и умственно. От монахов-отшельников в «пустынях» Египта, Сирии и Киликии перенял я аскетическую закалку и, сочетая её с «сэтэп-са» и иными своими знаниями научился владеть своим телом в полную меру, научился давить в себе любое недомогание, чувствовать прохладу в адском пекле пустыни, ускорять или замедлять биение своего сердца — сегодня я остановлю его навсегда... Но я находил опыт, знания, а вот людей, о которых говорил отец — найти не мог. Дважды слышал о таких, но обоих живыми не застал — такие не заживаются. И к тому же Восток был слишком далёк от моего Запада, которому суждено было погибнуть первым. Это я запомнил намертво с первого разговора с отцом, это подтверждалось доходившими с Запада вестями. И я двинулся на родину, завершая многолетний путь по Римскому Миру, — через Азию к Эфесу. Там как раз должен был состояться Вселенский собор, и как же мне было не дожидаться его начала и как было не проникнуть мимо стражи? Ведь от решений собравшихся в Эфесе епископов зависело многое во-первых, а во-вторых стоило присмотреться к тем из них, которые могут встретиться мне позже. И я не жалею о потерянном времени — увиденное в будущем пригодилось. Вы знаете — толпы монофизитских монахов с дубинами ворвались в храм, где собрались епископы, и, дробя дубинами руки непокорным, принудили всех проголосовать за монофизитскую догму. Да веруй я до этого в Бога — отрёкся бы от него в этот день. Он не вступился за владык кафолической церкви, как ранее не вступался за их противников и их паству. Ибо не было его и нет, а есть лишь те, кто торгует его именем и кормится с этой торговли, да в куда меньшем числе те, кто добры и честны, но не смеют верить в себя, а подменяют собственное величие отсветом чужого, тем самым отдавая на

конечную погибель всё хорошее, что успеют сделать в жизни своей... Среди таких — и вы. Простите и подумайте...

Я ушёл из Эфеса, перебрался через Босфор, побывал в Константинополе, не преминул забрести во дворец, посмотреть там на многое и со многими побеседовать. С императором, правда, предпочёл не встречаться... Заглянул во Фракию, видел там целую деревню, где жители умели ходить босиком по горящим углям, не обжигая ног. Они внушали себе, что ожогов не будет — и оставались невредимыми. Я и сам так попробовал — получилось. Но обложи такого чудотворца соломой и подожги — сгорит, на такое пламя у него сил не хватит, как и у меня сейчас очень некстати не хватило сил продлить свои дни... Не миновал я и Эллады, где хотя и размножились после Алариховой резни эллиноязычные люди, но эллинами уже не были, так — людишки без присущего людям этой земли чувства связи с бессмертной славой её. Свернул оттуда на север — через Македонию и Иллирию. Шёл, замыкая круг, по землям, уже опустошённым готами и в те годы опустошавшимся гуннами. Я обошёл Римский Мир и везде видел смерть. Если людей не убивали варвары, то они сами убивали друг друга, а потом варвары добивали уцелевших и начинали бить друг друга не хуже римлян и ромеев, а потом среди трупов начинались болезни, косившие недобитых победителей и побеждённых, а уцелевшие гибли от голода, а если у последних выживших ещё что-то оставалось, то приходили сборщики налогов... Казалось, всё человечество движется к огромной воронке и мириад за мириадам, толкаясь и торопясь, рушится в неё. И ведь видел я города и селения, ещё полные живыми людьми, а в голове стучало: это будущие руины и будущие трупы среди этих руин и пожарищ... Ведь я искал все эти годы людей, способных противостоять дыханию смерти, и не нашёл их. Что-то надломилось во мне...

Я уже вошёл в бывшую тогда ядром гуннских владений Паннонию, когда узнал о смерти Аттилы. Вы помните, что тогда началось: его многочисленные дети вздумали делить подвластные их отцу племена по жребию, и все эти племена до единого восстали против них. Они сошлись с гуннами в смертельной схватке на реке Недао и закрыли мне прямой путь в Италию по Венетской равнине. Я решил свернуть на север, к Данубию, по его берегу пройти в Норик и оттуда через перевалы проникнуть в Италию. Знал, что это вполне возможно, так почему не затянуть возвращение, если в пути всё равно не нашёл того, что искал? Вернусь — уже всё, на новый путь меня тогда не хватило бы... И тут-то меня и ждала истина, которая всегда есть для всякого ищущего, если он достаточно настойчив и если его не убьют до встречи с ней. А я был настойчив, как немногие, ибо и нуждавшихся в моей истине было немного, и искали они её вряд ли так упорно, как я — не было у них возможностей для такого поиска, не их вина, но если чего не можешь, то и не станешь, хотя и очень хочется. А я мог — и искал — и, не найдя, был близок уже к отчаянию. Ведь я оказался богачом, которому нечего купить на своё золото, оказался зрячим, который ничего не может сказать окружающим слепым. У слепых ведь не у всех есть нужда в зрячих — иной слепой сдохнет, свою слепоту отстаивая, причём таких слепых среди людишек достаточно, а именно эта двуногая порода заливала всё вокруг — люди были выбиты в предыдущие века в Римском Мире, как некогда в Ассирии, как некогда в Египте, в Элладе, везде, где некогда был великий взлёт, сменившийся падением и гибелью. Римский Мир ещё жил, но явно погибал, и не хотели людишки, чтобы их спасали. Убивали спасителей-одиночек. У меня исчезала цель жизни, ибо исчезла надежда встретить себе подобных — пусть не способностями подобных, а стремлениями. Так зачем было начинать свой разум знаниями, изощрять телесные и духовные способности, если их не к чему приложить? Что ждало меня впереди? На какой путь я мог вступить? Мог махнуть рукой на заветы отца и память о предках, завести семью и плодить

детей, зная, что их ждёт гибель со всем миром, частью которого я являюсь. Мог уйти в Апеннины, где много монашеских келеек, где меня, по крайней мере, никто не тронет, и пробавляться там мелкими делишками вроде исцеления покалеченных жизнью, чтобы она снова могла их калечить. Мог кинуться, очертя голову, в грызню за личное благополучие, сделать карьеру, растоптать соперников — благо, они того стоили, — прорваться к трону, даже схватиться за диадему. И при этом даже питать благородную надежду, что захват власти может дать в будущем возможность что-то сделать. Но я был во дворце и видел, что базилевс Востока, более могущественный, чем кесарь Запада, тоже марионетка в руках окружающих, хотя может снять голову большинству из них в отдельности, так что и этот вариант меня не прельщал. Всё это было бы предательством самого себя, но даже если бы я решился сам свою душу растоптать — мелко это было для меня, ради этого её топтать не стоило. А крупного и достойного не видел... И вдруг я наткнулся на пустой город. Не на разрушенный и сожжённый, а именно на пустой... и почти сразу — на второй такой же... Савария и Скарабантия... Жители их не стали ждать, пока их перережут, а собрали своё имущество и сплотились, как воины вокруг легионного значка, вокруг извлечённых из церквей мощей и реликвий святых. Они ушли в сравнительно безопасную Италию, спасая себя и своих детей, спасая своё будущее. Это было не бегство, уходили тысячи, а в таком деле невозможно обойтись без разумных вождей, организации и длительной подготовки. Мне рассказал кое-что об этом старый язычник-римлянин. Когда-то он бежал к гуннам, не выдержав жизни среди христиан. Был одним из секретарей Атиллы. Покойник умел подбирать людей — другой его секретарь, паннонец Орест, стал позже на какое-то время владыкой Италии и отцом последнего императора. А этот, став ненужным после смерти Атиллы, собрал тех, кто не хотел ни убивать, ни умирать — и римлян, и варваров, и поселился с ними в опустевшей Скарабантии. Он знал очень многое об окружающих землях и народах и надеялся, что знания помогут ему спасти доверившихся ему людей. Ради них он готов был на многое, даже на ложь и на убийство. Между прочим, варвары обходили опустевший город ещё и потому, что на переступивших определённый рубеж ополчалась некая «нечистая сила» и не все уносили ноги в целости — это он со своими людьми, тоже битыми и бывальыми, разыгрывал когда комедии, а когда трагедии, смотря по надобности. А вот поговорить с кем-нибудь обо всём на свете, о чём он за свою жизнь передумал, что узнал и что хотел бы узнать, ему было просто необходимо — да не с кем. Слишком велика была разница между ним и его «подданными», впрочем, признававшими его не царьком, а вождём, первым среди равных, как это бывает среди варваров, объединяющихся в скамарскую шайку. А подготовить себе такого собеседника — времени и сил не было, да и стал бы такой лишь отражением в зеркале, весьма тусклом к тому же зеркале. Так что я, задержанный и приведённый к нему, оказался для старика желанным собеседником, духовно близким человеком. Мы очень о многом успели переговорить за те десять дней, что я пробыл у него. Мимоходом он рассказал и о Норике. Суть сказанного: по Феодосиеву разделу единой империи на Восток и Запад Норик отошёл к Востоку, но почти сразу был отрезан бегущими от гуннов и гонящими при этом друг друга варварами. Подвластные гуннам руги загнали тогда в Паннонию вандалов и аланов, а шедший из Иллирии к подступам в Италию Аларих обрушил на них новый удар. Так что вандалы и аланы, убегая от смерти, опустошили оба Норика, сожгли ряд городов и селений и тем навлекли на себя Стилихона из Италии, а это ведь тоже немалая нагрузка для разгромленной провинции — приход освободителей... Потом пришёл Аларих, хотя и ненадолго — свернул в Италию, взял Рим, вскоре умер, а его вестготы ушли в Галлию и создали там своё королевство. Вандалы бежали от них в Африку, а Норик оказался беззащитным соседом обосновавшихся в Паннонии гуннов. Для этих кочевников и их стад

степная Паннония была раем. Потом Атила шёл по долине Данубия в Галлию, был остановлен там возглавленной Аэцием коалицией римлян и варваров, а потом тем же путём шёл назад. После этого в Прибрежном Норике осталось лишь несколько городов, которые гуннам и их союзникам некогда было осаждать из-за отсутствия корма для коней и стад в вытоптанной долине, а терять людей на штурмах после страшных потерь в Галлии не захотели ни Атила, ни вожди подвластных ему племён. Но сельский Норик был не то что опустошён, а стёрт с лица земли, так что отсидевшимся за стенами городов земледельцам пришлось начинать всё заново и не везде ещё они смогли наладить снабжение хлебом городов, приходится везти хлеб, масло и прочие продукты из Рэции по Данубию. Атила не случайно как-то сказал, что не растёт трава там, где пройдёт его конница. Поэтому, когда после удачного похода в северную Италию он понял, что сможет теперь посчитаться с вестготами без опасения, что вмешаются римляне, ему пришлось идти на Лигер уже другой дорогой, не такой удобной, как долина Данубия. Но на берегах Лигера ему опять не повезло — аланы и вовремя подоспевшие вестготы отбросили гуннов...

А в долине Данубия нет теперь никакой власти, — говорил мне этот язычник, — и даже епископ Лавриака, ещё бывший до прихода гуннов хозяином всего диоцеза даже после распада провинциальной имперской власти, теперь имеет власть лишь в округе своего города, бывшей столицы Прибрежного Норика. Каждый городок теперь сам по себе, правят городскими общинами местные пресвитеры, и так будет до первого вторжения. Во Внутреннем всё же сохранилась власть епископа Тибурнии над всем его диоцезом, но толку от того для безопасности населения от внешней угрозы почти что нет. Сейчас на Недао решаются судьбы Паннонии (среди решения иных задач), и новые её хозяева не преминут навестить оба Норика, особенно Прибрежный. Долина Данубия — каменная труба. Жить в ней, да и в расположенном между параллельными Данубию хребтами Внутреннем Норике, можно только при защите со стороны Паннонии и Рэции. Римляне это отлично понимали, и Норик защищали на западе Рейнские легионы в Рэции, а на востоке — паннонские крепости, особенно приданубийские Виндобона и Карнунтум. Но их сожгли маркоманны и квады ещё шестьдесят лет назад и восстановить их некому — в Паннонии почти что не осталось римского населения и она стала опорой для любой силы, грозящей Норик, а не защищающей его, так что раструб долины Данубия открыт любому вторжению. Ну, а в Рэцию давно рвутся алеманны и уже заняли большую её часть — дошли до Квинтаниса. Скоро в Норике не останется римлян, разве что рабы новых хозяев, если тех самих не сотрёт в пыль кто-то новый, рвущийся с востока или запада по этому проходному двору Европы...

Упомянул он и о скамарах, о которых я раньше не слышал. Вы оба попали сюда уже после закрепления рогов в нынешнем Ругиланде и о скамарах знаете лишь понаслышке, а подобные им могут ещё оказаться на вашем пути, да и Одоакр со своими воинами — тот же скамар, лишь большего добившийся...

В гуннское время погибло много племён и отдельных родов, а у варваров потерявший родичей человек становится существом низшего сорта. Его и в своём-то племени, уцелей другие роды, будут считать неполноценным, его голос не будет слышен, он не получит своей доли вровень с имеющими свой род счастливыми. Хорошо, если его из милости возьмёт в свою дружину король или конунг поменьше, но и там он будет неравен имеющим сородичей соратникам. И потому те осколки погибших родов и племён, которые считают, что лучше быть вольным волком, чем битой и голодной собакой на чужой цепи, объединяются в шайки и становятся скамарами (слово это лангобардское, ибо этому племени особенно досталось в Каталаунской битве среди

воинств, шедших с Аттилой, так что среди отколовшихся и застрявших на земле будущего Ругиланда их речь преобладала). Но позже к ним присоединяются и беглецы из своих вполне благополучных родов и племен, даже римлян принимают иной раз, а причины бегства могут быть разные — грех ли какой перед своими, просто ли неуживчивость в привычной для других, а этим натирающей шею родовой организации. Первые римляне тоже были такими скамарами и характеры у них были тоже скверные, оттого-то, в конце концов, и стали они создателями такой громады, пройдя по трупам и руинам тысячи миль во все стороны света. Но им повезло, как никому до них, а так-то всегда и везде такие были. В Галлии таких вот вольных удальцов звали варгами, а у гуннов объединение связанных не кровным родством, а судьбой воинов-одиночек называли «орда». Туда принимали тоже любого — хоть беглого раба, хоть пастуха без стада, хоть солдата без командира, хоть сына вождя погибшего рода или племени. Но вообще-то римлянам среди них трудно — они всё же люди иного мира и потому в одной шайке с варварами не выживают, а чаще объединяются в свои собственные разбойничьи шайки, на то у юристов и есть термин «латронес» — «разбойники». Среди многих скамарских шаяк на месте нынешнего Ругиланда была одна такая, но всё же подавляющее большинство скамаров были варварами. И — это они сейчас шайка, когда только возникает их единство, а при удаче отдельные шайки могут слиться в войско — «орду», численно равное доброму племени, прорасти изнутри общими традициями, родственными связями и через два-три поколения стать племенем. Алеманны как раз этот путь прошли, сложившись из осколков свевов и других прирейнских германских племён, недаром их племенное название означает «сброд»... Но гунны были слишком сильны, чтобы скамарам можно было пожить за их счёт или счёт их союзников. Требовалось такое место, чтобы гунны и другие сильные соседи не мешали, а добыча была бы близкой и посильной. Иначе они стали бы не скамарами, а мирными поселенцами вроде моих знакомцев в опустевшей Скарабантии. И по всей долине Данубия в принорикской зоне только нынешний Ругиланд подходил для этого — северный аналог округа Фавианиса и Комагениса, хотя никогда в империю не входил, но несомненно к этой округе прилежит, как дом хозяина прилежит к скотному двору. Северный берег Данубия выше южного, господствует над ним, словно приглашает кого-то именно здесь поселиться, а добычу на южном берегу брать. Именно здесь, в одном-единственном месте на всём норикском отрезке долины Данубия... Вот и собрались скамары именно здесь, и взвыли римляне на южном берегу, хотя и так уже после двойного прохождения воинств Аттилы голоса у них были сорваны до хрипа... И к тому же — для сильных соседей здесь поживы не было, ибо на нашем берегу население при подходе сильного врага укрылось бы за стены городов, а на северном со скамаров взять было нечего, да и сопротивление они оказали бы отчаянное, ибо деваться им было бы некуда. А для них добыча была рядом и на виду: не могли же горожане в поле не выходить, скот не выгонять, за стенами всю жизнь отсиживаться...

...Десять дней я провёл в Скарабантии. За всю жизнь душу отводил, слушал, рассказывал, спорил — и думал. Тысячи и тысячи людей в Норике обречены на смерть, а ведь их можно спасти — только собрать, как собрали своих земляков неизвестные мне вожаки из Саварии и Скарабантии, и увести их из долины смерти, которой уже стала для них становиться долина Данубия. Не в первый раз, кстати... Уже ходила по ней смерть, когда кельты, заполнив Галлию и почти всю Испанию, хлынули на восток, завернув одним из потоков и в Италию, до Рима дойдя, гусями спасённого, но от выкупа не отвертевшегося. Здесь ведь совсем другие люди жили, подобные иллирийцам или жителям Пиренейских ущелий, а их тогда выбили до последнего норики — это кельтское племя, давшее новое имя этой земле... Конечно, мне будет в тысячу раз труднее, чем тем вожакам, но дело стоит того, чтобы отдаться ему без остатка, я видел достаточно

мертвецов, чтобы попытаться помешать дальнейшему возрастанию их численности. Здесь это можно — в пограничных зонах всегда живут люди более толковые, более энергичные, а здесь, в проходном дворе не только Европы, но — что важнее — империи, где проходил главный поток движения людей и грузов между северным и южным морскими путями, здесь солдаты проходивших по служебной надобности или в годы мятежей легионов просто не могли не оставить, по добром согласию с норичанками или в результате насилия, своих потомков — потомков воинов, потомков отборных и беспокойных людей. Здесь меньше людишек, пожирателей пищи и производителей дерьма, и больше именно людей. Здесь найдутся такие, кого можно возглавить. Отдать жизнь свою для спасения вот этих, ещё не знающих обо мне, но уже прозреваемых мною людей для земной их жизни, а не для загробной — вот цель, достойная именно человека, а не холуя Божьего. Пусть живут, любят и ненавидят, спорят и ошибаются, пусть и глупости совершают — не они, так потомки их поумнеют, было бы кому уметь! А дела ведь тогда шли так, что казалось: через полсотни лет ни варваров, ни римлян с ромеями не останется, некому будет ни уметь, ни глупеть. Сейчас положение немногим лучше, впереди мириады смертей и гибель целых народов, но я смотрю на происходящее с иной, прежде недоступной мне высоты и больше вижу. Мы с вами делаем своё дело здесь, а в других местах действуют свои Северины, Луциллы и Марцианы. Я не шучу. Они есть в каждом племени, в каждом народе, хотя не всем суждена удача. У ругов пытаются эту задачу решить Фердерух, но он обречён, ибо выбрал неверный способ достижения цели. Но кому-то где-то повезёт, и спасённые им люди будут не только живы, но и — помня о своём спасителе — поумнеют в сравнении с прежним своим состоянием. У тех же ругов таким спасителем может стать Фредерик, если вы его не загубите, спасая своих. Я, во всяком случае, желаю ему удачи, и кое-что для этого успел сделать...

А тогда я не видел таких людей, хотя и искал. Чтобы их увидеть, нужно было самому на себя взвалить неподъёмную тяжесть и начать поиски путей к доставке её к цели. А тяжесть была поистине неподъёмной. От Квинтаниса до Астуриса около трёхсот миль, а в ширину оба Норика немногим короче даже для летящей птицы, не то что для меряющего горные тропы пешехода. Как подчинить живущих здесь вразброс людей, отчаявшихся и оступевших от несчастий и потому нередко не желающих ничего знать и ни о чём думать? Могут думать — они из породы, к тому способной, — а не хотят! И потому их, думающих, не найти, а без них ведь ничего не выйдет! Что делать с равнодушными, подобными жующим свою жвачку волам? А как собрать людей в одно место, под руку свою, прокормить их там, защитить от врагов? Как и куда их вывести из этого места потом, когда они там пригреются и прирастут к нему? Кроме Италии — некуда, а кто там ждёт тысячи и тысячи норикцев, кто их туда пустит и даст им землю? Варваров пустили бы — как воинов, а тружеников и своих хватает, не рабов, конечно... Но надо начать, а дальше видно будет, решил я. А как начать? Кем придти в самый восточный приданубийский город Прибрежного Норика — Астурис? Тот язычник сказал мне, что в Норике нет монахов, только заходят отдельные бродяги вроде меня. Значит, надо идти именно монахом. Я буду приметен для всех и в то же время некому будет связать мне руки и язык. Божий человек, стремящийся к святости — это не погрязший в мирских делах пресвитер. Местные пресвитеры встанут у меня на пути, как у чужака и конкурента. Но местных монахов нет, и этому можно только порадоваться — я сам создам в Норике монашеское братство, охвачу весь Прибрежный Норик, противопоставлю эту силу раздробленному, утратившему единое руководство белому духовенству этого диоцеза. Привлеку души христиан из Внутреннего Норика, и через них подчиню или сделаю своим союзником епископа Тибурнии, и его диоцез, где он пока что хозяин — не то что епископ Лавриака в своём — станет также и моим. А там и до остатков Рэции можно будет

дотянуться — у святого Валентина, твоего, Луцилл, патрона духовного — было множество тренировок с паствой, и не раз его изгоняли, как ты помнишь... И тогда начало сражения будет выиграно. Когда люди будут организованы мною и найденными мною вожаками, можно будет от их лица завязать переговоры с властями и влиятельными людьми в Италии и подготовить переселение... Таким был первый — самый черновой — набросок моего плана. Он требовал многих помощников и полной тайны. И моя способность владеть своим телом так, что простым людям это кажется чудом, мой опыт и знания, наконец — моё неверие в Бога и Божьи чудеса, моя вера только в чудеса, доступные людям вроде меня самого, — всё позволило мне стать святым посланцем Божиим, чудотворцем и исцелителем.

Как я мог исцелять теперь, в этой своей новой ипостаси? Лекарства и знание врачебных приёмов мне теперь были заказаны... Я не мог даже показывать своих познаний в медицине... Но были и иные познания, накопленные именно там, на Востоке... В человеческом теле, так же как и в душе, таятся могучие силы, но они связаны. Некоторые лекарства рубят связывающие их путы, и на вторгшуюся в тело человека болезнь обрушивается удар, подобный налёту защитников крепости из засады на ворвавшегося в выбитые ворота и уже торжествующего врага. Но можно разрубить эти путы и без лекарств — силой внушения, с помощью «сэтэп-са», даже если внушающему и неведом этот египетский термин. Те фракийцы, которые ходят по углям, именно это и делают. Не всякую болезнь можно так лечить — вот и сам я встретился ныне с непобедимым противником... Хотя кто знает — может быть найдутся и на неё победители, когда станет ясной её природа. Ведь надо знать, где ставить ей заслон, откуда и куда наносить удар, а я сейчас веду борьбу вслепую, воюю наугад — вот и довоевался... Так что, не занимайся я в своё время изучением медицины всерьёз — очень скоро объявили бы меня мошенником, ибо не знал бы я заранее, могу ли я именем Божиим обещать больному исцеление. А ошибаться я теперь не мог не только в исцелениях, но и в любом своём начинании не смел терпеть поражения. Как-то в горах Ливана я и несколько достойных спасения несториан были застигнуты солдатами, которых послал епископ-кафолик. Их было больше, а у нас был лук и полтора десятка стрел, ибо ножи и дубины не в счёт при схватке с профессиональными бойцами. Бойцами... Есть ещё и профессиональные убийцы, перед ними бойцы — что малые детишки... А я и с такими успел познакомиться, и кое-кто из них со мной своим умением поделился — я умел уже и с такими находить общий язык... Умение навести ужас на умеющих сражаться в открытом бою — оно тоже немало стоит... Я истратил семь стрел, и семь трупов легло на тропу, а восьмую пускать не пришлось — они не посмели продолжать преследование. Но промахнись я хоть раз — они настигли бы и раздавили нас. Их удержал не я, а страх передо мной. Так и в Норике, в начатой мною многолетней войне, не я, а вера в меня и страх передо мной должны были решать исход этой войны.

Но началось всё-таки с большого поражения. Я пришёл в Астурис, имея уже тыл в Паннонии — того язычника и кое-кого из его людей сначала, а затем и нескольких других паннонцев. С ним-то я был откровенен до конца — ведь я, в конце концов, вступал на его тропу, хотя брал на себя более тяжкий груз. И он отнёсся ко мне, как к брату, как к человеку, взявшемуся за достойное дело. Жаль, что прожил он после этого недолго, стар был, а люди его, в конце концов, были частью перебиты готами, частью разбрелись кто куда. Но кое-кто из них по сей день входит в мою тайную сеть, охватившую многие области. В оставляемых вам списках есть их имена. Дело в том, что эти — и другие — люди были убеждены и убеждений своих не утратили, что я посланник Божий и что служат они не мне, но Господу. А ведь не все они кафолики и не все христиане. Но в

Высшую Силу, пусть и неназываемую, они верили. Та Сила, которую они за мной чувствовали, им подходила... У меня было время убедить их, я мог ещё в последние свои дни в Паннонии тратить на это время, но не смел идти в Астурис, не имея в Паннонии верных людей. А вот в Астурисе у меня времени уже не оказалось. Я поселился у церковного сторожа, и он через два дня стал верить в меня, как в самого Бога, но на других времени не нашлось — пришёл один из моих паннонских осведомителей и тайно сообщил, что на реке Недао гунны разбиты и бегут куда-то к Эвксинскому Понту, а племена-победители поделили наследие гуннов, и Паннония досталась тем готам, которые зовут себя остроготами в честь древнего своего короля, или же остготами, ибо когда-то на Борисфене-Данапре обитали восточнее визиготов или вестготов — тех, которые с Аларихом взяли Рим, а после его смерти ушли в Галлию и ныне часть Испании немалую захватили.

И ещё он сказал, что племя ругов распалось, и что его хотели добить недавние союзники их на Недао, но очень давние их враги — готы, что часть ругов ушла в Восточную империю, а король Флакцетей с остатком племени хотел пройти в Италию — под защиту Западной империи, но готы его не пропустили. Теперь готы хотят перекрыть ругам путь в Италию через Норик и перевалы Альп, ибо руги ушли на северный берег Данубия и хотят оттуда через Норик пройти, а готы кинулись наперерез, к Астурису на южном берегу, так что вот-вот появятся под его стенами. А готы — это я знал — умеют брать крепости, и Астурису не выстоять, как не выстоять перед закованной в железо готской конницей и ругам в случае схватки. Я не имел ещё опоры в Астурисе, я ещё только искал, кого бы эффектно исцелить. Конечно, вёл себя крайне благочестиво, но это монахам положено, так что никого я не удивил этим. Можно было сказать, что, мол, завтра придут готы — готовьтесь к обороне. В лучшем случае дали бы награду — а зачем она монаху? — а скорее допросили бы с пристрастием, откуда я это знаю, и были бы правы. Во главе обороны не поставили бы ни за что, а сами — я успел оценить обстановку в городе — всё равно бы не выстояли.

А ведь мне было нужно, как певцу, сразу взять верную ноту и впоследствии ни разу не уклониться от мелодии и не сфальшивить. Роль была уже выбрана, маска уже скрыла моё истинное лицо, и снять её или сменить я уже не мог даже для спасения собственной гибелью, собственным крушением целого города — всё равно без меня весь Норик был бы обречён, не в этот раз, так позже (я ещё не знал, как приблизилось это «позже», ведь скамары уже заняли Комагенис, о чём никто не знал в Астурисе и никто пока не мог сообщить мне). Так-то вот... Речь шла о судьбе несравненно большего числа людей, обо всём Норике...

Я пришёл в церковь и — ещё до начала службы — начал проповедь. Призвал всех, ввиду неких вражеских козней, предаться молитвам, посту и раздаче милостыни, заранее зная, что не поверят, что сочтут мои слова бредом фанатика, коих я сам терпеть не мог и сейчас не могу. Но — если бы они мне всё же поверили! Ещё были в запасе часы. Я успел бы отобрать из молящейся, охваченной экстазом толпы годных в вожак людей, подчинил бы им боеспособных, вывел бы в безопасное место женщин и детей, устроил бы на подходе к городу засады — было, где устроить их для тяжёлой готской конницы. Я недаром обошёл столько земель и видел столько смертей: научился не только скорбеть о погибших, но и убивать убийц — необходимо такое умение в этом волчьем мире. Вы видели под Батависом и на стенах Лавриака, что я владею искусством военачальника, а по пути в Астурис я присматривался к местности глазами военного — на всякий случай, как и все годы потом тоже не забывал это сделать... Но пресвитеры не дали своей пастве поверить мне, хотя был миг, когда весы удачи качнулись было в мою сторону. И тогда я

предрёк погибель граду сему, велел приютившему меня и верившему мне старику-сторожу уходить в Комагенис, и ушёл сам. Из леса я видел пламя над Астурисом, слышал вопли убиваемых людей, видел угоняемых пленников. Никто не бежал в лес, где я задержался, никто позже не вернулся из готского плена. Уцелели мы двое, да позже объявились несколько астурисцев, по делам торговли оказавшихся в других городах Норика...

Я попал в Комагенис раньше еле ковылявшего старика и попал из огня в пламя. Я попал в город, захваченный скамарами. Я уже говорил, что нынешний Ругиланд был тогда раем для скамаров. Но и в раю бывает тесновато при столь воинственных праведниках. И нашлись среди скамарских вожаков умные люди, решившие создать скамарское государство. Да, умные, умевшие смотреть вперёд на несколько шагов дальше, чем их конкуренты — вожаки других шаек. Но я-то умел смотреть дальше, и мне очень не понравились неминуемые последствия их вторжения на римский берег.

Крупный отряд скамаров без боя захватил Комагенис и не стал его грабить — хорошо? Да, если бы это было в Риме, а не на рубеже Римского Мира. Жителям предложено покровительство и защита, они принуждены заключить с захватчиками союз, то есть и у них есть какие-то права, как даже лошадь имеет право на заботу всадника, а то не повезёт — хорошо? В отряде — дисциплина, ни грабежей, ни насилий — хорошо? Ни войти в город, ни выйти из него нельзя без разрешения стражи — нехорошо? Нет, объяснимо и терпимо. И уже пришло под руку удачливого вождя первое пополнение со скамарского берега. И ещё немного — хлынут потоком, начнут расширять свою территорию, подчинят Фавианис...

А что потом?! А потом найдутся уже не среди скамаров, а среди сильных соседних племён такие, кто скажет: «Это что же такое — какие-то скамары такой кусок отхватили? Это мы должны его сожрать!» И первыми это скажут готы, только что уничтожившие Астурис. А силы, способной их остановить, не было в ту пору. Я ведь думал в Астурисе об отпоре лишь тому отряду, который шёл к городу, но о борьбе со всем племенем не то что всему Норик в целом — даже Восточной империи думать в ту пору не следовало слишком уверенно. И стали бы норикские римляне прахом под ногами у дерущихся насмерть варваров. Скорее всего, было бы именно так — не девять из десяти за это, а девяносто девять из ста... Но на беду скамаров в Комагенис пришёл я. Стража загородила было мне дорогу, но при владении «сэтэп-са» нетрудно преодолеть такую преграду при знании языка, а я владел готским с детства и они в латыни смыслили... Так что пропустили — и забыли, что кто-то прошёл, и начальству не доложили, а в городе у них не успели появиться достаточно верные осведомители — времени не хватило, нашлись бы чуть позже, так что мой приход остался незамеченным для скамаров. Я ничего не стал рассказывать о событиях в Астурисе — у комагенисцев своих хлопот и тревог хватало, а сторож мой ещё не пришёл. И пошёл я прямо в церковь, и опять начал говорить о молитвах, постах, покаянии и о небесной награде за такое хорошее поведение — какой именно награде, не поминая. Каждый мог её представить по-своему... И тут подоспел сторож из Астуриса. Его, вестника беды, пропустила стража, расспросили вожаки отряда, была поднята боевая тревога, и скамары кинулись на стены и в засады вне стен — им временно стало не до горожан. А сторож рассказал горожанам о моём так страшно сбывшемся пророчестве — и мне на этот раз поверили, ибо хотели верить, ибо в себя и в своих пресвитеров у них веры не было. А что такое готы — здесь знали со времён Алариха, и помнили, как потомки алариховых вестготов и эти — остготы — сошлись на Каталаунских полях, братья против братьев, и никто не одолел, что и заставило Аттилу повернуть назад: он шёл не за небывалыми потерями, а за добычей. Готская сила

котировалась на самом высоком уровне, скамарская — куда ниже. Значит — надежда только на Бога и его слугу, только что именем Божиим предсказавшего гибель Астуриса, а сейчас обещающего небесную награду, если оплатить её молитвами, постами, покаяниями, и — не в такой момент жалеть своё добро! — милостыней. Так неужели же уклонимся от этой последней соломинки?! Все повалили в церковь — параличных стариков и младенцев потащили, вокруг неё толпились, а ведь уже зима начиналась.

Вы знаете, как влияют на людей хоровые молитвы, пение псалмов, мысли о Боге. Люди теряют разум и волю, растворяются как личности, их можно толкнуть и на подвиг, и на гнусность. В Египте я видел очевидца убийства Гипатии. Чудесную женщину, светлую разумом, прекрасную несмотря на годы, воплощение человечности, растерзали заживо, остругали мясо с костей обломками раковин после такого вот массового моления. Я почти не помню матери, но задним числом представляю её такой, как мне описали Гипатию — они были бы сестрами, не во Христе, а по духовности своей... Но здесь предстояла борьба не с Гипатией, и я не колебался, пуская в ход это средство. Средства вообще не виноваты — виноваты цели, которых пытаются достичь люди этими средствами. Нож придуман для добывания пищи и нарезания её, а не для предательских ударов в спину ближним нашим. Но бывают и такие ближние, которым я с превеликим удовольствием засадил бы нож под левую лопатку, не испытав ни малейших угрызений совести, и если этим не злоупотребляю, то лишь потому, что не мне, а вам, преемникам моим, может отозваться эхо от такого удара...

...Да, исповедывались публично в грехах, нередко в серьёзнейших, просили друг у друга прощения — и получали его от всей души, город как святой водой омыло в те дни. Богатые уделяли бедным пищу и одежду, сильные обещали слабым помощь в мастерских и в поле. И так было три дня и две ночи — я почти непрерывно проповедовал, они почти не отлучались и всё больше входили в экстаз. И мудро было не войти: такого не только в их жизни ещё не было. Я много повидал, ещё больше слышал, но аналогов не знаю. Даже сейчас горжусь не тем, что было потом, а именно этим — как первым победным боем в этой войне не только за тела, но и за души людские, за которые взял на себя ответ перед потомками, не перед Богом... Проняло даже пресвитеров, которых я тут же впряг в свою колесницу — они приняли на себя пение молитв и псалмов, освободив мне время для присматривания к людям, души которых открылись в этих условиях настуж. В другое время мне и за год бы не узнать о них столько. И я выделял могущих быть вожаками и неприметно для других их сгруппировал, вёл с ними отдельные — не беседы, не проповеди, даже не знаю, как это назвать, но на третий день они уже незаметно формировали отряды из соседей своих, доставляли к церкви оружие...

К счастью скамары решили, что вспыхнувшая эпидемия молитв и покаяния связана с опасением за судьбу города после гибели Астуриса, а ведь с этого лишь началось, росток иными цветами зацвёл, а плоды оказались даже не по цветам этим. Но я их не разубеждал, а напротив — через нескольких новообращённых своих поддержал в этом убеждении. Но готы на Комагенис, не пошли, схлынула у скамаров тревога и ушли они на третью ночь почти все отсыпаться в казармы, оставшиеся от бывшего некогда в городе гарнизона. Я рассчитывал, что доведу людей до нужного состояния к пятому или шестому дню, но тут случилось такое, что я бы мог, пожалуй, и в Бога уверовать, не будь моё безбожие столь закоренелым. Внезапно началось землетрясение, а я с этим явлением природы почти не сталкивался, только ещё до ухода из Италии чувствовал лёгкую дрожь земли у подошвы Везувия. Тут дрожью не обошлось — стали рушиться дома. Но в домах почти никого не было — одни скамары. Все прочие были возле церкви, тут же спали у костров. Это собрало в один кулак всех боеспособных людей, уже снабжённых оружием и

разделённых на отряды, и собрало в одно место всех, кто нуждался в защите, заодно обеспечив их спасение от рушащихся домов. Церковь же строилась с таким запасом прочности, что уцелела, строили её не людишки, а люди, искренне верившие, что для Бога стараются. А вот на спящих скамаров стали рушиться стены и потолки и они, видимо, решили, что это готы ворвались. Ошалевшие, израненные, они кидались из руин, сталкивались — а пополнение подошло недавно и не успели они перезнакомиться, а ночь была тёмная, а пыль поднялась над бесснежной ещё землёй... Начали они вступать друг с другом врукопашную, паника росла, но они, конечно, опомнились бы скоро — отборные же были воины, выжившие там, где сородичи погибли, да я не дал опомниться — понял, что другого случая не будет. И бросил на них «во имя помогающего нам Господа» всех боеспособных, предотвратив возникновение паники среди всех прочих горожан. К утру ни одного скамара не осталось в Комагенисе, а слава моя понеслась по Норику. Какие-то её отголоски долетели и до скамарского берега — на Комагенис больше не было налётов в оставшиеся скамарам месяцы.

Но мне нужна была не любая слава, а по моему заказу сшитая, мною заранее обдуманная. Я должен был выглядеть в глазах людей не чудотворцем, любое чудо по своей воле совершающим, а не отвечающей за свершаемое ею марионеткой Господней. Не человек Северин говорит с ними, а Господь его устами, как трубач в трубу дует. Не Северин чудеса творит, а через него они со складов небесных передаются, как по трубе вино или масло сливается. Кем? Ясно — Господом. Спорить с Северином — с Богом спорить, бороться с ним — против Бога пойти. Не потерпит Господь покушения ни на себя, ни на своё имущество, а Северин — раб Божий, двуногое говорящее орудие Божье. Но, как отброшенный хозяином топор, например, не рвётся сам колоть дрова или обтёсывать какой-нибудь брус, так и человек Северин, стоит Господу отвлечься от этого своего орудия, сам не рвётся совершать чудеса и исцеления. Поэтому я выжидал, но в то же время было рискованно ждать, пока придут и попросят совершить новое чудо — могли дать задачу невыполнимую или выполнимую, но к моей цели не относящуюся. Пока что я искал среди одиноких и достаточно сильных мужчин таких, которые могли бы стать моими агентами. И искал посильные для себя потребности в чуде...

Тут требовались отборные люди. Они были здесь, а позже я их находил по всему Норику и вокруг него: их притягивало отовсюду моё дело, как магнит притягивает железо, но я уже сказал, что Норик в силу ряда причин был менее расчеловечен, чем другие пройденные мною земли. Надо отметить — кое-где, в Константинополе например, таких людей много, но они мешают друг другу, ибо разные у них интересы. Тут же я смог дать им всем общую цель...

Найдя такого, я быстро, ибо рос опыт в таких делах, делал его своим инструментом и направлял в ближние и дальние селения обоих Нориков. Это не бросалось в глаза, так как уезжали из опасного места и целые семьи, не дожидаясь конца зимы. Не так много их было, но были такие. В это время начался голод в соседнем Фавианисе, ибо часть урожая погибла от непогоды и скамарских набегов, а посев в этой более широкой, чем вся принорикская пойма, части Данубийской долины был всё ещё меньше обычного — так здесь разгулялись гунны и их соратники при походе в Галлию и обратно. Несколько лет уже прошло, а всё ещё не поднялись до прежнего уровня. Заказанный в Рэции заранее караван судов с хлебом мог прийти лишь после того, как вскрыется лёд в верховьях Данубия и на Инне, а для этого надо было растянуть свои запасы. Но эти запасы были заранее скуплены фавианисскими богачами, решившими нажиться на горе малоимущих. Хлеб ещё был в городе, но для основной массы горожан его уже не стало. Узнав об этом от своего агента, я через него же намекнул кое-кому из фавианисцев, что святой Северин

может помочь. Те стали призывать своих сограждан отправить ко мне послов с просьбой о помощи, а другой мой агент вовремя известил меня о составе делегации и её цели. Теперь я мог удивить их знанием этого, их надежда облеклась плотью, и я получил в них союзников.

Запомните: одни лишь преданные слуги дела не сделают. Нужно иметь союзников, сохраняющих разум и волю. Поверив в вас, они делают больше, чем самый верный слуга, ибо увлекут сомневающихся в вас, но верящих им.

А в делегации были люди разные, в том числе и двое из тех, кто скупал хлеб для того, чтобы нажиться на продаже его голодающим — они не могли, фавианисские хлебовладельцы, не всунуть в делегацию своих людей для получения точных сведений о том, кто я такой и чем угрожаю их интересам. А я их опознал, выделил и, найдя в них не прирожденных мерзавцев, а просто привыкших жить по-волчьи в волчьем мире, но в душе тоскующих по человечности, взял их души в свои руки... Я знал, у кого из богачей сколько хлеба, но меня звали совершать чудо, а не начинать гражданскую войну. Как уже дважды до этого, я призвал народ к молитвам, покаянию и посту. Пост должен был растянуть имеющиеся запасы, а покаяние и молитва в сочетании с раздачей милостыни — извлечь утаиваемое теми, кто был более человеком, чем скотом, чем зверем, хотя наживающихся на голоде своих же я не хотел бы со скотами и зверями сравнивать, оскорбляя тем скотов и зверей... Но тут был не Комагенис. Там скамарский нож грозил в первую очередь богачам, а готская угроза делала возможность потери жизни ещё более вероятной именно для них — ведь как рабы они не котировались, полезного умения у них не было. Так что не удивительны их пламенные покаяния и искупительные жертвы. Здесь же те, кто голод умышленно организовал, молиться за его ликвидацию не очень-то хотели. Пока мои разведчики узнавали, где стоят суда с хлебом и скоро ли они придут (а они застряли в Инне близ Батависа и не могли двинуться до расчистки его русла ледоходом), мне надо было заставить богачей выдать свои запасы, но обязательно добровольно. Только гражданской войны или религиозных распрей не хватало Норикку для поголовного перехода его жителей в царство небесное. А я твердо решил оставить Господа без новых пополнений в небесные легионы. Я мог бы скрутить в Фавианисе богачей, но это дошло бы до других городов и сорвало бы все мои планы: влиятельнейшие из граждан ждали бы меня, как врага, а то и в наступление бы перешли. Уж в Италии-то, куда я намеревался со временем вывести норикцев, таких переселенцев, которые идут по пути Спартака или Аристоника, вряд ли стали бы ждать с радостью — не на мечтах о равенстве в земной жизни создаются империи и варварские королевства...

Пришлось искать звено послабее в опутавшей город цепи человеческой жадности. Самой уязвимой среди богачей оказалась вдова Прокула. Она ещё не утратила совесть, да и вообще женщины чувствительнее мужчин в большинстве случаев. Налаженное покойным мужем хозяйство её жило как бы само собой; все распоряжения отдавал очень деловой и толковый вилик⁴, не забывавший и себя при подведении итогов, а сама Прокула лишь наслаждалась жизнью. Хлеб у неё был не скупленный для спекуляции, а свой. Её людьми выращенный и сбережённый. Взлети цены до высочайшего уровня — она бы могла поддаться демону наживы, но пока что просто жила в своё удовольствие, не задумываясь о происходящем, а вилик пока что с ней на эту тему бесед не вёл... И вдруг человек, уже признанный святым, всенародно — позор-то какой! — её упрекает. И не в том, что она хочет нажиться на горе голодных, а в том, что она покорила пороку — жадности. Жадность же, по апостольскому учению, есть рабское поклонение идолам. Вот

⁴ Вилик — управляющий хозяйством своего господина доверенный раб.

пошлёт господь помощь голодным — и придётся тебе выбрасывать никому не нужный хлеб рыбам, а что станет с твоей душой? Сейчас ты поможешь не голодающим, а самой себе, ведь с голодающими и Христос голодает...

Просить богачей, сколотивших богатство своими руками, зубами и когтями, своей волчьей и лисьей смекалкой, чтобы помогли беднякам выжить — что с камнем говорить. А вот намекнуть, что никто у них не купит хлеб после прихода кораблей из Рэции — и я готов был организовать им такое «божье наказание»! — да ударить примером Прокулы, которая со стыда и с перепугу весь хлеб отдала, и была за это мною превознесена, — это другое дело... Дрогнули и остальные. А кто не дрогнул — дрогнувшие на них нажали. С их запасами мы продержались, тем более, что без постов я горожан не оставил. Раннюю весну, вскрывшую Инн и верхний Данубий, тоже приписали моим молитвам, а корабельщики на обратном пути донесли мою славу и до ваших мест — до Кукуллиса и Рэции...

Не успели фавианисцы опомниться от одного чуда и оправиться от вызвавших его необходимость причин, как на их головы свалилась новая неприятность, срочно потребовавшая нового чуда. Данубий переплыл отряд скамаров и началась охота на работавших на полях людей, угон скота. Разбойничали нагло, не ожидая сопротивления — ведь остатки гарнизона с трибуном Мамертином во главе были уже учёными и не смели высунуть носа за стены. Да и то — жалованья им давно никто не платил, жили на пожертвования горожан, оружие покупали сами, так что часть гарнизона уже давно разбрелась из казарм. В Астурисе и Комагенисе вообще гарнизонов не оставалось к моему приходу, тут хоть что-то сохранилось, но даже стены в случае штурма им было бы нелегко отстоять, а в поле они и вовсе не могли тягаться со скамарами — отборными удальцами, неслучайно предпочитавшими жизнь вольных волков жизни дворовых псов, неслучайно выжившими, когда полегли их сородичи. Но я следил со стены за скамарами и видел их беспечность. В другой раз они поумнеют, как поумнели те, что остались на берегу против Комагениса, но сейчас... И я пообещал Мамертину помощь Господа и бескровную победу — если будет вести дело, по чину ему положенное, разумно. И для ободрения его, да и с задумкой на будущее в случае полного успеха, пошёл с его отрядом. Мы настигли их на привале в двух милях от города — у ручья Тиганция. Они не успели даже вскочить, не то что развернуться для боя, да и пленники на них кинулись. Быть разбитыми так глупо, без боя и крови, для таких людей страшнее разгрома в бою. Души их были потрясены, и я этим воспользовался — когда после должного увещания на готском языке отпустил их восвояси, среди них было уже несколько преданных мне людей. Конечно, тут мало было знания языка, умения внушать, Христовой проповеди — надо было понимать их жизнь и уметь определить характер каждого... Заодно и все воины Фавианиса стали моими — это тоже немало стоило. Мамертин потом, когда нас окончательно взяли под защиту руги и гарнизон был распущен, стал даже с моей помощью епископом в Лавриаке — звание трибуна помогло ему в духовной карьере. К сожалению, он не дожил до решающих дней, и я немало крови испортил себе с его преемником в дни обороны города... И для горожан, особенно для спасённых пленников, я стал ещё более авторитетным «мужем Божиим».

Помните условие? Не Северин творит чудеса, а Бог через Северина. Столько чудес — не многовато ли для земного человека? Он и так, этот человек, оказался не там, где хотел, и занялся он не тем, к чему стремился. А стремился он — знайте, фавианисцы, — к отшельничеству. Хотел забраться в местечко поукромнее и молиться — за свое личное спасение и за всех римлян, всех христиан, всех сынов Адамовых, всех праведников и всех

грешников. Не пустил Господь в Италию, а я и в Норике этим займусь, благо Он временно отложил меня — свой новый инструмент и кем-то другим занялся.

Я умышленно озорничал с такой трактовкой, пародируя несторианскую догму, которая, как вы знаете, если её несколько огрубить, рассматривает Христа, как самого обычного человека, на которого вдруг снизошла божественная благодать. И позже я не раз допускал такое вот озорство с самым серьёзным видом — не чтобы душу отвести, а чтобы не ждущий такой наглости враг, противник, просто невольный партнёр-препятствие (бывают разные уровни противостояния тебе и твоему делу, да и люди на этих уровнях тоже разные) не смог мне противодействовать, ибо моё поведение было непостижимым для него. Возможно, что и вам доведётся так поступать... Вот и удалился я из Фавианиса и стал строить эту келейку. Но меня и здесь не оставляли в покое — десятками шли, всем нужна помощь, требовались душеспасительные беседы, кое-кому исцеление — и ведь это было мне самому нужно, чтобы шли, чтобы не отставали, но и погрязнуть в мелочах было нельзя никак, а как удержаться на острие меча между этими крайностями?! Для того и была эта моя игра — святой Северин бежит от своей свалившейся с неба чрезмерной святости, лезет в келейку, как клоп в щель, а его оттуда не то мольба людская, не то воля Божья гонит наружу...

Но келейку я себе всё равно срубил сам, а вот у горожан попросил помощи в строительстве ни много, ни мало — монастыря. Разумеется, начато было с малого, потом братия сама взялась за дело, но начато было фавианисским человеком по моей просьбе — начато радостно, не то что безропотно. Стены помочь уже вряд ли могли — так как же не вложить силы в эту обитель Духа Божественного, через меня защиту свою на них изливающего?! Они и сами что-то такое подумывали, но сформулировать не могли, а мои люди с моей подсказки им эту формулировку дали. Даже не одну, а целый набор — всякому свою. Вот не было у нас в Норике вообще монастырей, монашества не было, а ныне оно у нас здесь начинается... В других местах у монахов разве есть такой святой, как наш Северин? Он наших монахов в нужную сторону поведёт, для нас, фавианисцев, нужную, если мы первый норикский монастырь именно у себя возведём, как пасеку для ещё не прилетевших пчёл... И станет Фавианис духовной столицей для обоих Нориков, для этого стоит постараться и не пожалеть труда и пожертвований — зато к нам отовсюду повалят паломники и больные на исцеление, а это и польза немалая...

В итоге не то чтобы дворец возвели, а с самого начала с запасом строили, без отвлечения сил первых моих монахов на строительство обошлось, это позволило быстро набрать силу для всех направлений, по коим я устремлял своё внимание. И позже всё время строили с запасом — на вашей памяти ещё был запас простора, который словно ждал пришедших позднее из верхних крепостей братьев и послушников. В монастыре я стал с людьми встречаться и кое-кого из них оставлять для молитв и святой жизни, для прославления монастыря и нашего братства, а кого для дела, чтобы были моими глазами и ушами, руками и голосом.

В монастыре нашем я начал впервые — не то что в Норике, а, пожалуй, и во всём Римском Мире, создавать десятинный фонд на выкуп пленников и на помощь беднякам. Началось с добровольных пожертвований в моё распоряжение, а потом я сообразил, что сверх монашеской явной сети и сверх тайной разведывательной сети можно создать третью сеть — явную, не вызывающую отпора местных властей, будь то пресвитеры в Прибрежном Норике или епископы Тибурнии и Батависа со своими церковными аппаратами. Эта сеть будет всеобъемлющей, втягивающей в моё дело каждую семью в обоих Нориках и остатке Рэции. Нашёл я у Моисея насчёт десятины, и начал её потихоньку вводить в давно уже никому не платившем налогов Норике. Заметьте — я её не требовал,

только соглашался принимать и распоряжаться ею. Всё делалось как бы само по себе, выдвигались пользующиеся доверием люди, создавался не чиновничий аппарат, а нечто лучшее — сеть добровольцев-мирян, отдающих свои силы и способности общему делу. Ну, кто такому сможет помешать? На куски порвут. Правда, и размышлений об устройстве узлов этой сети в других городах было столько, что и сравнить не с чем — ведь дело было воистину небывалое, и оно не имело права переродиться в сеть сборщиков налогов, о себе не забывающих. Пожалуй, здесь я намучился в работе мысли более, чем где бы то ни было... А угроза эта осталась, он из неисчезающих, учтите это...

Даже в Тибурнии, где епископ был действительным главой всего Внутреннего Норика, сохранив свой церковный аппарат после развала провинциального аппарата власти; где церковь по мере сил помогала бедствующим «братьям во Христе», никто не пикнул против наших десятильников — доселе здесь охватывали только своих, а Максим с товарищами своими и на Прибрежный Норик собирал, и на выкуп у алеманнов рэтских пленников, и через Альпы за Италией присматривал — там доброхотов завёл, нам помогающих, и ответно ухитрился несколько раз им помочь. Так что все видели, что дело поистине святое, что человек поистине ради людей, своих и не своих, старается. А когда настало время своих выручать, от готов десятинными фондами откупаться — у меня не запрашивал, сам решил, и в самое время решил, в самую цель угодил. Держите с ним связь и после того, как уйдёте из Норика. Старайтесь ему помогать и из Италии, ему и его делу. Он — из той породы, которая только и искупает грехи прочих двуногих своим существованием. И то, что такие, как он, ко мне прислонились, для меня было высшей наградой ещё до встречи с вами, а что вас я сейчас, посвящая именно вас в свои дела, ценю не ниже — объяснять незачем...

Ладно, продолжу. Помимо всего прочего, я с появлением десятинной сети получил возможность сглаживать слишком острые углы. А силы, ослабляющие и даже начисто рвущие римское единство — ослаблять встречными ударами, тайно, без крови и пожаров. Ведь всё время над моим делом висел дамоклов меч — ну, как передерутся по какой-либо причине хоть в одном месте, а оттуда искры разнесут пламя по всему Норикуну...

И всё же десятина лишь поддерживала жизнь в её существующей (и потому обычно приемлемой) форме, но мне-то нужно было переделать Норик на свой лад, чтобы вообще увести эту жизнь из этих мест от надвигающейся смерти. Но одному мне была непосильна взваленная на плечи ноша. Без верных душ и сильных тел я не смог бы ничего добиться. Нужно было время для их выявления и подчинения. И вот, поселяя приходящих ко мне людей в монастыре рядом с моей келейкой, я это время выиграл. Монастырь — вне города, келейка — вне монастыря, а сам я — вы знаете — часто уединялся в старой сторожевой башне. Поэтому соблюдение тайны было обеспечено даже в чрезвычайных случаях, ибо люди моей третьей сети — разведывательной, тайной, охватывавшей всё большие пространства — сначала в Паннонии, потом в обоих Нориках, потом и за их пределами — знали, где и как меня найти, один ли я, не занят ли, готов ли к встрече, и когда буду готов, если сейчас что-то мешает (на то была налажена система условных знаков, из которой вы знаете далеко не всё — вам это не требовалось. Да и сейчас не будет требоваться — к вам будут приходить уже как просители или спорящие, ищущие суда, и сообщать потребное)... А внешне — святой отшельник, бегущий от людского шума, от мирских дразг и соблазнов...

Был бы я действительно таким святым — пользы от меня было бы, как от вола приплода — сами вы несомненно были близки к святости в христианском её понимании уже до встречи со мной, но не вы, а я вытянул этот груз — с вашей помощью, да! — но я тянул, я выбирал дорогу, а вы сами даже не попытались бы его на себя взвалить. Теперь

же, пройдя мою школу, тянете в полную силу, слава вам! Но северины, пролагающие путь святым вроде вас, святыми быть не могут, верить во что-то, выше их опекающее, не смеют — иначе смерть и им, и их делу!..

Так я копил силу, выявлял врагов и друзей, слепых исполнителей и владельцев мыслящих голов и пламенных сердец, на которых можно положиться в более серьёзном деле. Врагами с самого начала оказывались пресвитеры и диаконы. Это началось ещё в Астурисе. Вы оба чужаки здесь, а не будь нашего монастыря — куда бы вы пошли? Кто поделился бы с вами влиянием и доходами? Я же с самого начала претендовал не на часть, а на всё — на полноту власти над душами норикцев, а значит — над их телами и имуществом. Говорил, конечно, другое, но дела мои верно показали осколкам белого духовенства, что пришёл страшный конкурент и нужно с ним бороться. Заметьте — не «нужно понять, для чего он вступает с нами, пресвитерами, в борьбу», а — бороться, мешать, а если так выжить не удастся, то и уничтожить. Не люди, возглавляющие доверившихся им людей, а псы, испугавшиеся за содержимое своей кормушки — почти все были такие. Вы и подобные вам — крайняя редкость, сами знаете. Твой святой Валентин, Луцилл, до тебя дотянуться не смог бы, как свинья до неба, не случайно же паства то и дело его выгоняла.

...Хорошо ещё, что епископ Лавриака уже не владел положением, что в каждом городе я встречал не часть единой силы, а именно осколки. Однако вреда они принесли всё же немало и сил отняли несчётно. А силы и так уходили на пустяки. Я ведь не мог прогнать пришедшего за советом, с просьбой, просто даже с болтовнёй о путях к спасению души. Мало того, я сам же старался увеличить их число — ведь всё это были возможные новобранцы в моё войско, вестники со всех концов больной страны, сообщающие о ходе болезни.

Если бы не необходимость пустословия, не страшные потери времени, не опасность срастись с собственной маской и переродиться под её воздействием — а она была велика, эта опасность, я ловил себя на том, что думаю теми же словами и образами, которые были в произносимых мною речах... И сейчас моя речь, обращённая к вам, нуждающимся в голой истине, течёт не так свободно, как надо бы, она как бы взламывает лёд, и я вижу, что мог бы сказать лучше, яснее, точнее, а вот не получается, разучился...

А тут ещё прибавились дела ругов сверх норикских дел. Вы оба лучше знакомы с алеманнами и их соседями, вас я использовал на хорошо знакомом вам западе, а дела с ругами вёл сам. Судьба ругов должна быть теперь в поле вашего зрения на первом месте. Она горька. Этот народ воинов и земледельцев, а прежде и мореходов, рыбаков, охотников на морского зверя, в течение веков ухитрившийся сохранить доблесть, самопожертвование ради своих, и иные лучшие черты человеческие, достоин лучшей участи. Когда-то они, потомки пришедших к Свевскому морю⁵ кельтов, поселились по обе стороны от устья реки Виадуа⁶ и на прибрежных островах. Один из тех островов и сейчас зовётся Руген, Рюген или сходно с этими словами — смотря кто из нынешних обитателей тех мест его поминает. Кажется даже, что там ещё остались какие-то руги, даже наверняка остались — я об этом ещё скажу обязательно. Готы, покинув Скандзу, нанесли попавшимся на пути ругам такой удар, что большая часть народа бежала через леса и болота, ныне населённые венедами, а тогда — вандалами, бургундами и другими

⁵ Свевское море – Балтийское море.

⁶ Виадуа – нынешний Одер, по-латыни это значило «Двойная река», ибо в среднем и нижнем течении он делится на два рукава, разделяемые пойменным островом, в разлив затопляемым. Форсировавшие его весной бойцы Советской Армии говорили: «Два Днепра, а посредине При-пять».

кельтами и германцами, тоже кинувшимися спастись от готов и гепидов, и бежали эти племена к притокам Борисфена-Данапра, по его долине к степям Сарматии до самого Понта, причём не вместе бежали, а налетая друг на друга, становясь в том бегстве кровными врагами. Вот и вышло, что настигшие их у Понта готы разгромили их поодиночке и сделали своими данниками. Когда пришли гунны и разбили готов, ругам полегчало: гунны имели за спиной большую память о прошлом, у них была когда-то великая держава, они умели ценить союзников не меньше, чем боевых коней. Руги были им нужны, как противовес тем же готам, ослабленным, но не приведённым в ничтожество. И готы были нужны, и иные племена, и нужно было удерживать их в повиновении, чтобы ни одна из многих чаш державных весов не спустилась и не поднялась против гуннского желания. А ведь стоило гуннам зазеваться, как остготы напали на антов и разбили их... Как же было не держать ругов, имевших с готами старые счёты, в чести, как было не заботиться о них!..

Ваши дела теперь тоже вполне державного уровня, так что учтите сказанное только что лучше, чем учили это дети Атиллы.

Ведь когда умер Атилла, то его дети без согласия подвластных племён стали делить их по жребиям меж собой и довели их до поголовного восстания. Сами ли? Или кто-то с Запада, Востока или откуда-то ещё их подтолкнул? Или просто есть закон, по которому умного меняет на троне идиот, а тут вместо одного идиота нашлось множество недоумков-недодумков? Не знаю, но в будущем это не раз повторится. Думайте, учитывайте эту не разгаданную мною, но очень возможную насмешку судьбы... Готы и руги при Недао оказались в одном лагере — антигуннском. Но хотя готы в битве не прятались, всё же они сумели подставить ругов под основную тяжесть гуннского удара, несомненно сделав это умышленно.

И это, и подобное этому вам тоже, может быть, предстоит, так что спокойно и небрезгливо учитывайте. Но — с дальним взглядом в будущее, ибо если такое всплывёт — расплата неминуема. Готы были куда сильнее, чем когда-либо станете вы, но и им так или иначе придётся рассчитываться за прежнее. Я многого не сделал именно поэтому — сам бы расплатился, а вы можете и не управиться с расплатой... Пожалуй, торопитесь с расплатой сами, с опережением желания пострадавших рассчитаться с вами...

Я знал множество ругов, чьи тела были пробиты гуннскими стрелами и дротиками на берегах Недао. Они помнили, как готы и гепиды отбросили гуннов на ругов, а сами на помощь не пришли, благо врагов искать не приходилось — всё поле на милях вокруг было покрыто сражавшимися племенами... Эти, которые мне рассказывали, как шла битва, выжили, а сколько храбрецов тогда погибло! Они переламывали в своих ранах дротики и стрелы, чтобы не истечь кровью, когда их выдернешь, и кидались на гуннов в последнюю свою схватку, чтобы утащить за собой в смертную тьму побольше врагов родного племени. Их помнят и сейчас поимённо, но помнят и тех, кто в этом виноват. А как горели души ругов сразу после битвы, где победили вроде бы все союзники, а плоды победы достались лишь сохранившим силу! Руги же понесли тяжелейшие потери и не получили ничего. В таких случаях ярость народа обращается на допустивших такую беду вождей — и племя раскололось. Часть его ушла во Фракию, им дали земли где-то возле Маркианополя. А Флакцителей с оставшимися при нём захотел пройти в Италию и поискать счастья не в Византии, а в Гесперии. Стать федератами империи, получить для переселения землю с живущими на ней римлянами — это было возможно как раз ввиду страшного ослабления племени. На ругов в том состоянии можно было положиться, принять их. Потом племя бы окрепло и размножилось вне досягаемости для готов,

которых римляне постарались бы не пустить в Италию, помня об Аларихе, и зная, что готы о нём помнят.

Но готы, получив Паннонию и встав у ворот в Италию, не собирались ни усиливать её ругами, ни выпускать ослабленных, ограбленных, но именно потому и обречённых на ненависть и мщение ругов. Их следовало добить немедленно, а если уйдут в Италию... кто знает, не вырастет ли этот недорубленный лес? Ведь ещё жила слава Аэция, хотя жить ему оставалось недолго, ещё не было вандальского погрома, несравнимо тяжелейшего, чем последствия взятия Рима Аларихом. Руги могли перетянуть римскую чашу весов судьбы. И поэтому им была закрыта дорога в Италию и была начата облава на них, чтобы вырезать всех до последнего.

Последние — страшны! Я вот тоже из последних — и ещё не из самых страшных, а кое-кто из подвернувшихся мне под ноги уже исчез из этого мира. И вы теперь на моей тропе тоже очень опасны для кого-то. Учтите и это тоже...

Флакцтей метался по Паннонии, уворачивался, петляя — и вырвался на северный берег Данубия, повернув на запад, чтобы у Астуриса перебраться с севера в Норик и через ещё не закрытые альпийские перевалы пройти в Италию, а если они уже закрыты — переждать до весны в Норике или севернее его. Но готы разгадали его план, и вдруг на южном берегу — над Астурисом — взметнулось пламя. Не пройти...

Значит — идти на запад по северному берегу? Уткнулись в цепь горушек и холмов, полукругом охватывающих землю скамаров, — и получили от меня, только что управившегося в Комагенисе, не то что совет, а чуть ли не приказ именем Господа остановиться, сберечь силы, ибо сейчас, зимой, которая вся впереди, племя погибнет наверняка, войдя в зону, заселённую скамарами. Этот приказ-совет принёс Флакцтею один из моих паннонцев, а чуть позже пришли к нему разными путями вести о событиях в Комагенисе — и он зауважал меня уже за военный успех, увидел во мне именно военного союзника поначалу.

Ну, а я, едва узнав, где находятся руги, понял, что в Италию их готы всё равно не пустят — оба Норика открыты ударам из Паннонии меж протянувшихся параллельно Данубию хребтов, путь к перевалам будет перекрыт для племени неизбежно. Заодно и норикцев немало уничтожат... Значит, единственное место, где руги будут в относительной безопасности, это занимаемая скамарами территория против Фавианиса и Комагениса. Если руги одолеют скамаров, то здесь они отобьются от готов, чья закованная в железо конница не прорвёт горную защиту этого «поля», ей нужны широкие просторы паннонской степи для неотразимых ударов. Летом «скамарское поле», оно же нынешний Ругиланд, с юга прикрыто Данубием. Зимой, по гололёду на обдутых ветром склонах и через снежные заносы в проходах меж ними, тоже могут пройти немногие пешие, но не целое племя и не большое число тяжёлых конников, плюс угроза бескормицы для коней и бешеного сопротивления зажатых в угол людей.

Значит, если руги осядут в этом «скамарском раю», истребив или изгнав скамаров, то это место станет раем и для них. А если я смогу наладить с ними хорошие отношения, то они станут защитой и для прилегающей к Данубию с юга норикской части «поля». Конечно, мы окажемся слабейшими в этом союзе, а за слабость платят, но это уж неизбежное зло, которое я постараюсь уменьшить, а если с ними ещё торговать, то будут перекрыты даже материальные убытки...

Племя перезимовало на подступах к скамарскому гнезду, и весной двинулось вдоль северного берега, минуя главные горные преграды. Для нападающих — «горные»,

а так-то, если не зимой двигаться, и по спокойной местности, то вполне проходимо, но тут были иные обстоятельства, и холмики с горушками стали преградой непроходимейшей. Ведь зимой все попытки рогов провести разведку сорвались, а потом на них надели с севера и востока герулы, ставшие с тех пор постоянной угрозой и ругам, и норикцам. И поэтому, пройдя без боя вглубь скамарских владений, они вдруг подверглись целому ряду налётов из засады в неведомой местности, уподобившись оленю, затравленному разъярёнными осами, чьё гнездо он неосторожно раздавил. Скамары не давали им покоя ни днем, ни ночью; убивали, стреляя издали; захватывали пленных и перепродавали соседним племенам, которым ранее сбывали норикских римлян. Их потом выручать пришлось, платя из наших десятинных фондов. Кого смогли — выручили, но не все дожили... Ругам надо было перевести дыхание после неимоверно трудной зимы, вылечить раненых, пополнить запасы, как-то разведать путь через Норик. Учитывая время года — раннюю весну — это означало остановку примерно на год и распашку земли под посевы с нашей помощью (об этом уже было подсказано через моих агентов Флакцитею). А скамары их так зажали, что пришлось стоять с оружием у повозок с ранеными, женщинами и детьми, сжимая оружие и не зная, откуда ждать беду, теряя необходимейшее время из этого года. Для нас не менее необходимое, чем для рогов.

Бессилие в борьбе с невидимым, знающим местность врагом, который к тому же раздроблен на множество самостоятельных отрядов, действия которых в совокупности абсолютно непредсказуемы — это страшно! И без того настроение рогов было не праздничное, а теперь они чувствовали себя на краю гибели. И если бы я не узнал от своих людей среди скамаров, что несколько скамарских отрядов объединили усилия и что ближайшей ночью будет вестись охота на короля Флакцитея с устройством сразу трёх засад, то была бы сейчас не «страна рогов», а было бы «кладбище рогов», возможно — и норикских римлян тоже уже не было бы... Флакцитей с отборнейшими воинами племени метался между стоянками, ища невидимого врага. Он неминуемо угодил бы в расставленные сети. Но я успел предупредить его, и не руги, а соединённые силы скамаров были по частям уничтожены в ту ночь, после чего уцелевшие шайки были уже не так опасны, племя получило время и пространство для оседания, и в несколько лет руги прикончили последних скамаров, цеплявшихся за эту землю.

Из двух зол я выбрал меньшее, и оно обернулось добром: Флакцитей поверил в меня по-настоящему, не как в случайного союзника — такими союзниками при Недао ругам были готы, а чем тот союз кончился?! А тут он понял, что за моей спиной не беззащитные римляне Норика и их интересы, а могущество Господа, который почему-то (его не спросишь!) преклонил своё сердце к ругам, послав им Северина. Что из того, что я кафолик, а руги — ариане?! Флакцитей был воин, и верил в слово меньше, чем в дело, а я исцелил при первой встрече нескольких больных и ускорил выздоровление кое-кого из раненых. Как всегда, запретив об этом шуметь и тем самым обеспечив тихие шопоты, которые громче любого крика. Моя осведомлённость его тоже потрясла. Сообщение о том, что готы закрыли пути в Италию; обещание помощи со стороны римлян Комагениса и Фавианиса; сравнительно откровенное описание дел в обоих Нориках и Рэции с вычерчиванием на доске чертежа этих земель — всё это, впридачу к спасению народа от гибели только что, и к начавшемуся перелому в борьбе за своё место на этом чертеже, сделало меня и моих норикцев ценными союзниками, коих стоило охранять ради собственной выгоды, за которых стоило держаться...

Ещё в доримское время жил в Сицилии эллинский мудрец Эмпедокл, правитель одного из городов и в то же время один из величайших учёных того времени. Один из очень немногих, соединявших знания с властью на пользу людям. Среди многих его

деяний было перекрытие каменной стеной ущелья, откуда вырывался ветер, нёсший болезни жителям его города. Теперь я перекрыл оружием ругов горловину долины Данубия и закрыл ветру смерти из Паннонии дорогу к Комагенису и Фавианису. Возник оазис (как говорят в Аравии) тишины и спокойствия, к тому же богатый плодородными землями, возделыватели которых были выбиты гуннами и частично готами. Именно сюда можно было теперь стягивать людей со всего Норика, собирать их в кулак. Начинать следовало с дальнего запада — мечи алеманнов следовало оставить без жертв, а жертв там — вы-то оба об этом хорошо знаете — было много.

От всей Рэции остались за рубежом Норика лишь Квинтанис и Батавис, да и там не проходило месяца без набега алеманнов. Но начинать, конечно, пришлось с создания групп монахов, основания келеек и монастырей, подчинения влиятельных мирян и клириков. Вы оба тогда стали моими сподвижниками — я не стыжусь применить это слово, ибо наше общее дело есть несомненный подвиг — нечто, подвинувшее силу добра вперёд, а силу зла отодвинувшее назад. И мне незачем подробно вскрывать всю подноготную тогдашних дел своих.

Да, монастыри и келейки — только в Прибрежном Норике, чтобы не вступать в конфликт с епископами Внутреннего Норика и Рэции, хотя и не без вербовки в наши келейки кое-кого из обитателей этих диоцезов.

Да, создание десятинных фондов — везде.

Да — повсеместное создание тайной сети осведомителей и исполнителей — где только мог, до Константинополя даже несколько моих дошли, а об Италии и говорить нечего — там-то я знал, кого надо искать из людей отцова круга, не говоря о потянувшихся к объявившемуся в Норике святому людям из Медиолана⁷ и других североиталийских городов.

Да — чудеса и исцеления...

Чудеса я нарочно творил по описанным в священном писании образцам, от себя же старался не придумывать. Зачем мне было стремиться к оригинальности, если копирование в большей мере придавало мне ореол святого?.. Не вздрагивай, Луцилл! Дай мне последние свои часы говорить своим голосом, не произнося слова Бог или Писание с такой слезой и таким преклонением, словно сейчас растекусь по полу келейки! И сам привыкай так думать, вопреки привычке, хотя говорить тебе придётся по-прежнему...

Случались иной раз неожиданные препятствия. Так, умер в Квинтанисе пресвитер Сильвин, и правильно сделал, потому что был помехой моему делу. Но мне нужно было обезвредить и его преемников из белого духовенства, а отправить их вдогонку за ним я не мог, да к тому же нельзя было пренебрегать людьми грамотными, влиятельными, тем более что город был в зоне постоянных алеманнских налётов. Решил я совершить специально для преемников Сильвина чудо. Вместе со вторым пресвитером и диаконом я всю ночь пел у носилок с телом псалмы, потом отправил их передохнуть, да и сам хотел перевести дыхание перед свершением задуманного, — и вдруг ощутил, что в церкви кто-то есть помимо меня и зрителя. Дважды посылал я его на поиски и только на третий раз он обнаружил спрятавшуюся девушку — из тех, которые обречены на безбрачие посвятившими их богу идиотами-родителями. Я, как вы знаете, принимал в монастырь только мужчин. Женщинам место в миру — пусть рожают детей, рожают новые поколения...

⁷ Медиолан — нынешний Милан в Северной Италии.

«Рождают» звучит громче, чем «рожают»... Велика их роль в жизни и нельзя им от неё отказываться. Я отпускал им грехи, в крайнем случае заставлял поститься и молиться сверх обычного, но в монастырь не брал, и вам не советую, разве что самый крайний случай придёт для создания женской обители. Ещё раз напоминаю — в Норике куда больше «людей-углей», чем «людей-золы», ибо многие здесь родились от отборных мужчин — как римлян, так и варваров, как подобру, так и от насилия. И каждый норикский римлянин или каждая римлянка-норичанка подобны отборному зерну на поле человеческом, не то что очень многие потомки римлян в других местах. Мало беречь их от смерти, нужно ещё, чтобы они жили и порождали новую жизнь. Запомните это, новые вожди римлян Норика...

А эта девушка, наслышанная о моих чудесах, хотела тайно увидеть одно из них. И сама бы не увидела, и меня бы невольно разоблачила. Пришлось выставить её из церкви. Потом я пристроил её в сборщицы десятины среди женщин — дело это добровольное и очень трудоёмкое, семейным оно не всегда по плечу... А пресвитер и диакон вернулись, я довёл их до нужного состояния — уже умел это делать в считанные минуты, практика помогла, — и приступил к главному. Они с двумя привратниками стояли у самого гроба. И когда я внезапно сказал покойнику: «Во имя господа нашего Иисуса Христа, святой пресвитер Сильвин, говори с твоими братьями!» — незримые волны моей воли захлестнули их сознание, сковали тело, и они увидели, что покойник открыл глаза, и услышали, как он сказал, что на том свете лучше и чтобы я его больше не беспокоил. А потом он закрыл глаза и умер окончательно — для них. Но если бы та девушка, не замеченная и не изгнанная мною, смотрела из своего укрытия — она бы этого не увидела и не услышала — эти волны быстро гаснут, как круги на воде, теряют силу — до неё они бы не докатились...

Я вообще не стремился к слишком широкой огласке моих чудес — о них знали те, для кого я их устраивал, а вширь должна была распространяться уже только моя слава, а не подробности моих деяний — ведь враги и просто скептики следили за мной. Чем меньше они будут знакомы с подробностями моих действий, тем легче мне будет с ними бороться. А силы нужны для дела, а не для излишней для этого дела победы. Учтите это. И с предсказаниями то же самое. Вы знаете, что Одоакру я предсказал в Италии великое будущее и что он меня за это поистине боготворил. Но не ему одному я такое предсказал. Живые молчат и ждут своего часа, ибо огласить предсказанное — значит, лишит предсказание силы. А мёртвые молчат по другой причине...

Гораздо важнее чудес и исцелений та цель, средством достижения которой они были.

И к моменту падения верхних крепостей руги прочно осели против входа в долину Данубия, истребив или изгнав скамаров, взяв округу Фавианиса и Комагениса под защиту, перекрыв путь не только герулам и прочей мелочи, но даже готам, которые так и не сунулись тогда во избежание не стоящих добычи тяжёлых потерь. Алеманны на западе набегов не прекратили, но за выкуп несколько раз отпускали пленников. Вы помните, что однажды я даже сумел при личной встрече так подействовать на Гибульда, что он отпустил всех имевшихся пленников без выкупа. Власть его над соплеменниками куда больше, чем у того же Флакцителя или Февы — попробовали бы они так задеть права своих подданных! Костей бы не собрали. А ему сошло... Десятинные фонды не только помогали бедным или шли на выкуп пленников — как-то удалось откупиться ими и от осадивших Тибурнию готов — конечно, случай помог, что собранная Максимом десятина ещё не была отправлена ко мне, но и то, повторяю, важно, что Максим и другие вожаки в этой моей сети относятся к людям высшего качества и могут в трудную минуту решать сами, и

сами же могут выполнять своё решение, что это поистине люди из людей, не ради своих шкурных интересов, а ради ближних и дальних своих ношу на себя взваливающие.

А вот с монахами дело иное. Монастыри и келейки покрыли запад и восток Прибрежного Норика и все монахи слушались меня беспрекословно — кроме известного вам случая в Бойотро. Тот случай особо важен для меня — в нём таится угроза. Помните, я говорил, что цель моя — спасти римлян, ибо их опыт и знания выше, чем у варваров, и если они погибнут, то человечество обеднеет в несравненно большей степени. Погибнет память о пройденном пути и опасностях на нем. Но оказалось, что для спасения носителей памяти и разума нужно сначала выбить из них память и разум — иначе они не дадут себя спасти. Так бьют веслом по голове тонущего, прежде чем втащить его в лодку — иначе он может её перевернуть.

Пресвитеры в Астурисе были носителями разума, когда высмеивали меня и моё обращение к их пастве. Другое дело, что им следовало самим иметь агентов в Паннонии, которые сообщили бы им о движении ругов и готов, ибо город был порубежный и гроза на Недао гремела небывалая. Но то, что я их пастве говорил, действительно опровергалось с позиций разума. А спасти и их, и весь Норик я иначе не мог...

Во всяком случае, от монахов моих мне требовалось беспрекословное повиновение, слепая вера в меня. Эти же трое в Бойотро оказались умнее, смелее и упорнее, в десятичной цепи они были бы драгоценнейшими звеньями, а тут — они начали рассуждать, а открыться им я не мог. Ведь даже если бы один против тысячи поставить на то, что они не примут моего плана спасения норикцев — и это было бы непростительным риском.

Им самим — не спасти. Я — могу спасти только так. А спорить некогда, и огласка недопустима... Пришлось срочно плыть из Фавианиса с тремя братьями — точнее, с тремя палачами, чтобы изгонять из них Дьявола и притом не одними лишь молитвами и постом, и не только моим внушением. Сильные и достойные это были люди, а пришлось их ломать, стирать с их душ написанное на них жизнью. Потом-то именно они во время набега Гунимунда прикончили памятного вам нахала-пресвитера и подбросили в баптистерий той самой базилики⁸, из-за которой у меня с ними началось расхождение. Потом-то они сражались в первых рядах под Батависом и погибли как герои...

Но о чём они думали в последние мгновения жизни, ещё не увидев бегущих врагов?.. И я не переставал думать об этом случае никогда. Ведь после нас могут найтись, даже обязательно найдутся желающие вот так ломать несогласных с ними умных и сильных людей и будут при этом ссылаться на меня и на случай в Бойотро. Не я один так поступал, но мне это не оправдание. Так не рою ли я сам ту яму, куда когда-нибудь упадут спасаемые мной сейчас люди? Одна надежда — что тогда, в будущем, найдутся свои Северины, которые вступят в схватку с той грядущей бедой... Слабая, признаться, надежда — трудно быть Северином... Опять завещаю — старайтесь предугадать последствия любого своего нынешнего действия в будущем. Ибо любое нынешнее несомненное добро со временем станет злом. И наоборот тоже может случиться, так что не всякое нынешнее зло спешите уничтожить — вдруг оно когда-нибудь обернётся добром, вдруг нынешний враг станет союзником. Уничтожить — просто, а воскресить и я с моей подготовкой не могу... Подумайте о подготовке людей для будущего. У себя ли, у иных ли союзников своих. Ищите готовящих... Тайно!

⁸ Базилика — церковь при монастыре, в отличие от еkkлeзии — мирской церкви в городе или ином населённом пункте. Баптистерий — помещение в церкви, где совершаются обряды крещения.

Во Внутреннем Норике я перед самыми событиями смог провести на пост епископа Тибурнии верного мне Паулина. В Лавриаке же поначалу повезло, когда стал епископом Мамертин, но он быстро умер, и я подозреваю, что не без помощи своих заместителей. Их бы разогнать с этих постов стоило, но это тоже грозило осложнениями... Вот и не успел Мамертин уберечься. И я не успел вмешаться, как уже выбрали Констанция, эти мерзавцы знали своё дело... И остались Лавриак и Йовиако самыми слабыми звеньями в скованной мною цепи — не хватило времени и сил на их укрепление.

В этой зоне не было келеек и монастырей, даже десятинные мои сборщики были скованы, ибо лавриакское духовенство только что открытой войны против меня не вело, здесь лишь тайные мои агенты передавали вести с запада в Фавианис и — когда я оказался в верхних крепостях — сумели передать туда очень вовремя вести с востока. Зато неожиданно огромен оказался успех в Италии. Тут началось с паломничества к новоявленному святому, с переписки, но ведь даже если бы я сумел повлиять на императора и он пожелал бы обеспечить приём и наделение землёй десятков тысяч норикцев, то у меня не могло быть ни малейшей уверенности, что завтра этого императора не свергнут войска по приказу Рикимера, а позже Гундобада. А потом пойдёт очередная резня по всей Италии по поводу смены администрации, и повиснем мы в воздухе, ещё не научившись летать в итальянском небе.

А небеса над Италией — до самого седьмого — в руках папы и его окружения, и кому-кому, но такому вольному охотнику, как я, в них летать опасно, куда опаснее, чем в Норике. И тем, кто со мной, тоже опасно. Вот без меня, с одним моим светлым образом в памяти, но с повадками, угодными тамошним властителям небес — дело другое. Вам как раз и придётся такие полёты готовить... Так что и то, что сейчас происходит, на пользу дела — лучше я сам это скажу, чтобы вы не пугались этих слов, когда они придут вам в голову — не могут не придти!

К тому же переселяться-то мы бы смогли лишь после сосредоточения всех жителей хотя бы одной долины Данубия в округе Фавианиса-Комагениса под прикрытием ругов, а ругам нас выпускать было бы невыгодно, а готы всё ещё грозили ругам и нам — никак не совпадали все необходимые условия для переселения в Италию.

Даже сравнить не с чем такой разброс необходимостей, которые все до одной должны совпасть для успеха этого дела. Ведь даже сейчас, когда многое совпало, а прочее движется к совпадению, всё ещё остаются годы, потребные для полного совпадения. Годы, которых у меня уже нет... Как ни нелепо, но сейчас я вижу, что для спасения норикских римлян требовалось падение Римской империи, точнее — создание в Италии прочной власти, чего уже не мог ни один император.

А тут неоднократно битые и ограбленные готами их соседи в отчаянии объединились и попытались расквитаться с ними сразу за всё. И руги тоже послали своих воинов ломать готскую силу. Только кончилось всё это завалами из трупов на берегах Болии и окровавленными её водами, пробившимися через запруды из тел, хотя дрались союзники по коалиции яростно и дружно.

Ругам повезло больше других — хоть и молод был тогда Фердерух, но не случайно доверил ему Флакций вести воинов в такой бой, хотя мог бы найти воеводу поопытнее и старше. Не только потому, что сын... Он не потерял головы и вовремя понял, что творится на поле битвы... скорее — бойни, когда готская железная лавина истребляла союзников как раскалённое железо плавит снежный сугроб. А поняв, сумел с сотней отборных бойцов проложить путь к спасению всем ругам и кое-кому из их союзников. Пожалуй, тогда он и стал задумываться о судьбе своего народа, когда его заслуженно

назвали спасителем своих соратников, щитом и мечом своего народа признали... Только и я стал в мыслях своих всё чаще в его плоть облекаться, за него думать. До этого не приходилось, а тут стал он моей постоянной головной болью...

Готы после Болии наведались в земли всех своих противников и вырезали несчётные тысячи. Гибли не только роды и семьи — целые племена были фактически уничтожены, от них лишь осколки уцелели, вроде скиров, свавов Гунимунда, аланов Бевки и Бабая — тех через три года добил вернувшийся из заложников к отцу Теодерих... В другое время осколки эти дали бы большое пополнение скамарам, но сейчас в наших местах скамарам негде было бы собраться — их место было занято Ругиландом, и самим ругам становилось тесно, многие уходили в Италию ещё до Болии, а племя в целом — рискнуло ввязаться в коалицию против готов именно с расчётом на расширение территории в сторону Паннонии, чтобы разлиться западнее Норика и стать для обеих провинций тем, чем пока были только для двух городов. Ругская броня с норикской подпиткой — это было бы вполне возможно в случае разгрома готов.

Но вышло обратное, теперь руги тоже ждали прихода готов и своей гибели, а пока через их земли бежали от готских карателей чудом выжившие беглецы из земель недавних союзников. Флакцтей и я — оба мы ждали прихода готов, и оба знали, что это смерть для ругов и норикцев. Но он мог надеяться на Бога и на меня, а мне не на кого было надеяться. Я мог только следить за вестями из Паннонии и гадать — куда готы направят очередной удар. Я тянул с решительным ответом-пророчеством на вопросы Флакцтея, советовал ему думать о душе, о своём арианстве, которое де может привести его душу в ад, — самому себе был противен, а добрых вестей всё не было. Вместо них — сотни и тысячи беглецов из опустошённых готами земель шли через Ругиланд и Норик, увлекая за собой и кое-кого из ругов — сверх тех, которые ещё раньше в Италию перебрались.

Вот чего я не знаю со всей очевидностью — сами ли те руги в Италию шли за счастьем, или Флакцтей потихоньку из них готовил для себя троянского коня в Италии. Он мне крепко верил, как и я ему, но были такие дела у обоих, о которых мы друг другу сказать не могли, понимали это и не обижались. Племя росло. Ругиланд становился тесен, и избыток населения струйками, а не заметным для готов потоком, вливался в Италию. Но само ли собой это получилось, или же была в этом тайна королевской политики? Это важно для нас, но точного ответа у меня нет...

А пока что — беглецы с Болии были теми же скамарами, только вместо шаек, смотрящих лишь на возможную добычу, они становились единой ордой на службе империи, совершенно для этой орды чуждой. И империя сама их вооружала, объединяла, выдвигала из их среды таких атаманов, как Рикимер... Своих могильщиков... Бред какой-то, я сам себе не верил иной раз, но приходилось принимать и эту невероятную реальность и строить свои расчеты, опираясь на неё...

Многие беглецы сворачивали к моей келейке — получить на дорогу благословение святого, чья слава и до их племён дошла, а иных в Ругиланде надоумили. И я их благословлял, напутствовал, присматривался к ним, примечал сильных и умных и делал им особые предсказания в глубокой тайне, без свидетелей. И среди них оказался сын короля скиров Эдики — Одоакр, одетый тогда беднее многих, в потёртые шкуры. Но что одежда — просто он сам за собой следить ещё не привык, да и бегство после гибели его народа тоже учесть надо, он не в первых покинул землю племени, а в последних, немало перенёс, а лицо у этого великана было умное, и я видел, чувствовал, что он может далеко пойти, если дать ему веру в успех. Ведь скиры, уже добравшиеся до Италии, соберутся

вокруг сына своего короля, создадут в имперской армии скирскую партию, скирское землячество. И я предсказал ему успех, дав, конечно, ряд высоконравственных советов... Вы знаете, что он добился успеха не самыми нравственными путями, но чтобы выжить в том гадючьем клубке нужно было самому яд в зубах иметь. Как и я в своё золото нередко медь приплавлял — вы уже кое-что услышали сегодня... Но он верит, что это я обеспечил ему успех, так что земля Италии может нас принять сейчас, пока он у власти. Увы, мы как раз не можем сейчас уйти отсюда...

А после Болии всё шаталось на краю пропасти. Готы могли в любой момент придти, но если уж собирались нести потери, то не из-за пары приданубийских городов и голого чувства мести. И остготы эти, и вестготы были слишком сильны и по-своему, даже в убийствах, добродушны, не то что герулы или скамары, способные озвереть до полной потери человеческого облика — так нужно было им утвердиться в собственных глазах, как некой силе перед попавшими в их власть слабачками...

Все же прочие земли вокруг Паннонии были готами выжраны и выжжены, нужно было им искать себе другое поле для грабежей и славы. Я не выпускал их из внимания, мои разведчики держали руку на пульсе готского народа. Смешно, но в эти страшные дни я так погрузился в готские дела, так влезал в шкуры вождей и рядовых готов для выведения той линии, по которой они двинутся, что полюбил в какой-то мере этот могучий народ, как любят слона, хотя он в любой момент может не глядя раздавить любящего. И я узнал о разделении готов на две части и о намерении Видимера идти в Италию через Внутренний Норик и перевалы, а Тиудимера — на Византию. Тогда я впервые обратил внимание на его сына Теодериха, только что вернувшегося после долгого пребывания заложником в империи, и с тех пор мысленно не спускал с него взгляда... Я не замедлил порадовать Флакцителя вестью, что мои молитвы отвели готов от Ругиланда. Нет, я прямо не сказал об этом, но меня хорошо учили когда-то риторике: сумел довести его до убеждения, что всё вышло именно благодаря мне.

И в Италию своим корреспондентам послал весть о начале движения готов — не гибнуть же им было под готскими ударами, отразить которые империя явно была не в силах в ту пору, пусть хоть заранее поразмыслят и подготовятся. А всю нашу братию потряс предсказанием, что недоставленная к нам вовремя десятина из Тибурнии так и не придёт никогда, ибо пойдёт на откуп от готов. Знал, что те не смогут уйти от входа во Внутренний Норик, не ограбив его на прощанье, ведь столько лет воздерживались! Я знал Максима — он действительно не уклонился от самостоятельного решения и в решающий момент передал всё накопленное епископу, тем толкнув его на добавление из своих запасов, а в сумме этого хватило...

Но есть в событиях во Внутреннем Норике во время вторжения тех готов, которых вёл в Италию Видимер, некая тайна, которую я так и не разгадал. Да, жители Тибурнии сумели задержать Видимера под своими стенами и вступить с ним в переговоры не как трусы, а как достойный и сильный противник. И откупиться смогли с достойным видом. Но ведь эти десять с лишним тысяч воинов, а с ними втрое-вчетверо членов их семей нужно было задержать до закрытия снегами альпийских перевалов, а потом и до открытия их весной. За это время Видимер просто обязан был вытоптать и выжрать всю провинцию, чтобы не уморить своих. А не сделал этого, хотя упрекать его в миролюбии и добродушии просто невозможно — он вёл своих из Паннонии в Италию, а Тиудимер оттуда же на ромейскую империю именно ради грабежей и убийств. И в Италии это знали — кстати, и при моём участии в передаче этих вестей. Но что-то наитайнейшее, мне неведомое, вдруг возникло. Откуда-то взялись запасы, скормленные готам, откуда-то пришла к Видимеру такая тайная угроза, что он повёл себя тише воды и ниже травы. А

когда он весной двинулся через перевалы — его не встретила готовая с осени военная сила, но зато от нового императора Гликерия явились столь убедительные посланцы, что готы ограничились получением подарков и без малейшего нарушения мира проследовали к вестготам в Тулузу. К тем вестготам, с которыми на Каталаунских полях друг друга уничтожали. Ведь там им первое место не светило. А Гесперия уже не была для них столь опасна, чтобы они так себя повели... И ещё — тот, кто с той неведомой силой соприкоснулся — старик Видимер — ещё в Италии умер, а дальше повёл их его сын, тоже Видимер, явно чем-то или кем-то доведённый до вынужденного временного смирения... Я и сам умел делать своё дело в тайне, в том числе и в Италии имел уже своих людей, но никто мне так и не объяснил за эти десять лет, что именно тогда произошло. Возникла на какой-то срок неведомая сила из небытия — и опять в то небытие ушла, растворилась бесследно... Не возникнет ли она вновь по той или иной причине? Имейте в виду такую возможность, надейтесь на неё, но только как на нежданную радость, не более. И не вздумайте сами такую силу там создавать — составляющие её силёнки побольше всей вашей силы окажутся. Держитесь на безопасном расстоянии...

Для нас разгром на Болии в конце концов обернулся выгодой: почти не понёсшие там потерь руги всё же не могли надеяться только на свою силу, пришлось им надеяться на норикских римлян ещё и как на военных союзников. Мы готовились к битве насмерть и копили оружие, чего в другое время нам бы руги не разрешили. Ушли готы — и руги остались сильнейшими среди битых готами соседей. Ни у кого больше не было такой природной крепости, никто не имел таких союзников-данников, таких партнёров по торговле, такого святого Северина в советчиках. Эти соседи понесли тройной урон: в битве, от карателей и в виде беглецов в Италию и не только в неё. А руги уцелели. Но выгода останется при них только если они не будут нас слишком прижимать: можем взбунтоваться, уйти, а это сразу ослабит племя и к тому же навлечёт добавочно гнев Божий из-за меня, попутно с норикцами обиженного. Флакцтей это отлично понимал и держался союза с нами не из одного почтения ко мне, но и как политик и вождь своего народа. Но он вскоре умер, и королём стал его старший сын Фелетей или Фева. То, что мы все зовём короля, взрослого, мужа, вождя и воина ласковым именем, которое употребляла его мать, имеет два значения. Да, он приятен для всех, кроме прямых врагов, как ребёнок для матери, но не очень-то повзрослел с детских лет. Бородатый ребёнок, даже не юноша... Мудрено ли, что в самом начале его самостоятельного правления едва не приключилась беда. Королева Гизо, как и положено, ещё более молодая, по молодости и непривычке к власти такого уровня, злоупотребляла ею. По её приказу руги схватили на нашем берегу нескольких ремесленников, увезли в Ругиланд как рабов, и впридачу насильно перекрестили в арианство. Только взаимной вспышки религиозного фанатизма нам с ругами нехватало! Я ведь и язычников в твоём Кукуллисе, Марциан, не стал насильно крестить — сами потом крестились, и стали лучшими христианами, чем их крещёные в младенчестве соседи, хотя их-то было так мало, что вроде бы можно было к радости многих допустить такое насилие над их душами. А Гизо я по-человечески понимаю: молодая, красивая, муж любит и слушается, королевой стала, причём не в каком-нибудь захудалом, а сильнейшем среди соседей племенном королевстве — как тут голове не закружиться, как хоть какую-то глупость не сотворить! Вот и сотворила — чуть не развела такой огонь, что крови могло не хватить для его гашения. Но тут маленький их сын Фредерик забежал в помещение ювелирной мастерской во дворце, а мастера там были из рабов-варваров. Эти для своих господ куда опаснее, чем римские потомственные рабы. Они схватили озорника-семилетку, и сказали, что убьют его, если их не отпустят на волю. Но покойный Флакцтей недаром свой дворец возвёл как раз против моей келейки — только Данубий переплыть. И не случайно среди слуг во дворце были верные мне

люди — среди составленных только для вас списков вы найдёте и их имена — живых, чтобы продолжать взаимно необходимое общение с ними, мёртвых, чтобы обязательно поминать их, и в молитвах, и в общении с живыми...

Так вот, пока Гизо рвала на себе волосы и одежды, пока кричала, что это я её своими молитвами наказал, выпросив у Господа такую беду в отместку на её дерзость, я уже всё знал, приплыть даже не потребовалось по случаю зимы, просто по льду пришёл, и сразу к бунтарям прошёл — стража пропустила без звука. А от них — к Феве. В итоге эти рабы получили свободу, римляне вернулись к своим семьям и я лично перекрестил их опять в кафоликов, Гизо получила сына и смирилась передо мной, а Фева научился слушать сперва меня, а уж потом жену — и присматривать за ней. Вот уж чего никогда не было в моей жизни, так это любви к женщине — сначала учился, потом странствия и вечный поиск знаний, потом вперемешку с ними война и кровь, потом нынешнее моё дело... Но как-то набрался я попутно понимания самых разных сторон жизни, в том числе и о любви, о супружестве, о детях. Книги? Или по искорке накопившиеся в памяти и незаметно для меня самого перебранные разумом искры, обжигавшие мне душу порознь не слишком сильно, вдруг слились в ровное, греющее и меня, и всех вокруг меня пламя? Или и то, и то. Но стал я таким знатоком этой стороны жизни человеческой, что немало семей от моего вмешательства из земного ада в более пригодную местность перебрались, а кое-кто и в рай, где меж супругами такая гармония, что они об одном мечтают — умереть в один час. Так вышло и тут — вскоре Фева и Гизо уже совместно решили и вместе ко мне пришли — попросили стать вторым духовником Фредерика, сверх имеющегося арианского священника, мужа достойнейшего во многих отношениях. Скоро вам понадобится его помощь — сумеете же соблюсти такт. Мальчик стал уже юношей, он чист, умен, отважен, предан мне и будет предан моей памяти, но всё же он наследник короля, будущий вождь народа. И ещё очень любит Фердеруха — первого воина ругов. А Фердерух так и остался вне моего влияния — он из тех, на кого не действует «сэтэп-са», благо хоть, что сам им не владеет. Скоро вы с ним столкнётесь — после сегодняшнего моего с ним нелёгкого разговора я в этом убеждён абсолютно. Поэтому слушайте и запоминайте особенно крепко. Он младший сын Флакцителя, младший брат Февы. У варваров с такими не всегда дела обстоят благополучно — распри за трон, за власть. Да разве у одних варваров?.. Но Фердерух не таков. Он прежде всего воин — меч и щит своего народа. Его чтят не только за отвагу и непобедимость — для него ведь и разгром на Болии обернулся победой, для одного из всех с разгромленной стороны, — но и за малые потери возглавляемых им отрядов, за то, что выводит своих воинов из самых смертельных ловушек. Бог войны? Марс? Нет! Человек высочайшего уровня. Одно нас с ним разделяет: для него лишь руги — свои. Прочие же все — не руги, не свои, а потому они лишь тогда могут продолжить своё земное существование, если так или иначе не оказались на пути у ругов. И не мне его за это упрекать — за ним нет великого Римского Мира, где было возможно проникнуться и более широким пониманием жизни. Он опоздал родиться — ему бы в доримские времена жить, когда кельты чувствовали себя неким единством, а он родился в оторванной даже от бывшей родины пылинке, окружённой более крупными и сплошь инородными песчинками, камешками и глыбами. Ему бы быть новым Верцингеторигсом, в Аттилы он никак не годится, а выпало куда меньше, чем он мог бы сделать. И потому он и не сможет сделать того, что задумал, хотя со своей стороны задумал безупречно. Его сторона меньше моей, хотя и мне в иное время иной размах деяний выпал бы...

Слава обязывает. Он ещё после Болии почувствовал резко, отчётливо, беспощадно, что отныне он отвечает за весь свой народ ничуть не в меньшей степени, чем

престарелый отец. Вернее, быстро состарившийся от бед и тревог, скоро уже сдающий земные дела Феве, а Фева мыслями не богат, и станет моим умом думать. И понял он также, что Ругиланд не только крепость, но и ловушка. Рано или поздно придёт такая сила — не может не придти к этому проходному двору меж западом и востоком, что оборона ругов будет сокрушена. Значит, надо уйти. Куда? Какое-то время, полагаю, готовился рывок в Италию — ведь избыток населения незаметно для готов сбрасывался в отряды федератов. Но сейчас Одоакр называет себя «королём торкилингов и ругов» — тех, которые в Италии стали второй по величине и важности «составляющей» его сборной силы. И именно он для них король: ведь это от него они получили землю, и только он им её гарантирует. Но это значит и то, что Одоакру ни Фева с Фредериком, ни Фердерух не нужны. Он примет порознь пришельцев из Ругиланда, но не примет народ в целом, тем более во главе с династией. Хотя он иной раз зовёт себя «королём племён», но у него под рукой не племена (руги — исключение, причём неполное), а прямо противоположный вид организации — орда. Она ещё не стала ни новым народом, ни даже государством — её вождь возглавляет италийское государство, унаследованный от Рима аппарат, опираясь на силу орды, кормя её за счёт государства, выделяя ей земли... А Фердеруху нужно спасать своё племя, именно племя, а не отдельных ругов, хотя бы и множество отдельных ругов... Куда же идти кроме Италии? Прорубиться по долине Данубия на запад сквозь алеманнов и тюрингов и выйти под копыта вестготов или топоры франков? Или идти на восток — к сородичам возле Маркианополя, которые сейчас находятся в зоне действий остготов Теодериха? Вряд ли от тех фракийских ругов много уцелело, а если и уцелело, то неужели готы после Недао дадут ругам слиться вновь воедино? Но готы, вырвавшие у империи права федератов не внешних, а внутренних, оказались слишком сильны и опасны. Империя, как я узнал от своих агентов, начинает их толкать на Италию, чтобы они и Одоакр взаимно ослабили друг друга, а лучше, чтобы одна из этих сил погибла, а уцелевшего империя добьёт либо окончательно усмирит...

Значит, ни на юг, ни на запад, ни на восток ругам пути нет. Один путь — на север, в Богемию и оттуда по реке Виадуа, а живущие в её среднем течении венеды зовут её Одрой, спуститься к древней родине ругов — к побережью Свевского моря. Встретят ли они там сородичей или те уже намертво смешались с венедами — не знаю я и скорее всего не знает Фердерух. Но может и знать — тут у него больше возможностей, чем у меня. И главное — если даже там не осталось ругов, помнящих, что они руги, всё равно иного спасения для наших ругов нет, и он попытается увести ругов туда. На землю предков... Как — я слышал не раз — время от времени в Палестину пытаются вернуться и вопреки всему заново её заселить изгнанные оттуда и разбросанные по всей Ойкумене евреи. Их вновь изгоняют, их убивают, а они вновь и вновь туда стремятся... Но как ему оторвать племя от нагретых гнёзд в Ругиланде, от римских данников в Норике, от меня — и памяти обо мне, наконец? Мы с ним давно ведём незримую схватку, и я уверен, что могу предсказать его действия. Сразу после моей смерти он попытается порвать связь ругов с нами, а для этого ударит по монастырю, не отступит перед его разграблением. Римляне тогда схватятся за оружие, он зальёт их вспышку кровью, наберёт рабов-ремесленников, оберёт остальных до нитки, а тогда ругам останется одно — уходить от ставших врагами римлян и от всех выгод и опасностей пребывания в Ругиланде. План умный и верный — для них, но он не учитывает, что я об этом сам уже не раз думал с тех пор, как началось возвышение Фердеруха в глазах ругов и выявилось его несогласие с Февой по вопросам будущего. Возможно, я ещё раньше Фердеруха додумался до такого плана, ибо мне приходится перебрать все возможные варианты, все повороты судеб народов, находящихся сейчас в поле моего зрения и даже тех неведомых, которые могут появиться позже. Я сам постарался протоптать для Фердеруха тропу, по которой он

должен двинуться. И поэтому я уверен: он потерпит неудачу, а это равносильно гибели. Слишком много тайных ловушек для него расставлено мною в земле ругов. Вам нужно лишь сдержать возмущение римлян, не дать повода для нападения на всех норикцев. Пусть хватает всё в монастыре — кроме списков агентов и кроме реликвий святых, которые вы должны успеть спрятать любой ценой. Любой! Наверняка! Те, кому вверены документация монастыря и реликвии, не раз и не два проводили по моему тайному приказу учебные тревоги, подобно солдатам в гарнизонах. Как спасать, как самим уцелеть... Есть такие тайники, что не найти их Фердеруху и его дружинникам, а ваше дело — успеть передать хранителям всё, подлежащее сохранению. Сгори монастырь дотла — в этих тайниках всё уцелеет... Пусть Фева поймёт это как покушение на его власть — этим займются мои люди из его окружения. Пусть Фредерик и все, кого через меня Господь оделил различными милостями, поймут это как кощунство, сумасшествие, как возможный повод к пролитию гнева Божьего на ругов и всю их землю. Только Фердерух и я, из пользующихся влиянием в Ругиланде, видим спасение для ругов в уходе на север. Но мне это не нужно — руги должны оберегать нас до последнего, пока в Норик не придёт Одоакр. Страшный выбор, но иного для нас нет. Самим, как союзникам, уйти с ними — перестать быть самими собой, какие мы сейчас. Не смогут люди — даже со мной не смогли бы... А Фердерух — зрячий среди слепых, и они его уничтожат, не поняв, что он хочет их спасти. Его любят, но не понимают, решат, что утратил разум, взбесился. А бешеных собак, как бы ни были они прежде верны и любимы, убивают...

Оставим Фердеруха... Вы помните, как безуспешно уговаривал я жителей Квинтаниса и Батависа покинуть свои города и уйти сюда — под защиту ругов. Они меня чтили — точь в точь как руги чтят Фердеруха — как полезную в хозяйстве скотину, как корову, доящуюся полезными чудесами, но уходить не хотели. Помнишь, Луцилл, наглеца-пресвитера в Батависе, оскорбившего меня в баптистерии⁹ при свидетелях? Что с того, что я предсказал ему смерть, и при набеге Гунимунда наши люди из Бойотро с ним тайно разделались и подкинули труп в тот баптистерий? Всё равно никто не хотел покидать родину: «отбивались раньше, отоब्ёмся и теперь — с нами Бог и святой Северин...» А вот послушать этого святого — не хотели. Почти четверть века бился я над исполнением задуманного, и поистине только чудом успел: только-только стал Паулин епископом в Тибурнии, меньше года прошло с усмирения монахов в Бойотро, не так уж много времени прошло с укрепления моего влияния на Феву и Гизо... А в Лавриаке и Йовиако ещё не было у меня силы — там не выстояли келейки в борьбе за души пресвитеровской паствы против как пресвитеров, так и самой этой паствы, обитавшей в самом безопасном месте долины, и потому думавшей лишь о своём благополучии и спокойствии. Здесь меня призывали разве что для молений об урожае, а на исцеление везли своих больных ко мне в Фавианис. Сами? Или им было так присоветовано Констанцием и его людьми, чтобы эхо от исцелений быстрее гасло? Может, я и виноват, что не преуспел здесь, но и сейчас не уверен, что — повторись всё сейчас — я сумел бы сделать больше после неожиданной смерти Мамертина. Тогда нашлись в Фавианисе простаки, предложившие мне стать епископом в Фавианисе в противовес Констанцию в Лавриаке. Если бы я это предложение принял — ничего сверх затрат сил на грызню с лавриакским белым духовенством не было бы. С уже показавшим себя в голом виде белым духовенством... Отказался, ускорив составление монастырского устава. Нет, в Лавриаке я проиграл, в Йовиако не успел выиграть, а Норик заплатил за это кровью...

Одоакр, успевший за четыре года стать предводителем всех федератов Италии, убивает Ореста, свергает его сына, ликвидирует империю. Узнав это, я и радуюсь — ведь

⁹ Баптистерий — помещение, где производится обряд крещения.

теперь у власти стоит обязанный мне человек, и огорчаюсь за римлян — это ведь конец Рима, ему уже не встать. Город Рим ещё может стать столицей какого-нибудь государства, но оно не будет римским. Римскому Миру конец, а вы знаете теперь, кто мои предки и что было делом их жизней из поколения в поколение. Голос крови звучит во мне и поныне, хотя я и не даю ему звучать слишком громко, так что мне в те дни было не очень весело... Но сверх того я опасался, что все стервятники мира — и варвары, и ромеи Византии — набросятся на труп павшей империи, прежде чем Одоакр сможет навести свой порядок и овладеть римским наследством, так что надежда моя окажется ложной. А к тому же Норик, оторванный от Востока, поневоле тяготел к Гесперии и теперь исчезла даже та призрачная защита, которая могла хоть отпугнуть варваров. И верно: в сентябре пала империя, а уже через месяц был тот набег Гунимунда на Батавис. Племя Гунимунда было так выбито готами, что по численности приблизилось к скамарской шайке. В подметённой готами Паннонии добычи для него не было, в подзащитные ругам норикские земли он соваться не смел, у соседей-герулов костей бы своих не собрал: в этом племени средний по качествам воин опасней бешеной собаки, таково их поведение даже внутри собственного народа, а уж соседям, тем же лангобардам, одарившим нас некогда скамарами, тоже не тихонями, от них так худо, что хуже некуда. Спасибо ругам, Фердеруху спасибо, что к нам герулов не допускают... Вот и рискнул Гунимунд, вокруг Ругиланда с севера всеми силами рванул, и с тыла, через Бойотро, стен не имеющий, и через открытые ворота к мосту через Инн — ворвался в Батавис. Охрана его оттуда не ждала, враги всегда грозили Батавису с алеманнского запада. А жители, к счастью, были на жатве, вне города. Погибла лишь охрана, да того наглеца наши из Бойотро под шумок прикончили и в баптистерий подкинули. Но батависцы всё равно не хотели уходить, хотя я сразу туда кинулся — их уговаривать. Урожай-то уцелел, а что город был разграблен, так возместили бы потери — не было в долине Данубия людей дружнее и трудолюбивее, чем в Батависе. Но пример Гунимунда уже соблазнил герулов, и они пошли по его дороге, только теперь им не было смысла идти в Батавис, Их должен был притянуть нетронутый Иовиако. Я и сейчас, братья, горжусь работой моих людей: сидя на крайнем западе, в Батависе, я получил весть о герулах раньше, чем они добрались до Иовиако, и успел направить туда одного за другим двух гонцов. Прикиньте — герулы ведь спешили, им нужно было вернуться с добычей до того, как дожди и снег сделают непроходимыми горные тропы южной Богемии, ведущие в обход Ругиланда. Ни первый мой гонец — певчий Модерат, вы его знаете, ни второй мой посланец не добились успеха. Ни к обороне никто готовиться не стал, ни к бегству. То, что пресвитер Максимиан не стал по моему совету искать хоть собственного спасения, раз уж людей спасать не желает, было бы достойно человека, не желающего бросить свою паству в беде. Но он именно не поверил, а обязан ведь был, даже не веря мне, принять меры предосторожности. И это уже не вина, а преступление. Ведь в Иовиако было достаточно судов, чтобы хоть уплыть на них всем городом, если даже не оборонять его. Там прежде была база Данубийской флотилии, жители сроднились с рекой... Не поверили, а пришла беда — даже не пытались отбиваться — я видел пожарище, трупы, дико изувеченные, поистине по-герульски, видел повешенного на воротах церкви Максимиана, но нигде не видел следов боя. Они погибли после ухода Модерата менее чем через сутки...

Так лопнула цепь городов в долине Данубия, так Квинтанис и Батавис оказались отрезаны от нижнего Норика пепелищем. Но и тогда их жители не захотели даже говорить об оставлении городов, а ведь алеманны уже узнали о Гунимунде и герулах, об их успехе. И сменили тактику. Они выжгли и вытоптали поднявшуюся озимь на полях Рэции, обогнули оба города и по долинам Инна и Зальцаха ворвались во Внутренний Норик. Я успел предупредить Паулина, а тот поднял тревогу по всему диоцезу, и все жители до

единого укрылись за стены. Ни одна крепость не пострадала — их и не собирались трогать, но урон сельскому населению был нанесён такой, что о помощи Квинтанису и Батавису хлебом и людьми нечего было и думать — десятинных фондов и епископских запасов хватило бы кое-как для римлян Внутреннего Норика до близкого урожая яровых, не на вывоз. А люди были обречены на восстановление разрушенных строений, иначе зимой им пришлось бы труднее трудного... Теперь населению верхних крепостей пришлось покидать их не по своей воле и не с должной подготовкой: алеманны нависли над ними всей своей силой, настигли в Батависе отступивших туда квинтанисцев и вынудили нас к бою.

Это было первое сражение, в котором мне пришлось командовать такой силой. В юношеских скитаниях был бойцом-одиночкой, потом в ряде схваток рядовым бойцом, пару раз возглавлял случайные отряды не более сотни человек. Тут же пришлось брать на себя всю ответственность за исход сражения. Но я был не один. Со мной были вы и все братья из монастырей и келеек прилегавшей части Норика, люди из десятинных фондов, все мои здешние тайные агенты, все, кто так или иначе признал меня своим вождём. Вместе взятые, мы оказались единственной организованной силой и составили скелет, распределивший и связавший мускулы обеих городских общин, и жилы, передающие приказы от мозга и кровь от сердца. А мозгом был я. Все эти годы я знал, что без крови и битв не обойдётся. И я следил за всеми вооружёнными столкновениями в радиусе сотен миль, расспрашивал очевидцев и участников. И вспоминал прочитанное о битвах былых веков.

Я следил за приёмами ведения боя у разных варварских племён. Вы тоже знаете, что готы таранят врага ударом копьеносных, закованных в железо и на бронированных же конях сидящих богатырей. На Болии они таким ударом стёрли в прах и в кровь своих противников. Руги полагаются на мечи и луки, франки на двулезвийные топоры-франциски, герулы бьются на манер ругов, но у них до сих пор немало бойцов-дикарей, не знающих строя и дисциплины, вламывающихся в строй с дубинами и топорами... Я предугадал, что алеманны в данном случае должны положиться на атаку конницы с последующим натиском более слабой у них пехоты...

Я следил и за каждым нашим уцелевшим гарнизоном, за судьбой покинувших казармы солдат. В Батависе гарнизон оказался самым стойким, дольше всех продержался. И жалованья уже давно не получали, а службу несли. Перед самым падением империи они послали ходоков в Италию за жалованьем, но те у самого города напоролись на алеманнов и были перебиты. Я тогда был в Батависе и лично напутствовал двоих из этих ходоков, советовал им, к кому в Италии обратиться, Одоакра между прочим назвал. Видимо, когда одному из тех двоих пришла пред смертью в голову мысль, что как же так, что Северин же о смерти не говорил, давал для жизни советы, он воззвал ко мне так яростно и гневно, что я почувал вдруг чей-то призыв, беду почувал, поднял тревогу, бросился к реке, а она уже трупы несла. Помнишь, Марциан, как два года назад ты с Ренатом чуть не угодил в руки тех же алеманнов на пути в Тибурнию? Гораздо дальше от меня было, но я услышал твой мысленный призыв... Но я отвлёкся — речь шла о солдатах из Батависа. Гарнизон хоть и распался после этого, но почти все солдаты остались в городе, занялись ремеслом и сельским трудом, а в случае набега врагов по старой памяти собирались в кулак. Были среди них несколько моих людей, светлая им память, все легли в той битве, они стягивали товарищей как магнит гвозди — я же сам таких отбирал все эти годы...

Вот вокруг них, опытных и умелых воинов, для битвы рождённых и дождавшихся своего часа — немногим так везёт в жизни, — собралось в те дни ополчение обоих

городов. Я обещал всем ополченцам победу именем Бога, но корни нашей победы — земные. От необходимости покинуть навсегда свою родину люди пришли в такую ярость, что готовы были зубами грызть вражьи глотки. Их не только не пугала, но даже манила смерть рядом с родным кладбищем, где похоронены родичи на десятки поколений вглубь. Было ядро из опытных воинов, и был у всех — жителей приграничья, не раз отражавших набеги тех же алеманнов, видевших их кровь и отступление, — боевой опыт. Были за нашими спинами женщины и дети. Была организация — мы. Был единый вождь — я. И было в тот момент абсолютное доверие ко мне — и абсолютное поэтому повиновение. Как же нам было в этот день не победить?! Вспомните этот встречный бой, когда наша пехота, дождавшись моего сигнала, дотерпев, не сорвавшись до срока, несколькими самостоятельными колоннами устремилась бегом навстречу алеманнской коннице, сжав зубы, чтобы сила криком не изошла, чтобы всю силу для врага оставить. Уже этот бег с копьями наперевес и без потери строя (колонна для этого больше всего подходит, там задние не дадут переднему отстать, все слиты в одно громадное тело) заставил алеманнских коней остановиться, не слушая понукания хозяев — ведь коням в тот день не светила впереди добыча и власть над побеждёнными, а навстречу бежала смерть, это и конь поймёт, особенно боевой, выученный уму-разуму...

А потом потерявшая разбег и сбившаяся в кучу конница была опрокинута в начавшейся резне, в бегстве топтала свою пехоту, валилась в овраги, загоняемая туда; уносилась — кто уцелел — очертя голову, бросая пехоту на полное истребление. Для вас это было новое чудо святого Северина, когда алеманны до самого Лавриака не посмели на нас напасть, на отходивших после победы, а я знал, что не чудо это, что Гибульда напугали потери. Он понял, что рискует судьбой племени, ибо приближались заключившие с ним союз тюринги — а что если они соблазнятся внезапной слабостью союзников? И потому он не посмел ни одной стычки затеять, без боя проводил нас до самого Лавриака. Кто знает — не последний ли это был бой Римского Мира, его последних воинов, перед окончательным уходом в небытие? Что же, дошедшим до Фавианиса стыдиться нечего...

Но — не все дошли. Отметьте в памяти: мне верили беспрекословно лишь в миг смертельной опасности. Стоило нам разбить алеманнов — и часть беженцев откололась и решила остаться. И вы знаете, что уже через неделю с северного берега Данубия переправились тюринги и часть оставшихся перебили, часть увели в рабство. Последнее время к нам стали оттуда прорываться беглецы — те, кому нечего терять, кто может рискнуть головой. Но сотни, если не тысячи римлян остались под алеманнами и тюрингами и обречены погибнуть или раствориться среди них. Так будет и здесь, когда настанет время исхода. Боритесь против таких настроений до начала событий, и опасайтесь ослабления повиновения после удач, но в разгар событий не тратьте на отколовшихся лишних сил — оставьте их для верной паствы. Судьба же отколовшихся будет примером для других, для уцелевших, для повиновавшихся. Если вы знаете, что ваше дело — правое, для паствы полезное и необходимое — вы вправе решать судьбы сотен и даже тысяч неповинующихся бестрепетно и сурово. Ведь вам и в Италии надо сохранять власть над душами норикцев — иначе они попадут во власть куда худшим пастырям. Где бы они ни оказались, они должны сами, добровольно признавать вас своими руководителями, вождями, просить у вас совета в трудную минуту, следовать этому совету и получать помощь в подобных случаях, а это требует высокого доверия. Поэтому сами не принимайте жестоких мер, и других по мере сил от этого удерживайте, но если уж возникает такая необходимость — старайтесь делать это в тайне от всех. Отсюда — нужда в поистине верных исполнителях, не слепо, а сознательно выполняющих

своё дело. Такие есть всегда — те, кто готов сам погибнуть для доброго дела, но и врага не пощадит. Лишь бы вы оправдали их надежды... Но не принуждение, а добрая воля должны укреплять единство людей, идущих вместе по краю пропасти. Пропать же эта ныне и через Италию пролегла на неведомый мне срок вперёд. И принуждённые насилием могут не выдержать, сами погибнут и других погубят в решительный момент. Лучше без них...

И вот все беженцы из крепостей и селений верхнего Данубия собрались в Лавриаке, и мы сразу оттеснили епископа Констанция и его прихлебателей. Их это не радовало, и я опасался, что они спровоцируют раздоры, тем более что Лавриак, лежащий вне зоны ругской защиты, тоже был обречён на оставление его жителями. Очень хотелось передавить и Констанция, и его свору руками беженцев, но приходилось даже в этот момент притворяться лисой, не показывать волчьих зубов, которые при одной лишь мысли об этой двуногой дряни вырастали в моём сжатом рту. Я и по сей день ни разу не поговорил с ними открыто, не пригрозил от имени Бога или от имени братства. Сами постепенно поумнели и затаились. Но после моего ухода могут поднять голову. Вот тогда вы, сильные не близостью богу, а стоящей за вами силой, сможете призвать их к порядку. Но опять-таки помните: вам ещё в Италии с ними и им подобными иметь дело, вам нужно заботиться о своей доброй славе в глазах итальянского белого и чёрного духовенства, в том числе и папы тоже, а ведь он на всё смотрит глазами тех, кому положено поставлять ему сведения, а они в свою очередь зависят от тех, кто для них собирает данные, да и сами далеко не ангелы. Поэтому будьте осторожны и ищите всегда возможность уклониться от открытого боя — среди обоих духовенств в Италии есть немало таких «верующих», что хуже всякого неверующего — уж я-то на них насмотрелся за свою жизнь, которая теперь у вас перед глазами...

А в Лавриаке я опять пустил в ход совместные моления, покаяния и раздачу милостыни. Десятинных фондов не хватало на всех, хотя Максим с товарищами пробился по медвежьему следу через заснеженные перевалы из Тибурнии и доставил одежду. Пришлось наложить руку на городские склады, на имущество церкви. Особенно плохо было с маслом. Пришлось устроить очередное чудо — смесь чуда Христа с пятью хлебами и чуда пророка Елисея с маслом. Вначале я раздавал масло бедным и многодетным, сосуды с маслом незаметно подносили, подменяя опустевшие, а Пиентиссим в толпе ждал условного знака, что масло подходит к концу и нужно с предельным простодушием восхититься свершающимся на глазах чудом и тем самым прекратить его действие. Правда, его могли разорвать, но я сразу же поручил его суду Иисуса и тем вывел из-под удара. А беднейшие успели получить масло... Лишнее чудо, лишние поклонники, но всё висело в воздухе, всё колебалось, а алеманны и тюринги всё не подходили, хотя я знал, что они объединились для удара по Лавриаку. Откуда знал? Были у меня несколько человек среди алеманнов. Несколько... Из них трое погибли под Батависом в той свалке, что возникла при первом столкновении. Я видел их среди выложенных рядами алеманнских трупов, которые были потом захоронены по алеманнскому обычаю. Кое-кто было запротестовал, но ему объяснили, что иначе нам придётся расплачиваться куда страшнее, чем при простых набегах и даже в войне... Друг о друге мои алеманны не знали, поэтому выжившие полагали, что их спасла при разгроме милость Божия по просьбе святого Северина. И сообщить мне сумели — через отпущенных ими, якобы от них сбежавших римлян-пленников. А потом связь с ними оборвалась... Я позаботился об уничтожении всего, что могло послужить укрытием, пищей, кормом для коней вне города, хотя и здесь нашёлся упрямец — заметьте себе — из богачей, и не спрятал своё стадо в городе. Боялся, что мы его съедим, а дал пищу врагу. Поздняя осень и начало

зимы — не самое лучшее время для осады большого города, когда всё вокруг опустошено и выжжено. Они не могли долго стоять под стенами — стали бы падать кони. Значит, рассуждал я, они должны решить всё дело внезапным штурмом, лучше всего ночным, когда защитники спят и может возникнуть паника... Но их всё не было. Я слал своих разведчиков, горожане — своих, но никто ничего не мог узнать, а это было и по моему авторитету — это и Констанций и его присные использовали втихомолку. Верно говорили предки — кого хочет наказать Юпитер — того лишает разума. Ненависть вперемешку со страхом в их душах укоренилась прочно, ждите от них пакостей в любое, самое для них самих гибельное время. Хоть на прощание, да постараются укусить... Только на исходе четвёртого дня один из вернейших моих агентов сообщил, что обнаружил врагов и что они готовят лестницы. Значит, они хотят одним броском приблизиться к городу ночью, с ходу приставить лестницы и перемахнуть через стены, не дав страже опомниться, а потом открыть ворота — и придёт их возмездие за разгром под Батависом. Опять пришлось убедить горожан и Констанция, что Бог известил меня о приближении беды и что всем боеспособным следует эту ночь провести на стенах, а если я солгал — пусть побьют меня камнями...

...Да если бы я был на месте Констанция и пришёл бы ко мне этот зануда и наглец Северин с такой вестью — немедленно поднял бы я всех своих, чтобы и наша доля была в кровавой жатве, чтобы голос наш не был жалким писком рядом с могучим басом проливавших кровь свою за нас всех. И ещё для того, чтобы нанести алеманнам с тюрингами такие потери, после которых они от Лавриака откатятся, и не придётся нам уходить с североинновцами под защиту рогов и под правление Северина. Остались бы форпостом на том берегу Эннса, имели бы вес в соотношении сил рогов и норикцев и потому я, Констанций, мог бы с Северином тягаться и впредь... А этот, прости Господи, епископ... Тьфу!

Но и я мечтал нанести врагу такой урон, чтобы немногие ушли — это на годы сняло бы с запада угрозу остатку Норика, сделало бы ненужным присутствие ругских, точнее — фердеруховских дружинников на нашем берегу, придало бы нам всем, норикам, в глазах рогов добавочный вес, что никак не помешало бы. И потому, с немалым трудом убедив лавриакцев, я бесшумно расставил на стенах тысячи людей. Но помешала глупая случайность. Один из носильщиков, поднимавших на стены груз камней, сбил прикреплённый изнутри факел на единственный бывший под самой стеной стог сена. Один стог был на весь город, на который можно было сбить единственный пригодный для этого факел — и факел был сбит, и стог загорелся. Сидевшие до того тихо горе-защитники загомонили по всему периметру стен и тем показали врагам, что их ждёт горячая встреча. Те поняли, что штурм сорван, а осада была невозможна. Поэтому они бросили тут же в лесу приготовленные лестницы (мы их утром в лесу нашли) и спокойно ушли на запад у нас на глазах, не опасаясь вылазки, угнав то самое стадо. Хоть за это спасибо — Бог наказал неверившего мне, в поучение всем прочим. Да и самый их уход тоже был признан совершённым через меня Божьим чудом. И когда пришла весть, что Фева с большим войском перешёл по льду Данубия и идёт берегом к Лавриаку — все до единого только на меня надеялись и мне подчинились. Фева шёл на алеманнов и тюрингов — отбивать у них новые тысячи данников, а самих отбросить от подвластного ему куска Прибрежного Норика. Мы все тоже стремились в подзащитные ругам земли, так что наши земные интересы в чём-то совпадали, а это уже позволило убедить Феву, что ему не следует гнать беженцев как скот, а надо дать им возможность свободно идти к Фавианису, только прикрывая нас. Это спасло немало жизней, не создало нежелательного озлобления, а то ведь простые воины всех народов, оказавшись хозяевами чужих жизней,

способны звереть без всякого повода... Хорошо ещё, что этот поход возглавил Фева, а не Фердерух. Тот заранее понял, что боя не будет, а Северин с Февой пусть сами договариваются, а на себя взял защиту с малыми силами герульского порубежья. Какая же он умница... И как жаль, что этой голове уже недолго думать о благе своего народа — не голова, чистое золото, только вот — не на моём счету оно лежит... Не на нашем...

Теперь всё население долины Данубия собрано в одном месте, подчиняется мне и возглавляется нашим братством. И в Италии нас примут, пока у власти Одоакр, давший мне уже в том обещание через верных людей. Но вот беда — руги не отпустят своих данников, а им туда прежде желанный путь закрыт при Одоакре: Феве не сойтись с «королём торкилингов и ругов». И висит над нами меч Фердеруха — если ему удастся задуманное, нам конец. Кого он не перебьёт — добьют после его ухода с племенем на север герулы, алеманны и тюринги, которые кинутся в образовавшийся разрыв в силовой цепи. А после нас начнут истреблять друг друга — как было после распада гуннской державы, как было всегда и везде. Но это уже их трудности...

Сейчас Фердерух возглавляет заставы ругов на нашем берегу, прикрывает от тех же герулов, алеманнов и тюрингов, а заодно и от Одоакра. Что это необходимо — вы знаете, сами сталкивались с алеманнскими отрядами на ведущих в Тибурнию тропах. Совсем недавно его воины отразили набег алеманнов из-за Эннса. Но это означает, что мы фактически в его руках. Он нас не ненавидит, он просто слишком сильно любит ругов. И для спасения их он, не задумываясь, зальёт кровью последний римский очаг в долине Данубия. Ещё раз повторяю: я сделал всё возможное, чтобы он погиб после выступления против нас. От вас требуется лишь выдержка — поистине ослиная, даже больше, чем ослиное долготерпение. Требуется проповедь всепрощения величайшего — до самой большой нелепости в этом смысле, но чтобы ни один кулак не сжался, ни один меч не поднялся.

Стерпеть!!! Во что бы то ни стало!!! И — чтобы сберечь списки, книги, реликвии!!! Они для вас обоих — оружие, без которого дела не сделаете, своих не спасёте... Реликвии я собирал много лет. Вы знаете, что реликвии Гервасия и Протасия доставлены из Медиолана, хотя и не знаете подоплёки этого. В переписке с влиятельными медиоланцами я указывал, что Норик стал поистине последним островком уходящего под воду подобно Атлантиде Римского Мира — благодаря покровительству Господа, конечно, но что ведь и смертным, осиянным верой Христовой, тоже следовало бы помочь норикам в их тяжёлой борьбе. И после падения империи последние римские патриоты в Медиолане решили подкрепить норикских братьев-римлян небесным оружием — реликвиями святых. Сходна история доставки реликвий Иоанна Крестителя. Но самой ценной из реликвий, точнее — целыми мощами, будет мой прах. Вот уже девятый день я ничего не ем, пью лишь немного воды с мёдом, да и раньше не раз и не два устраивал посты недельные и сорокадневные специально для подготовки к похоронам. Во мне нечему гнить. Могилу выроете на условленном месте — на продуваемой ветром и потому бесснежной и промёрзшей вершине. Грунт там подходящий для задуманного. От дождевой воды прикроете мой гроб куполом из заготовленной заранее глины. В могилу незаметно подбросьте замёрзших благовоний, отгоняющих тлетворную заразу. Это, кстати, при вскрытии могилы даст приятный аромат, здесь неизвестный. Последний мой покров, самый гроб — всё уже готово, окурено, пропитано благовониями. Когда придёт время — вскроете могилу, и надеюсь, что найдёте в ней достаточно целый для выдачи за нетленные мощи труп. И сохранить его будет возможно при надлежащем уходе, окуливании, смене пропитанных благовониями покровов. Не было мне покоя при жизни, пусть не будет и после смерти. Для нашего дела не жалко. Если бы я даже верил, что на

том свете за самоубийство мне вечно гореть в адском пламени — отдал бы и душу, не то что прах бесчувственный... Реликвии и мои мощи станут для вас магнитами, притягивающими души паствы, даже средством для свершения кое-каких чудес и исцелений могут стать. В конце концов я видел немало реликвий, лечащих зубную или головную боль, действительно лечащих. Значит, из меня тоже может выйти посмертное лекарство, скажем, от истерических параличей — я такую женщину как-то вылечил. Время такое, что многие заболевают не от заразы, а от перегрузки души несчастьями. Такие болезни могут быть исцелены искренней верой в возможность чуда — ровно как и напущены на человека, что совсем недавно произошло на ваших глазах с нарывом на руке Урса. Я этот нарыв навёл, я его и свёл, а фактически он возник благодаря вере Урса в мои слова. Он и умер бы, предскажи я ему это. Следовало кое-кого этим чудом подхлестнуть...

Что же ждёт вас, остающихся? Не знаю. Могу лишь догадываться. Готы, как бы миролюбиво ни относились они к империи сейчас, ибо получают больше выгод у неё на службе, чем во вражде с нею, слишком опасны для неё. Иногда я думаю — почему Теодерих, в бытность заложником десять лет видевший империю изнутри, не стал ни лютым её врагом, как стойкий варвар, ни покорным рабом, каким хотели его сделать ромеи? Видимо, он для своего народа то же, что Фердерух для ругов, а мы с вами для норикских римлян. И он не хочет тратить силы своего народа понапрасну, а ищет ему посильное дело, ищет путь к спасению, а это требует прежде всего терпения.

Империя после уничтожения рода Аспаров стала неуязвимой для готов — она может понести урон, но в итоге всё же одолеет. И Теодерих ищет другую добычу, а империи выгодно, чтобы этой добычей стала Италия. Кто бы ни осилил — Одоакр или Теодерих — империя от этого выиграет, ибо одной угрозой станет меньше, а вторая ослабеет. Но и готы могут надеяться на выгоду в этом походе — Италия всё ещё сказочно богатая для завоевателя страна, к тому же защищённая от врагов с трёх сторон морем и с четвёртой — горами. Войти в неё, стать её хозяином, а там и империя будет не так уж страшна, если сумеешь наладить отношения с италийцами. Теодериху это легче, чем Одоакру — он не только носитель силы, но и мыслитель, если я не ошибаюсь в нём. Легче, но — возможно ли это вообще? Тот не допрыгнул до вершины на три шага, этот — на шаг, но ведь надо допрыгнуть... Видимо, он надеется допрыгнуть, хотя ещё и не начался поход его народа в Италию. Но он выступит! И главные битвы прогремят, конечно, на венецкой равнине и в долине Падуса¹⁰.

Но ругов готы в тылу не могут оставить. Они будут просто вынуждены или предварительно их уничтожить, или подчинить и погнать на Одоакра, отвлекая его силы на север, к Альпам. Это понимают все руги, не один Фердерух. И не случайно он согласился на брак Фредерика с девушкой из племени Малых Готов, свойственницей Теодериха, согласился с этим намерением Февы и Гизо, хотя обычно мыслит вразрез с ними. Один Фредерик не понимал, прибежал ко мне жаловаться, пришлось ему кое-что растолковать. Фердерух ещё не знает своей судьбы, но мы с вами её знаем. Он исчезнет, и рухнет его план. И останется ругам невесёлый выбор: быть уничтоженными Теодерихом, не надеясь на помощь Одоакра, или идти с готами на Одоакра, как ходили с ними на гуннов при Недао, получая раны и трупы, но не награды. И если они не захотят ни того, ни другого, то может возникнуть надежда решить всё одним броском до прихода готов: кинуться на Одоакра, понадеявшись на соплеменников в его орде, победить, закрепиться в Италии и встретить готов на её пороге не зажатым в каменной ловушке

¹⁰ Падус — нынешняя река По в Северной Италии.

зверем, а во главе владеющих ныне Италией и потому не склонных отдавать её готам разноплемённых варваров. Орда Одоакра ещё не сложилась, она может и преобразоваться в союз племён или землячеств, а во главе будут руги — Фева, Гизо, Фредерик. Когда кругом кольцо огня, иной раз бросок сквозь пламя спасителен... И именно этот вариант должен предусмотреть Одоакр. И должен — если не поглупеет — первым напасть на ругов, пока не подошли готы. Но разбить ругов — это открыть для тех же герулов и алеманнов ворота в оставшуюся часть Прибрежного Норика, да и Внутренний окажется под ударом не только из Паннонии, не только по долине Зальцаха, где Паулин с Максимом сумели создать оборону, вооружить и обеспечить жалованьем и снабжением отряды добровольцев, дать им командирами опытных бойцов, но и по тем тропам, где тебя, Марциан, с Ренатом, чуть не накрыли алеманны, где Максим с друзьями к Лавриаку сквозь снежные заносы одежду нёс. А ведь Одоакр не сможет держать в Норике большие силы: они будут ему нужны на венетской равнине и в северной Италии, да и имперских десантов с моря и высадки вандальских пиратов, которые не могут не сунуться в страну, где главные силы связаны сильнейшим врагом на другой границе, тоже следует опасаться и хоть какие-то силы против них держать. Значит, он будет вынужден очистить по крайней мере Прибрежный Норик, а это как раз нужно и нам. Сейчас Фева не отпустит своих данников в Италию, а когда его не станет — скорее всего не станет именно его, а не Одоакра, — то с уходящими в Италию победоносными войсками Одоакра должны уйти и все римляне из долины Данубия. И тогда придёт время выкопать из могилы мощи святого Северина, стянуть к этой святыне и другим реликвиям сердца и тела римлян Норика...

Одоакр меня помнит: я это знаю, и вы тоже знаете. Если вы сможете незаметно для ругов оказать ему кое-какие услуги в грядущей схватке, то память обо мне поможет вам покинуть Норик без потерь и получить в Италии земли для поселения. Старайтесь получить их где-либо в районе Неаполя, в равном удалении от вандалов, готов и ромеев, или даже в нескольких местах, сохраняя связь между ними.

Я не знаю, чем кончится схватка готов и Одоакра. Когда кто-то из них победит, то не будет ли эта победа Пирровой? За спиной Одоакра вестготы и бургунды, а их поджигают франки, за морем вандалы, за готами Теодериха — ромеи, а на севере десятки известных и неизвестных племён — от герулов и лангобардов до венеков и антов, болгар и морденсов, за которыми тоже кто-то есть в той дали, откуда пришли гунны. И не придут ли новые гунны, пусть совсем другой крови и языка, из северных лесов и восточных степей? Когда иссякнет сила и порыв этих племён? Когда они осядут, наконец? Ведь только тогда смогут поднять головы втоптанные ныне в землю римляне — не те, кто создавал Римский Мир, а те, кто был им порождён, как заговорившие по-латыни кельты Норика, ныне зовущие себя римлянами, норикцами. Ибо не в крови и даже не в самом языке дело, а в том, что именно унаследовал ты от давших кровь и что — от давших язык, а особенно — от давших твоё нынешнее понимание жизни, твоё отношение ко всему на свете. Выживут ли к тому времени наши потомки, сколько их будет, и будут ли они звать себя римлянами, будут ли хоть отчасти на нас нынешних походить? Не вижу ответа через толщу времени из тьмы грядущего. Знаю лишь, что срединная Италия сейчас — безопаснейшее место из всех возможных для нас. Но если кафолики-италийцы вздумают ударить в спину арианам-варварам, всё равно — Одоакру или готам, или кому-то третьему, то Италия наверняка станет местом такой резни, какой ещё не бывало. Постарайтесь удержать свою паству от религиозных распрей — именем и заветами святого Северина действуйте, хоть в этом хочется посмертно утвердиться — в нелюбви к любым раздорам с инокровными, иноязычными, иноверными. А то кому-то взбредёт в

голову объявить меня врагом ариан или монофизитов и с именем моим крушить им черепа. Если у нас хранятся моими стараниями добытые реликвии, то и меня разобрать на них могут. Ну, как кто-то мой палец в рукоять своего меча вложит, чтобы меч надёжнее рубил? А кого он будет рубить, этот меч?..

Так что помните всегда: главное, чтобы люди жили, и по возможности жили по-человечески. Об остальном они сами позаботятся, а это — ваша и ваших преемников вечная забота... А Феве и Гизо или Одоакру вы сейчас не задолжали ничего: я передал Одоакру через его послов, что спокойная жизнь, отведённая ему Господом, подходит к концу. Даже срок назвал. Полагаю, что к тому времени готы уже дозреют до похода на Италию, вряд ли я ошибаюсь больше чем на год. И Фева с женой сегодня от меня услышали, что прежде Бог их берёт через меня, а теперь пусть сами смотрят. Оно и лучше — когда Фердерух возьмётся за вас, то Фева вынужден будет сам решать — как поступить, помня об этих моих словах. Если вы сумеете спасти их от какой-нибудь малой беды — хорошо, но от главной не спасёте, даже поможете ей бить наверняка. Они всё равно обречены. Фредерик может, даже должен выжить, а родители его уже определились в этом волчьем мире некоей силой, притягивают к себе злобу и опасения соседей, а силы рогов недостаточны для успеха. Единственный их спаситель — Фердерух — должен погибнуть в ближайшем будущем. Был бы я Богом — позаботился бы и о ругах тоже, как и о всех людях Ойкумены. Но я всего лишь человек, силы мои иссякли полностью, и даже сгорев дотла подобно свече, даже свой прах и свою посмертную репутацию отдав делу своему, я всё-таки могу подготовить лишь спасение римлян Норика от ближайшей опасности, не ведая их будущего... Время моё истекает, до полуночи около часа. Если вы хотите что-нибудь сказать или спросить — говорите. Если нет слов после услышанного — не обижусь, ибо вижу и знаю, что от нашего дела вы не отступитесь...

Северин умолкает. В келейке повисает молчание. Проходят нескончаемые мгновения — не меньше минуты, вечность в таких случаях, прежде чем Луцилл негромко говорит:

— Ты прав. Учитель. Мы не отступимся. Мы слушали тебя и, я думаю, что вправе сказать и за Марциана, — увидели большой подвиг, чем можно было предположить. Да будет праведным судьёй твоей душе Всевышний — ты делал поистине Божье, святое дело, и я не могу ещё осознать, как можно было изо дня в день вести такую борьбу, не видя для себя впереди ничего кроме мрака небытия. Нет ничего более достойного, чем отдать жизнь за ближних своих, и пусть будет спокойно сердце твоё — мы с Марцианом не бросим тебе ни малейшего упрёка. Другое волнует меня — ты уже задел эту проблему. Что будет после нас с ныне спасаемыми тобой и нами? Как распорядятся люди твоей памятью? Ведь даже именем Христовым творятся дела страшные и недостойные. Сможем ли мы удержать паству нашу в сердце кафолической догмы — в Италии — от того, чего так боишься ты сам, несравнимо мудрейший и сильнейший перед нами? Не станет ли целебный яд деяний твоих страшной отравой в недобрых руках или — ещё страшнее — в руках тех, чьими благими намерениями вымощена дорога в преисподнюю — вроде блаженного Августина, например?

— Ты попал в больное место, Луцилл. Я сам избирал свой путь — быть лишь навозом на поле человеческом, лишь содействовать росту растений на нём. Но злаки или плевелы вырастут на унавоженном моею нелёгкой жизнью поле — это уже зависит от других Северинов и Фердерухов, Луциллов и Марцианов, тех же Августинов и Сидониев Аполлинариев. Согласитесь, что Августин не только посеял в будущее гибельные семена, но и пример огненного, неистового поиска истины оставил, не говоря о том, что вызвало оплакивание его смерти всеми римлянами Африки, не одного Гиппона. Ищите Северинов,

помогайте им — не только среди римлян, но и среди варваров, тех же ругов, и готов даже, — и мы передадим свой огонь в будущее, даже если о нас начисто забудут или вспомнят о нас лишь недоброе. А то, что моим именем ещё попробуют отбивать у людей разум, гнать их на смерть, нести им боль и горе, — это почти несомненно. Но иного выхода у меня не было. Я сделал всё что смог, сражался тем оружием, которое смог найти или выковать. Пусть другие сделают больше и найдут лучшее оружие. Рано или поздно народы осядут и смогут заняться своей судьбой — каждый для себя. И всегда будут в этих народах свои Северины, и всегда будут они выковывать своё собственное оружие — я уверен, что люди моей породы будут всегда, как и вашей тоже — если я их теперь вижу, если в прошлом их немало обнаружил, то значит это, что людям суждено всё же выжить. Вот — смогут ли не по кругу пойти, а, скажем, по восходящей спирали — не знаю, но хочу этого. И если для этого нужно, чтобы кто-то из наших преемников сокрушил мои мощи и память о «муже Божьем, апостоле Норика» — пусть так и будет.

Ну что же, ещё раз напоминаю о необходимости спасти записи, реликвии и, по возможности, книги. Не откладывая проверьте тайники, обсудите с их хранителями все возможности, найдите исполнителей и подготовьте их. А сейчас пора в монастырь — сказать братьям последнюю проповедь и вознестись во славу Господа и по зову его в райские сады... Интересно всё-таки — что же именно я увижу вскорости? Мне довелось вытаскивать почти что из небытия нескольких больных, меня поразило, что у двух — в Киренаике и в Сирии — сохранились одинаковые воспоминания о том, что они увидели уже за порогом жизни, до того, как я их вытащил назад. Это их слова о сладостности испытанного «там» вложил я в уста якобы ожившего пресвитера Сильвина. Но вам меня назад не вытащить, поделиться опытом не смогу. Но если ждёт вечная тьма и полный распад сознания — пусть будет так... Я мог бы и сам дойти до монастыря, но нельзя — вам придётся вести меня под руки — для вас это важно. Не будь метели — можно бы вызвать носилки, но сейчас смешно получится, а не величественно, когда метель вздует мне пузырьком власяницу и накидает под неё снега... Тоже была проблема — всю жизнь в одной власянице, а ведь стирать надо, чтобы не завонять, как многие праведники-аскеты смердели в пустынях Востока... Ну, этим опытом делиться не стану, но советую учитывать и такие детали наперёд, что-то задумывая...

Прощайте, братья по общему делу, пусть не покинут вас разум и отвага, верность и надежда, силы и удача... Она вам очень нужна, а вашим преемникам — того более. Позаботьтесь об их подготовке... Больше нам не доведётся уже сказать друг другу ни слова, ибо за нами будут следить уже при выходе отсюда...

ГЛАВА 4

ПОСЛЕДНИЙ ВЫХОД ВЕЛИКОГО АКТЁРА

Многое учёл Северин, возводя церковь-«базилику» при своём монастыре (мирские церкви тогда «экклезиями» звались), но что стольких свидетелей его ухода из этого мира ей придётся вместить — не предвидел. В эту ночь она буквально трещала. Не только все монахи северинова братства, но и все местные и многие прибывшие из Внутреннего Норика и — через него — из Ювао и Кукуллиса в долине Зальцаха пресвитеры и диаконы, бывший епископ Лавриака Констанций со своим окружением, многие активисты десятинной сети, просто видные горожане, ряд знатных ругов и несколько бедных и незнатных стояли так плотно, что пришлось оставить двери открытыми, чтобы удушье не валило еле переводивших дыхание людей. Разные это были люди.

Был здесь и Максим из Тибурнии, в дни обороны Лавриака пробившийся туда с группой товарищей через заснеженные перевалы, неся позарез нужную беженцам одежду, сшитую знаменитыми норикскими мастерами, некогда славившимися на всю империю, а ныне выделившими в десятину лучшую свою продукцию. Сбившись с пути, готовились они уже смерть принять, но — как твердо уверовал Максим, вообще-то излишним суевериям не подверженный — молитва праведника, издавна его оценившего и за ним несомненно издали следившего, совершила чудо: вылезший по какой-то причине из берлоги и обречённый на голодную смерть медведь-шатун проковылял у них на виду в сторону людских жилищ, откуда вьюга донесла до него лакомые запахи, а они все были под ветром, и их не учуял зверь. По медвежьему следу выбрались они на верный путь, а мишка свернул к ближайшему жилью и там, как узнал впоследствии Северин, а Максим так и не узнал, вломился в хлев и был прикончен хозяевами. Десятина дошла до беженцев вовремя, Северину было приписано ещё одно чудо...

Был здесь Ренат, не раз ходивший с Марцианом и другими по дорогам и тропам обоих Нориков и прилегающих земель с тайными заданиями Северина...

Были те, которые в Батависе во время налёта Гунимунда выполняли с отчаянной дерзостью приговор над оскорбившим Северина пресвитером, не все, часть погибла в бою с алеманнами, но кое-кто выжил...

Были вожаки ополченцев из Батависа и Квинтаниса, во главе своих соратников опрокинувшие алеманнов во встречном бою и потом не положившие оружие до прихода сюда...

Был Урс — по слову святого возникла на его руке язва и по истечении указанного срока исчезла бесследно, а с нею исчезли вдруг возникшие у него тайные колебания, замеченные Северином...

Был Боноз — никто уже не помнил, из какого он варварского племени. В числе первых не-римских пациентов, жаждущих исцеления, пришёл он к Северину. Слабело его зрение, а для воина и охотника это смерть. Много мог Северин, а здесь он был бессилен. И потому внушил он Бонозу, что нужно пренебречь телесным зрением ради внутреннего, душевного, а это удобнее всего сделать в монастыре, отказавшись от соблазнов мирской

жизни. Так появился в братстве первый монах-варвар, и оказался он истинной находкой — молился с жаром, постился с радостью, искреннейше верил во всю душеспасительную галиматью, которую приходилось нести Северину, сам проповедовал в меру умения своего, снимая с Северина часть нагрузки. Лучшей рекламы делу «апостола Норика», чем этот обращённый дикарь, трудно было представить. Золотая душа была у Боноза; сам того не зная, принёс он немалую пользу многим малым делам Северина, а тем самым и главному его делу, а потому заслуживает он доброго слова и сейчас, через полторы тысячи лет...

И был среди этих различнейших людей совсем ещё молодой послушник Евгиппий — беженец из Рэции. Он не знал тогда и не узнал никогда истины об Учителе, но в тот момент он смотрел и слушал, намертво запоминая то, что позже, став преемником Луцилла и Марциана, опишет в «Житии святого Северина». Меньший по молодости ростом, он был пропущен вперёд, и лицо его было в поле зрения Луцилла и Марциана, иными глазами смотревших теперь на всё и на всех. И не тогда ли решилась его судьба? Ведь им уже сейчас нужно было думать о подготовке преемников...

...С каждым часом ожидания нарастало напряжение, так что, когда появился в самую полночь Северин, аудитория была поистине «готова». С трудом дождавшийся полночи дежурный ударил в било и поспешил со своего поста — сегодня это было разрешено. И двадцать девять лет игравший главную роль на норикской сцене актёр начал свой последний в земной жизни монолог. Мы знаем слово в слово сказанное им тогда. И нам, слышавшим его исповедь, нужно сейчас услышать эту речь, ибо не для пустого сотрясения воздуха она говорилась, а ради дела, не обрываемого смертью.

«Дети мои во Христе любимейшие, вы знаете, что блаженный Иаков, когда он должен был уйти из жизни человеческой и смерть уже приближалась, приказал придти своим сыновьям, наградил каждого словами пророческого благословения и открыл сокровеннейшие тайны грядущего. Мы же, слабые и равнодушные, и такой набожностью не обладающие, не отваживаемся с нашими силами взять эту привилегию, но, что единственно приличествует смирению, не умолчу я, отсылая вас к примеру предков, вере которых вы, взирая на конец их жизни, подражаете. Ибо призванный Господом Авраам с верой повиновался приказу выступить в предназначенное ему в обладание место и выступил, не зная, куда придёт...»

...Быстро обмениваются взглядами Луцилл и Марциан. Только что несколько часов подряд открывал им этот человек «сокровеннейшие тайны грядущего». И сейчас он даёт им последний урок — урок лицемерия, снова облегчая им тяжкий труд в будущем:

подобно Аврааму должны без сомнений и вопросов покинуть последнюю пядь родины норикцы, когда придёт час...

...«Итак, подражайте вере этого блаженного патриарха, подражайте святости, презирайте земное, всегда ищите небесное отечество. Ибо я вижу, что вы умножаете мою радость жаром своих душ, любите справедливость, почитаете узы братской дружбы, ведёте целомудренную жизнь, соблюдаете правила смирения; это я, насколько может судить человек, хвалю и одобряю»...

...Насколько может судить человек... — бьёт как молотом в сознание Луцилла и Марциана. — Оговариваться каждый раз, вечно ссылаться на волю Божью, которая... да вот об этом-то и говорит он далее...

...«Но молитесь, чтобы считаемое достойным на человеческий взгляд было подтверждено решением Вечного Суда, ибо Господь смотрит не так, как смотрит человек. Ибо он, как гласит Священное Писание, проникает во все сердца и предшествует всем мыслям»...

...Да, не случайно учитель не только отрицательно относится к блаженному Августину с его учением о предопределении, противоречащем учению о свободной воле. Есть несомненная ересь в этих мыслях бывшего манихея из Гиппона, но, видимо, для такого дела, как наше, эти мысли больше подходят...

...«Итак, неустанно молясь, надейтесь на то, что Господь осветит глаза души вашей и откроет их, как молил блаженный Елисей, чтобы вы могли узнать, сколь великой помощью святых вы окружены, сколь великая помощь приготовлена верующим. Ибо Господь наш снисходит к смиренно просящим.

Да не отсутствует со стороны воинов Господа молитва об искуплении грехов; да не стыдится творить раскаяние не стыдившийся совершить преступление; да не замедлите вы, согрешив, оплакать это, чтобы каким-либо образом оскорблённый Бог был умиловлен наводнением ваших слез, ибо раскаявшийся дух он удостоит назвать своей жертвой. Да будем мы смиренные сердцем, спокойные разумом, остерегающиеся всяких грехов и помнящие всегда Божьи заповеди, знающие, что не принесёт вам пользы смиренность одежды, имя монаха, слово веры, внешнее благочестие, если мы являемся испорченными и отвергающими в отношении заповедей...»

...Чьих заповедей?! Моисеевых? Или великого множества прочих пророков, праотцов и прочих персонажей обоих заветов? Кто из них может помочь мне и Марциану? В разных переделках они бывали, по-разному и заветы их, заповеди их нам, для них неведомым, звучат... Но этих, сейчас звучащих заповедей мы не дадим нарушить! Тяжёл груз, неимоверно тяжёл, но вот он, уходящий в небытие, не верящий в Господа, последними усилиями снимает с нас доли тяжести нашей. Прости нас, Господи, не Тебе, а ему, не верящему в Тебя, клянёмся мы молча, но слыша друг друга, чувствуя единомыслие своё...

...«Итак, да согласуется ваше поведение, дети мои любимейшие, с принятым вами решением; ибо большим грехом является то, что грехи следуют даже за мирским человеком, — насколько же худшим нечестием является это для монахов, которые, убегая от мирских соблазнов, как от дикого зверя, предпочли Христа всем страстям, даже поступь и внешность которых считается доказательством добродетели? Но что я далее вас задерживаю словами долгой речи, возлюбленные дети мои?

Остаётся мне проводить вас словами блаженного апостола, сказавшего так: «Теперь я вверяю вас Богу и слову милости Его, который может сохранить вас и дать наследство во всём святом. Слава Ему во веки веков»...

...Давно уже начали вести в монастыре запись событий в нём и вокруг него. Будет туда переписана и эта речь — в упомянутых учителем документах наверняка найдётся черновик её, а прочее вспомним до последнего слова. Должен быть черновик — слишком искусная композиция речи, каждый её блок можно использовать самостоятельно для дела нашего. Только бы чистые руки держали это оружие, только бы не сбылись опасения его и наши... Пока живы — не дадим, и нужно начать готовить преемников сейчас — с запасом, не одного... Из чистых душ, не намозоленных от жизненного трения... Таких, как вон тот — Евгиппий, кажется, помню его по отходу из Батависа, наш, рэтский, чист и разумен... Мало были мы оба в монастыре, всё ходили с заданиями учителя, мало знаем

братьев по теперь нужному нам счёту. Хорошо, если в списках, оставленных нам, найдём ответ на возникшие вопросы, однако даже он — смог ли запечатлеть всё необходимое на пергаменте и папирусе? Ведь понятное ему неясно для нас, смог ли он снизить до нашего уровня?..

...А Северин кончил речь. И вот начало у всех на глазах свершаться последнее чудо. Почти тысяча человек теснила друг друга в церкви, и вокруг неё тоже хватало людей — и все они, не создав свалки, прошли перед своим святым, прижизненно таковым признанным, касаясь его руки или одежды, как бы «принимая последний поцелуй», и не отняло это много времени, не упал охвативший людей экстаз, и снова замерли люди, сдерживая рыдания, а Северин уже запрещал оплакивать себя, принимал причастие и приказывал запеть подобающий псалом. Кто-то попытался — и не смог, перехватило горло. Вопреки запрету, рыдания становились всё громче...

«Хвалите Господа в храмах ЕГО... — в полный голос запел Северин и понял, что не смогут подхватить. И в последний раз нарушил он общепринятое, выбросив все слова из 150-го псалма, кроме самой последней фразы — ...Всякое дыхание да славит Господа!» И остановив усилием воли своё сердце, но ещё владея телом, он стал не сгибаясь, падать на спину — на руки подхвативших его Луцилла и Марциана...

ГЛАВА 5

ГОВОРIT ЕВГИППИЙ, ИБО ЛУЧШЕ НЕ СКАЖЕШЬ

«Когда он был похоронен, наши старшие, полностью веря, что не может миновать предсказанное им о переселении, как и многое другое, приготовили деревянный гроб, чтобы были исполнены приказы предсказателя, когда начнётся предвозвещённое переселение народа.

Фердерух же ничтожный и нечестивый, всегда безмерно охваченный варварской жадностью, узнав о смерти блаженного Северина, решил, что предназначенные для бедняков одежды и нечто другое смогут быть отняты. Присоединив к этому злодеянию святотатство, он велел похитить церковную чашу и другую алтарную утварь.

Так как они находились на святых алтарях, и не осмелился получивший приказ вилик протянуть свои руки к такому преступлению, он принудил взять упомянутые вещи некоего воина по имени Авитиан. Хотя он нехотя совершил приказанное, но скоро, мучимый непрерывным трясением всех членов, был схвачен Дьяволом...»

ГЛАВА 6

И НАЧАЛОСЬ...

Когда скрылись вдали последние нагруженные монастырским добром сани, Луцилл повернулся к братии, и монахи с изумлением увидели на его добром всегда лице торжествующую улыбку.

— Вы спросите меня — чему я радуюсь, братья? Знайте же, что всё случившееся было заранее предсказано покинувшим нас учителем нашим. И потому не велел я не только делом, но даже словом или взглядом сопротивляться этим несчастным. Да, несчастным, ибо не только в будущей вечной жизни жестоко пострадают они за свершённое ныне, но и в этой ждёт их скорое возмездие. Не от ваших рук — найдутся иные. Трудно нам будет, голые стены оставлены нам, но разве сравнить эту малую беду с великим испытанием, постигшим нас — с уходом в лучший мир от нас Учителя нашего? Мы не погибнем, ибо собранные близ нашей обители братья поддержат наши тела, а души наши имеют могучего заступника близ Господа. Да не прозвучит ни слова из ваших уст в упрёк свершителям этого недостойного дела. Мы их прощаем, как подобает христианам, а Суд Божий найдёт исполнителей — в том порукой предсказание учителя...

...Замер в ожидании римский берег, а в Ругиланде вспыхнул огонь раскола. Не было среди спорящих, иной раз и до рукопашной доходивших ругов ни одного сторонника Фердеруха, никто не одобрял его действий, но что с ним делать, как поступить, к чему приведёт случившееся — тут единого мнения не было и быть не могло.

Слишком велика была вина человека, который давно уже был щитом и мечом народа, но он всё же был щитом и мечом его! И никто не мог решить — что делать. А сковавший Авитиана истерический паралич был явным свидетельством кары Божией, пока что постигшей лишь его, но явно нависшей над всеми...

Ещё Флакцитеем поставленный на берегу Данубия дворец был просто бревенчатым доминой, огромным по площади, а не по высоте. Он вмещал десятки помещений разных размеров — от покоев до клетушек, связанных переходами, галлереями, пристройками, но не отличался ни красотой, ни хотя бы симметрией и внешней величественностью. Чувствовалось, что на долговечие своего творения строители не надеялись и думали лишь о целесообразности, причём пристраивали новые части-срубы по мере появления нужды. Так что случалось в нем заплутаться и самим обитателям, особенно после хорошего возлияния. Правда, кое-где окна были затянуты не бычьими пузырями, а мутным и неровным стеклом — римские умельцы с норикского берега поставляли в счёт дани и кое-что для жилища королевской семьи... Но всё же это было подобие лабиринта, о котором когда-то и от кого-то слышал Фердерух, и, пробираясь по знакомым переходам, то и дело отступая куда-нибудь, чтобы пропустить встречного и не быть замеченным, он вспоминал, что в том древнем лабиринте только один — Тезеем его звали — и сумел найти выход, сумел выжить. Выпутается ли из своего лабиринта тот, ради кого он сюда пришёл?.. Вот уж сколько он миновал дверей, за которыми были слышны голоса спорщиков, и не стал задерживаться — одно и то же везде. Начал слушать здесь, продолжи там — одно и то же везде услышишь, об одном и том же спорят, одни и те же доводы приводят...

«Я Фердеруху верил, и все мы верили, а он нас предал... Не предал, а разум утратил... Утратил ли — не знаю, но понять не могу, одно понимаю — сгубил он нас... Что же с нами будет? Ведь и мы виноваты — наши были с ним... Наши?! Его, а не наши! Для них он превыше отца-матери!.. Ишь, какой! Да разве ты не гордился, что твой сын у него? Наши! А вот — что будет с ними, нашими, и с нами?.. То, что с Авитианом, а то и похуже... Куда хуже? Вон уж неделю он на острове один Бога о спасении молит, а прощения нет, руки не слушаются, сын его, приходя, из своих рук кормит... В такой-то мороз?.. А что нам-то делать?! Гизо из церкви не выходит, и Фева с ней всё время. Он король или баба? Ведь Фердерух, если уж оставить в стороне Господа, нарушил завет Флакцития и право короля на решения такого уровня. Пока мир, а не война, только королю решать такое дело, даже если оно почему-то стало возможным. Флакцитей что говорил всегда? Говорил, что и сам по себе союз с римлянами нам выгоден, помимо того, что у них такой святой есть и о нас тоже заботится, Бога просит... А что Фредерик?.. Да то же самое — то в церкви с родителями, то в своей клетушке заперётся. Молчит. Почернел от дум. Да что с него возьмёшь — всего шестнадцать лет... Как что возьмёшь? Не его ли святой от смерти спас? Не его ли все годы учил?.. Ну и что? Всех нас он спасал и всех учил, а мы молчим же... Не молчим, а кричим, только попусту. Что ты Фердеруху сделаешь? Он на том берегу со своими, да, со своими, не с нашими — они его выбрали, как те, в Италии, Одоакра. Нас он под гнев Божий подвёл, а сам там... А что бы ты с ним сделал здесь? Вот приди он сюда?.. Кончил бы!.. Ты — его? Да он тебя первым не глядя смахнёт!.. Меня, тебя, его смахнёт, а всех — нет! Все мы из-за него гибнем, всем за него и браться, пусть он раньше нас берёт от всех бед — было, верно, — но ныне он взбесился, а бешеных псов убивают, не то всех перервут они...»

Ну что же, и на том спасибо... Фердерух усмехнулся про себя. Видимо, он на сей раз не ошибся, и решение будет для многих верное. Только бы какой-нибудь крикун сейчас не помешал... Попадётся кто — придётся на месте кончить. Хорошо, что я ещё

мальчишкой все эти переходы знал, что всех этих спорщиков по голосам знаю — есть надежда на удачу, на последнюю мою удачу...

... Дней за десять до смерти святого Фредерик прискакал к нему по льду Данубия. О том, что грызло душу в связи с близким уходом учителя — молчал, а жаловался только на отца и дядю: женить хотят, да к тому же подобрали невесту у врагов. Данубий за Паннонией становится Истром и там живут Малые Готы — те, что служат империи ромеев с давних времён. Из них вышел и просветитель Вульфила, переведший Святое Писание на готский язык. Из их племени и Тиудимер просватал девушку своему Теодериху — ну, они же тоже готы, почему не породниться, это их дело. Но вот теперь отец хочет из того рода взять девушку в невесты ему, Фредерику. И на что уж дядя с ним всегда спорит, а тут с ним заодно. Да не хочу я жениться, учитель, а уж с готами родниться и вовсе не хочу. С врагами один разговор — мечом и стрелой, а готы нам враги смертные. Тут же выходит, что я родней Теодериху стану, пусть через жену. Кем я буду в глазах людей? Будут они мне верить? Кто-нибудь да скажет: готам родня, возможный предатель... И готы будут меня своим считать... Не хочу я готку, даже имени её слышать не хочу!..

— Ты знаешь, мальчик, что я ухожу из этого мира?

— Все это знают, Учитель, но я не смел говорить об этом. Я был неправ?

— Прав. Ведь ты знал, что об этом заговорю я. И этот наш разговор — последний. Поэтому говорить с тобой сегодня будем до последней черты доверия и понимания. У этой черты остановимся — не имея опыта жизни, ты не сможешь правильно понять доверяемое, сделаешь неверные выводы, а это грозит большими бедами и тебе, и всем, кто вокруг тебя... Если бы Господь отозвал меня из этого мира на два года позже — я смог бы сказать тебе гораздо больше... Слушай и запоминай. Твой отец и дядя — вожди народа ругов. И ты тоже становишься вождём. До поры был в числе ваших вождей и некий Северин — его слово что-то значило для вас. Теперь его не будет. А это значит, что не будет над народом ругов покровительства Небес. Господь не советовался со мной — я просто ощущал его волю и знал о его милости к вам. Сейчас начинает закипать в землях вдоль Истра и Данубия такой котёл, что многие могут в нем свариться, а меня не будет. И я не знаю, кто вместо меня станет здесь орудием Господа. Я был таким орудием, но не бездушным. Душа моя с вами норикскими римлянами и ругами. И Господу это ведомо, и если он отзывает меня, а я не знаю, кто сменит меня, то значит это лишь то, что он отвёл от этой земли свой взор и вы предоставлены самим себе. Сумеете ли верное решение принять? Не знаю. Но что знаю — скажу тебе. Твой отец вслед за твоим дедом видел будущее своего народа в Италии. И потому там оказалось так много ругов — добрая треть народа. Но власть в Италии взял Одоакр и он зовёт себя «королём торкилингов и ругов». Сейчас те руги верны Одоакру, но будут ли они верны ему и впредь? Ответа на этот вопрос не знаю я, не знает и Одоакр, а он для вас важнее важного. Твой дед и твой отец всю жизнь опасались готов Валамера, Видимера и Тиудимера. Им повезло — Видимер увёл часть готов в Италию, а потом в Галлию — к западным братьям своего народа, Валамер умер, а Тиудимер с Теодерихом двинулись в земли империи ромеев. Но везение это кончается. Готы Теодериха стали так же опасны для империи, как были опасны Малые Готы с Аспарами и фракийские готы с Теодерихом Страбоном, сыном Триария. А ты знаешь, как империя рассчитывалось с этими слишком сильными федератами — она их уничтожила, усыпив их бдительность множеством наград и почестей, либо же направляла на них врагов. Я не стану называть это подлостью — и Аспары, и сын

Триария могли бы стать новыми Гайнами, Рикимерами, Гундобадами — и в конце концов Одоакрами. Империя хочет жить, а это связано с кровью опасных друзей не меньше, чем с кровью врагов. И готы Теодериха ныне, после смерти сына Триария, стали не нужны и опасны, а Теодерих умён, многое видел за годы своего заложничества, да и теперь видит и понимает куда больше, чем нужно для безопасности империи. После смерти отца он возглавил свой народ и осыпан почестями не меньше, чем не так давно Аспары. И помнит об их судьбе. И император тоже знает, что уничтожить Теодериха ему не так просто и гораздо опаснее. Значит, нужно удалить опасных друзей под благовидным предлогом. Куда?

— Мне ли это знать, учитель?

— Если я спросил, то уверен — ты сможешь ответить.

— На Одоакра?

— Да, мальчик. Не завтра это будет, но будет. И оба они не смогут оставить без внимания ругов. А ругам выбирать — с кем они могли бы примириться хотя бы на время. Если к Одоакру нельзя и к ромеям нельзя, то к кому можно? Что будете делать, когда готы по пути в Италию приблизятся к Ругиланду?

— Драться будем, Учитель! Насмерть встанем! Дядя уже сражался с ними, и до него и до деда тоже всегда была кровь между ругами и готами.

— Ответ воина, но не вождя. Ты же должен быть вождём. И я говорю с тобой без ссылок на священные книги и древние сказания. Твой отец прав, выбирая тебе невесту из рода, давшего жену Теодериху. Пусть слабая, но родственная связь, а родство может стать и союзом, пусть даже только на время. А вот с Одоакром ни твой отец, ни твой дядя, ни ты сам не найдёте общего языка — он примет к себе не племя ругов, а каждого руга порознь. Он скажет: забудьте, что вы были народом, вы теперь часть моего войска, которое со временем станет каким-то новым народом... И дядя твой, когда-то сражавшийся с готами, тоже прав, соглашаясь с твоим отцом. Может быть, это последняя его правота в земной его жизни, но сейчас он прав...

— Почему «последняя», Учитель?! Что с ним?

— Пока ничего, но случится обязательно. Он очень хочет счастья ругам — одним ругам. Всех прочих людей он ради этого счастья готов перерезать без всякой ненависти к ним. Не успеет осесть земля на моей могиле, как он ради этой любви совершит преступление.

— Какое?

— Сам увидишь. Не об этом сейчас речь, а о твоём народе. Запомни: кровь притягивает кровь. С кровью кафоликов-норикцев ругам нечего и думать о приходе в Италию. Готы могут себе такое позволить — они безмерно сильны и не страшатся возмездия, а ругам нужно думать об этом. А в Италии треть вашего народа...

— Они сами ушли от нас, учитель! Они перестали быть ругами. Это не наш народ!

— Не твой и не твоего отца и дяди — сейчас. Но — руги по крови, языку, обычаям. Такими ушли они туда и таковы пока что. Они не могли остаться: земли в Ругиланде нехватало на разраставшийся народ, а на нашем берегу они притянули бы готский удар: Данубий прикрывает Ругиланд, а у нас прикрытие одно — угроза из Ругиланда. Разросшаяся крона дуба точно так же притягивает молнию... В Италии не было Одоакра, была империя, куда руги ещё после Недао хотели уйти и стать федератами. Эти — стали. В

чём же их вина? Одоакр дал им землю и они ему благодарны. Было бы нелепым и бесчестным, если бы они не служили ему за это. А племя далеко и связь с ним утрачена... Судьба отделила их от вас забором. Но пока что это деревянный забор, а не каменная стена. Он ещё может рухнуть. Всё дело в Одоакре, а он не вечен, особенно если учесть приближение готов...

— Они же ещё не двинулись в Италию.

— Но двинутся непременно. Руги — не готы. Они никогда не были запевалами в хоре народов. Но и от вторых и третьих голосов зависит песня. Станешь родичем Теодериха — он будет рассчитывать и на твой голос, на голоса ругов. И твой голос должен звучать как голос всего народа. До поры голосом ругов был твой отец, а щитом и мечом был дядя. Но когда его не станет...

— Почему не станет, учитель? Что он сделает? Скажи мне, и я его удержу. Ведь нет руга чище и храбрее, чем он...

— Никого он не послушает, и меня тоже. Он вступает на неверный путь и он обречён. И тебе быть после него щитом и мечом ругов. Прежде всего именно щитом, ибо поднявший меч — рано или поздно от меча и погибнет. Погибла даже империя римлян, а не было большей силы на свете. Будь счастлив, а в несчастье думай не о себе, а о своём народе, и о других никогда не забывай — тогда и они о тебе вспомнят в трудную для тебя и твоего народа пору. Я не могу предсказать твоё будущее, но сделал всё возможное, чтобы оно не было беспросветным. Если мои желания будут услышаны Небесным Судией, то ты, уходя из жизни будешь спокоен за своих, а нет большей награды для вождя народа. Иди, да будет на тебе благословение Божие. Отныне ты становишься силой, влияющей на ту или иную чашу весов. Пусть твоя сила всегда ложится на нужную чашу... Прощай, мальчик! У меня не было детей, но среди духовных детей моих ты был один из любимейших. Счастья тебе! Иди!..

— Разве ты не позволишь быть с тобой в день ухода?

— Нет. И когда подумаешь, то поймёшь, почему не позволяю. В этом мире мы видимся последний раз. Но я надеюсь, что ты захочешь увидеть меня в ином, вечном мире...

— Захочу и увижу, учитель! Прощай!

Ни к матери, ни к отцу, ни к дяде Фердеруху не было у Фредерика такой любви, как к этому человеку. И вот нет святого, а дядя на исходе второй недели после смерти его ограбил дочиста не только десятинные склады, но и весь монастырь. И это дядя, который всегда ценил только жизни своих воинов, да коней и оружие! Что с ним случилось? Хорошо ещё, что не восстали римляне (но почему они не восстали?! Непонятно...), а то страшно подумать, сколько было бы крови и чем это кончилось бы для ругов... Но раз «страшно» — значит, я обязан думать... Но как ни прикидывать все возможности, вспоминая рассуждения учителя, видно только безмерное ослабление ругов. Но если это вижу я, то как не увидел дядя?! Верно сказано, что если кого Господь захочет погубить, то сперва лишает разума... А вдруг дядя задумал такое, чего и святой не знал? Ведь вот уже четвёртая неделя истекает, а он как ограбил монастырь, так и исчез для всех со своей дружиной. И раньше никто не знал, где его искать, кроме его доверенных людей — он

всю жизнь, как воином стал, жил как в походе, метался с заставы на заставу, двух ночей в одном месте не спал. Никто не знал, где он, а он как чутьём угадывал — где в нем нужда, и появлялся, и побеждал... И святой тоже так узнавал, но он-то от Бога был наделён, а дядя?.. Не от Дьявола ли? Нет! Не может быть! И святой сказал бы мне, а он ни словом не помянул Сатану, только сказал, что тропа дяди неверная... Что же будет с дядей и со всеми ругами? И что делать мне? Учитель! Ты не слышишь меня с небес... Отзовись!

Не отзывался с небес Северин, но в ответ на очередной немой призыв Фредерика открылась без скрипа дверь и вошёл Фердерух.

— Дядя?!

— Я, племянник. Но потише. Никто не должен знать обо мне в этом змеином гнезде.

— Это дом отца и деда. И твой тоже, хотя ты не родился здесь, как я. Что с тобой, дядя?

— Это дом святого покойника, который не верил ни в какого бога, племянник. Слишком много здесь его глаз и ушей. Хорошо, если никто не слышал твоего возгласа — ты не сумел сдержать голос. Я ухожу, а ты завтра придёшь перед заходом солнца в ту самую башню, где любил уединяться твой святой. Не дёргайся и молчи. Я буду там. И вы, и римляне — все с перепугу засели за свои стены. Ждёте, когда меня Бог накажет. Скоро. Но завтра ты будешь в башне и никто не должен об этом знать. Тебе пока не на кого положиться и не с кем посоветоваться. С отцом — не смей. Тебе пока что его не судить, а мне можно. Он сейчас как мокрая курица, хотя трусом никогда не был. Сумеешь решиться и придти незаметно. Захочешь — сможешь, чему-то я тебя учил...

...Исчез... Идти или не идти? Надо же додуматься — в башню святого... Надо идти. Некому сказать мне сейчас, как быть. И отец про меня забыл, и мать ничего не помнит кроме последнего разговора со святым, всё повторяет его слова. А я им о своём с ним разговоре тоже ничего не сказал. Почему он так много сказал мне и почти ничего им? Неужели скоро и их не будет? Неужели мне одному отвечать за ругов и этих норикцев? Они как гиря на наших ногах. Был святой — они были его народом, были союзниками, данниками, но не угрозой. А сейчас я вижу в них одну угрозу. Но ведь это мой дядя всё поломал! Он виноват!.. Но он мой дядя и первый воин Ругиланда, а они... Что я думаю?! Неужели я изменил памяти святого? Моего Учителя? Но и дядя меня учил... Нет, не изменник я! И завтра я буду не где-нибудь, а в его башне. Там его взгляд меня легче найдёт, если он следит за мной с небес. И он поймёт, что я не изменник, что я выполняю его завет — думаю. А чтобы думать — надо знать. И завтра я узнаю... Что? Что-то такое, без чего не жить ругам. Но это значит, что первые брызги из того котла, о котором сказал святой, уже долетели до нас? Уже началось?.. Вспомню снова, что сказал святой — о дяде. Так, вспомнил. Сравню с тем, что сказал дядя о нём. Сравнил... А теперь — что получается, если взглянуть двумя глазами и услышать двумя ушами — не за того, не за этого, а извне смотря и слушая. Интересно... Получается нечто третье... Как это он говорил: думай и о других? И за других? А я ведь тоже «другой» меж ними двумя... Пришла мне пора думать и за себя — оба к этому толкали. Ибо — опять оба говорят, что теперь мне решать за ругов. Как же это выходит? А выходит, что идти надо, что оба мне велят идти... Ну что же... Буду вовремя и буду уже не «мальчиком» и не «племянником», буду... кем?... Как дядя сказал — «пока не с кем посоветоваться» — значит, будет с кем... Да, пришла пора становиться вождем. Рано. Но нужно. Значит — стану.

ГЛАВА 7

ФРЕДЕРИК И ФЕРДЕРУХ КРУПНЫМ ПЛАНOM

— Замёрз, племянник? Ничего, мы тут всё приготовили. В яме под настилом — жаровня с углями, шубы тоже припасены. Накидывай, это не монастырские, а наши. Времени мало, а сказать надо много. Я побит, племянник, впервые в жизни побит. И побил меня мертвец. Не смотри на меня так — незачем. Я его никогда не любил, это верно, но уважал всегда — сильный враг достоин уважения. Да, враг. И не мне одному — всем ругам. Мы для него — цепные псы, стерегущие покой его любезных норикцев. Можно псам мясо подбросить — вроде дани этой. Да и то их торговцы у нас больше прибыли берут, чем мы от той дани имеем. Сколько веков торговать учились... Можно псов за ушами почесать и даже пузо им погладить — всё равно они псы, а не люди. Люди ему — норикцы, ради них он всех ругов готов под нож пустить. Что, не согласен?

— Он то же самое сказал о тебе, дядя.

— Правильно сказал. И для норикцев его правда выше моей. Да я-то ведь руг. И ты как будто тоже. Я не про арианство или кафоличество говорю. Про кровь в наших жилах, про язык наш, про память о предках. Они в ранах своих вражьи дротики ломали, бились до последней крови, до последнего дыхания — зачем? Чтобы мы сейчас свою кровь отдали этим двуногим волам и меринам? Они же кончены, они сами ни на что не годятся. Он среди них был последним мужчиной, хотя и был монахом...

— А Батавис, дядя?

— А Лавриак, племянник? Он там, в лепёшку ради них расшибался, а они носы воротили... Да пусть бы они были и не меринами, а жеребцами — пусть сами от волков отлягиваются! А он своё: пусть руги их оберегают, а о себе пусть не думают — это для моих норикцев вредно, если они о себе думать станут...

— Не так, дядя! Ты не знаешь!

— Чего не знаю? О чём он с тобой говорил в последний раз? Врёшь, знаю. И не кричи. Незачем моим воинам твой крик слышать. Теперь они твоими станут, должны уважать. Им и так худо — знают, что ты меня убьёшь.

— Я?!

— А кто же? Фева в Каины не годится, да и король-то он неважный. В его королевстве чёрт знает что творится, а он с женой в церковь засел и поклоны бьёт... Дураки, всё равно церковь арианская, а со мной из могилы своей кафолик воюет... Кафолик... он же ни в какого бога не верил... А отец твой Февой был, Февой и остался, Фелетея из него не вышло. Сопляк в штанах — таким и до старости доживёт, если раньше не прикончат...

— Дядя, у меня и так голова кругом идёт. Что ты мне загадки загадываешь да ругаешься? Позвал — так скажи, чтобы я понял...

— Молодец, умеешь спросить. Ну что же... Ты к нему бегал на нас с отцом жаловаться, что невесту тебе без тебя выбрали?

— Не бегал, ездил.

— Всё одно. Не было там меня, не слышал вас, а знаю, о чём он с тобой говорил. Такие мы с ним были враги-друзки, что он подумает — а я догадываюсь, подумаю я — а он уж о том заранее подумал. Только вот всегда он был первым. И остался первым. Знаешь, почему? У него за спиной тысячи лет и тысячи книг, а у меня моя голова, да сказки старух, да песни скальдов, да книги Вульфилы...

— Не Вульфилы, дядя...

— Знаю. Переводил он Писание, не сам писал. Да и перевёл не всё. Часть ему не по зубам оказалась. Мне тоже — я ведь потому и латынь учил, чтобы понять не переведённое им, да недалеко от него ушёл. А книги те ещё много крови прольют — таких дураков, как мы. Они ему хитрости подсказывали, а я их только угадывать мог, мне не у кого было подсказку слышать. Только от предков, да много ли их было у ругов? И то ведь — скальдами своих сказителей зовём, у скандийцев переняли, прежние-то наши бардами звались, так что хоть сколько-то чужого впитать сумели. Но за ним-то весь Римский Мир и те, кого римляне сожрали, и те, на ком зубы обломали — Писание ведь тоже не про одних евреев говорит, там и от других мудрость оставалась. Вот я и отставал от него, только следом плёлся. Следил, конечно. Вот в этой башне он не случайно уединялся — со своими, лазутчиками встречался. Кое-кого из них я знаю, и люди мои тоже. А что толку? Ведь не схватишь, не выбьешь тайну — и знает такой не так уж много, и молчать будет не хуже любого руга, и святой твой сразу всё поймёт... А здесь подслушать ни разу не удалось. Слал я людей — ни один из них от него не укрылся. Даже расспрашивать ни разу не стал. Найдёт, как нюхом учует, и попросит уйти. Смирено так, как и положено святому отшельнику... А ведь я один во всём народе такой, что мог его мысли угадывать, хоть и с запозданием. Ну, а сунутся руги в Италию — сколько там книг и читателей?

— Тем-то книги не помогли, дядя.

— В открытой войне не помогли, а в тайной помогут, как ему помогали. Я знаю — он в Бога не верил. Ни в какого. Но сам-то он недалеко от Бога ушёл. Человек! Не чета людишкам. Я тоже вроде вас, хоть и умнее. На него меня не хватило. Знаешь, почему я Авитиану велел чашу взять с алтаря? Своих хотел поберечь — не от бога, от монахов. Глаза прятали, видно велено им было, а покосятся — волчьи глаза были. Ну, как уложат первого, кто руку протянет, думаю... Ведь мне и нужно было, чтобы первыми бросились — а своих — пожалел. А этот всё же не свой. И ходил с нами во все бои, а всё же мы ему варвары, хоть и единоверцы. Держал я его при себе — вояка он лихой, но сердце к нему не лежало: с нами, а не свой, меч не боится, а бога боится, червь земляной...

На этом всё и сломалось — не додумал я до конца. Думал — церковь кафолическая, а он — арианин, да ещё битый кафоликами. Твой же святоша сумел и для него святым стать. Вот у него руки и отнялись с перепугу. Помёрзнет на своём острове, приползёт на карачках к могиле, глядишь и исцелится. Вот шуму-то будет...

— Зачем ты всё это начал, дядя?

— Чтобы всех вас, дураков, подальше от этих умников увести. На старую землю ругов — к морю, на острова близ Скандзы. Там ещё есть наши, я проверял, посылал туда людей. Пусть здесь все римляне и неримляне пропадут, а мы бы там у моря окрепли и

успели поумнеть без лишней крови. Но это уже отрезано. Я один мог бы туда довести народ, а теперь я покойник.

— Почему, дядя?! Ну не мог ты своего добиться, так уходи со своими — они-то тебе и сейчас верят!

— Верят. Насмерть верят. Вы там и не знаете — третьего дня алеманны через Эннс сунулись — пять сотен. Вряд ли три десятка ушло. Думали — нам теперь не до них, можно пограбить, — ну и получили своё. А уйти моим нельзя — они руги, а не безродная шваль, не скамары. Где их народ, там и их судьба. Он за мной не пошёл — худо ему придётся. Но с ним и они будут. Их мечи и луки, их головы и руки. Я теперь только помеха, как сбитый всадник коню, когда нога в стремях застряла. Вот ты мою ногу из стремях и вырвешь, взамен меня на коня сядешь.

— Да какой же из меня всадник?

— Опять кричишь. Тише. Спокойнее. Надо бы тебе ещё пару лет спокойной жизни, небось и твой святой тебе тогда больше бы насоветовал, но думаю, что и так он тебя сверх моей науки кое-чему научил. Если мой путь закрыт, то его подсказка самая верная, и тут именно ты нужен. Ты, и больше никто!.. Говорил он тебе, что одоакровы руги могут снова нашими стать, если мы с готами вместе в Италию войдём?

— Что-то такое говорил, но не так...

— Ещё бы! Он же святого изображал, а совет-то волчий, не человеческий. Хотя Богу такие советы по душе — вон евреи своих врагов, если верить Писанию, под корень резали, куда до них гуннам. Те и готов, побивши, оставили подручными, себе на голову... Сейчас все народы — как волки. Одним жизнь, так другим смерть. Этот «Всеведущий» не мог не знать заранее, что так случится, низкий ему поклон за такое... Вот твоему святому свои норикцы всех дороже, так он ради них и рогов готов был в огонь затолкать. Но после уже и рогов пожалеть можно — всё же не герулы, не алеманны. Но ведь если те одоакровы руги к нам перейдут — это же Одоакру смертельный удар, он перед готами сразу вдвое ослабеет. А ведь и Одоакр ему обязан, а он на то и надеялся, что Одоакр как раз его норикцев к себе примет, когда нас в Ругиланде побьёт...

— Дядя!

— Вот тебе и «дядя»! На это весь его расчёт.

— Не может быть...

— Единственное, что только может быть! Эх, если бы он, меня раскусивши, позвал меня и сказал: пойдём вместе на север... Не сказал он этого — так ничего другого ему не оставалось. Его нет, а расчёт остался. И ничего ты сейчас не сделаешь — нельзя теперь их кровью наши руки багрить — с такими руками нам в Италию ходу нет, мы не готы, нам италийские кафолики вполне сумеют кости переломать за своих норикских единоверцев-родичей... Ну, а готы? Они в Италию пойдут, на рогов надеясь, а вы с одоакровыми ругами соединитесь и их бросите — что будет? Были две большие силы ариан-варваров, хоть и бились между собой, а станет три маленьких силёнки. Не сожрут ли порознь всех троих римляне или ромеи? А ведь в эту свалку и вандалы могут сунуться, и вестготы, и бургунды, и франки — даже обязательно должны ввязаться, напасть на недобитых, чтобы самим не погибнуть...

— Страшное ты видишь, дядя. И не пойму я — ты что — готов Теодериха жалеть начал?

— Всех жалею. И их тоже. Даже больше, чем других. Ты на Болии не был, не видел, как они нас давили. Если кому и жить, то таким. Я всю жизнь своих дружинников до готского уровня подтягивал, хотя не то у нас оружие и бьёмся иначе. А только всех не пережалеешь. И потому я ругов выбрал для жалости, а готы для нас — как мы для норикцев по северинову замыслу: если будем им полезны — прикроют от беды по возможности. У Теодериха, конечно, встречный расчёт будет, но он — человек особый, такие вне римских пределов — редкость небывалая, другие-то с таких высот на происходящее никогда не смотрели, даже Аттила. Так что хорошего мы тебе родича подобрали с братом и золовкой... Твой святой — и тот с нами заодно оказался. Встретишься с ним — расскажи об этом нашем разговоре начистоту, без умолчаний. Не постыдишь голую душу показать, без тряпочки или листика на детородном месте. Думаю — поверит... И ты ему поверь. Оглядывайся на других, а ему верь... Теперь твоя очередь пришла — ругов жалеть. Завтра возле Фавианиса на льду — против дворца — ты встретишь всех нас — один. И чтобы во дворце видели это. И первая твоя стрела чтобы мне в горло вошла! Не в глаз, лицо не калечь, а в горло... Все их тряпки верни, и сверх того выжми из отца, заткни им глотки. А воины невиновны в моих замыслах, особенно если в один голос закричат про Суд Божий, а они закричат — между нами всё обдуманно и оговорено. Возьмёшь их себе — они-то тебя берут! — и сумеи стать им вождём, а не игрушкой. Они поверили мне, что сможешь их возглавить, хотя и молод ещё. Я на Болии был немногим старше. Будешь им вождём — будешь вождём и для племени. Как Одоакр для своих стал. Норикцам улыбайся, да не верь. Продадут во славу покойника и не поморщатся. Мы им ариане и варвары, а они «избранный Богом народ», недаром же к ним был послан Богом святой Северин... А всё же рвать с ними нельзя — впереди Италия и с ними там можете встретиться. Они там тоже будут одни среди чужих, хоть и среди кафоликов. Твой святой вовремя помер — в Италии его бы тамошние кафолики живо еретиком бы объявили, для них всякий не свой — еретик, а он — не их, они своих людей всегда уничтожали...

Будьте наготове — если Одоакр на нас пойдёт, то севериновцы его войско сквозь Внутренний Норик до наших застав проведут, о себе, а не о нас думая. И когда он на нас лавиной свалится — заставам не сдержать и в Ругиланде не выстоять. Сумеете хоть вовремя ноги унести, подготовьте пути отхода, имейте хоть какой-то запас на колёсах, на выюках, на лодках... Да не попадитесь при этом в лапы герулам.

Вот почему тебе теперь особенно важно стать не мужем готки, а свояком Теодериха — это и герулам острастка.

— Но ты же и раньше был за это, когда думал увести нас к морю по Виадуа. А тогда бы мне зачем невеста-готка?

— Первое — знал, что могу сорваться, а второе — там бы мы не в тёмной яме сидели, с этими местами связь бы держали. Если готам повезёт, и они Италию захватят — какое-то время будут в большой силе, даже в большей, чем сейчас. На расстоянии они были бы нам не опасны, а даже полезны. И мы им тоже — Аттила же от дальнего Яика до Рейна объединил все земли, так почему бы не возникнуть державе от Италии до Свевского моря? Тогда не пришлось бы бояться, что итальянские римляне передают всех — готов и ругов, на ромейскую поддержку опираясь. А могут — в будущем. Сейчас это Одоакру грозит...

— А если я туда уведу народ — к морю и островам на нем?

— Для этого нужны сила и богатство. Мало туда пробиться, надо ещё там землю расчистить. А кто нам её подготовит? Уцелевшие родичи могут, конечно, потесниться, но

по совести нам положены чащобы и болота, раз мы когда-то свои земли удержать не сумели. Вернёмся — придется круто. Если бы не дурость Авитиана да не выдержка монахов — я норикцев бы до восстания довёл, побил бы, до нитки раздел, мастеров набрал. Пришли бы с силой и богатством, расчистили бы землю для себя. А тебе этого не сделать — рука не поднимется. Ум не тот, сердце не то. Волком тебе не стать, будь хоть собачьим вожаком.

— Ну, а если уж потом — из Италии?

— Ты ещё к вандалам в Африку заберись, чтобы потом легче было на север уйти. Отсюда народ можно бы стронуть, тем более что до истоков Виадуа рукой подать. А в Италии они ошалеют от удачи, если она будет. А ты сам же эту удачу будешь им добывать — ведь иначе-то смерть всем ругам! Попробуй их потом увести — это как пса от мяса после голодовки оттащить. Тебе же глотку перервут, как ты мне завтра — по их желанию.

— Почему «по их»?! Ты же сам так решил...

— Потому что они меня уже приговорили, только каждый ждёт, что не ему, а другому выпадет меня убить. Самому-то и совестно, слишком многим обязаны, и страшно — знают меня. Ты с них груз снимешь, на себя взвалишь. Только за такую услугу иной и возненавидит — это тоже помни... Ну, хватит. Всего не переговоришь, перед смертью не надышишься. Иди, малыш, и чтобы завтра мне стыдно не было — с первой стрелы чтобы напавал.

— Эх, дядя! Ты меня уже убил.

— Такая смерть — ещё не смерть. Хотя и верно, что отсюда ты другим уходишь, пришедший же дурень умер — вечная память ему. И для себя помни — не ты меня убил, это твой святой меня из могилы достал. Ведь это он присоветовал им — в драку не лезть, терпеть и молчать. Стал бы я с алтарей чаши брать, кабы они раньше в драку полезли... Ты к ним заглядывай и о нём расспрашивай. Будешь о нём почаще думать — глядь и сам поумнееешь. Умный враг полезней глупого друга... Ну...

— Стой, дядя! Ещё одно дело. Женат ты не был, но... Может, есть кто, о ком мне знать надо?

— Нет никого. Знаю, девчонки меня многие во сне видели, но нельзя нам плодиться, потом перегрызутся дети. Ты мне был за сына, тебя я и учил, чему мог... Прощай, малыш. Раста большой...

ГЛАВА 8

СПЕЦСЕМИНАР В РИМЕ.

575 ГОД

Если предыдущая глава завершилась в феврале 482 года, то сейчас мы в 575 году, причём не в Норике и не в Ругиланде, а в Риме, и не просто в Риме, а на крыше Ватиканского дворца. Как ни странно для истекших лет, унесших три четверти населения Италии, здесь ещё попадаются девяностолетние люди. Один из двух собеседников, стоящих у парапета, ограждающего изолированную от чужих глаз и ушей площадку, достиг именно этого почтенного возраста. Второй минимум втрое моложе.

Имя старца до нас дошло. Это Кассиодор, некогда ближайший советник остготского властелина Италии Теодериха и его дочери Амаласунты, после гибели последней основавший монастырь, где собранные им единомышленники немало порадели для сохранения памяти уходящей в небытие греко-римской античности. Историк, автор не дошедшей до нас двенадцатитомной «Истории готов» и дошедших «Писем», он был внезапно изъят из своего монастыря и доставлен с максимумом тайны и одновременно почтительности прямо сюда, на эту площадку, где его уже ждал второй собеседник. Кассиодор не знает, что жить ему ещё три года, его собеседнику — четыре, ибо смерть только что занявшего папский престол Бенедикта Первого унесёт и этого человека, чья судьба и судьба нового папы связаны намертво. Впрочем, о последнем он сейчас узнает...

— Людям, посланным за тобой, Кассиодор, было приказано с самого начала предупредить тебя и твоих, что это не арест и что тебе абсолютно ничто не угрожает. Повторяю это сейчас. И — если в моих словах или моём поведении тебе что-либо не по душе — прошу извинить. Сейчас я раскроюсь перед тобой до предела, и тогда станет понятно всё...

— Мне доводилось некогда бывать на этой площадке, и я знаю, когда и почему беседы ведутся на ней. Не извиняйся. Я полон внимания и совершенно спокоен...

— Спасибо. Мы с тобой — люди одной судьбы, как я понимаю, только мне ещё предстоит пройти твой путь — не знаю, столь ли достойно. Поэтому я прошу разрешить мне — на правах полной взаимности, конечно, быть предельно откровенным и бесцеремонным, хотя с людьми твоего возраста и тем более — столь достойными людьми — так говорить не принято.

— Не возражаю. Жду обещанного раскрытия.

— Хорошо... Итак, один преемник святого Петра ушёл в рай или в ад — как именно оценит Господь его дела, я не знаю. Другой, оттеснив конкурентов, занял его престол. Какой смертью умер Иоанн Третий — пока не знаю. Говорят разное. Но известно, что его предшественники нередко кончали счёты с жизнью при посторонней помощи. И каждый новый папа всегда оказывается перед задачей — использовать как можно лучше свои права и открутиться от возможно большего числа своих обязанностей. Каждый! И Бенедикт Первый, как он ныне зовётся, ещё только ведя борьбу за тиару, уже об этом задумался. И стал искать человека, которого следует нагрузить столь неудобной ношей. Я и не знал, что на меня лёг его взгляд, блаженствовал в своём имении, читал, писал, думал,

спорил — и вдруг меня ночью изъяли, посоветовав не дёргаться до срока, а когда он наступит — сперва поразмыслить. И был доставлен на это самое место, тебе, как ты говоришь, известное. И сказал он мне здесь примерно так: «Из тех, кто мне ведом, ты наиболее подходишь для роли «серого папы». Молод, умён, энергичен, удачлив, имеешь совесть, но не болен её избытком. Я даю тебе власть бесконтрольную, а ты за это заботаешься о том, чтобы я пробыл на этом престоле как можно дольше и умер своей смертью. Ибо моя смерть — это и твоя смерть. Твой предшественник пока жив, но убирать его тебе придётся — сам выберешь вид его перехода в лучший мир. Дать ему жизнь хотя бы в заключении может лишь блаженный идиот. Я выбирал не такого. И твой преемник будет тоже избран не из таких». Я даже не испугался — отнёсся к этому как к маневру на учениях солдат: ход противника, мой ответный ход.

— «Неужели тебе нужен на таком посту человек, не имеющий такого опыта?» — спрашиваю. А он мне в ответ: «Насколько я знаю, ты умеешь и опыт накапливать, и размышлять над ним. Я хочу жить — и ты хочешь. Значит — станешь набирать необходимый опыт, думать будешь. Быстро и разумно думать. И действовать. Права я тебе даю. И знаю, что не откажешься. Ибо на этом месте ты сможешь сделать моим именем многое. Делай. Ибо то, о чём ты думаешь, у меня возражений не вызывает. Но чтобы это делать — нужно жить. Причём моя жизнь — необходимое условие для продления твоей, а значит — и для свершения твоих замыслов. Итак — да или нет?» Я ответил, что «да». А ты разве не имел такого разговора с Теодерихом в своё время?

— Он был защищён могучей силой своего народа, я ему был нужен лишь для дела, причём был заинтересован в этом деле больше, чем он сам. Сходство есть, но есть и различие. Я слушаю...

— Пусть его побуждения будут трижды и семижды низменные, пусть я, как его «альтер эго», буду обрызган грязью и кровью — многое ведь будет теперь и от меня зависеть. Даже если говорить не обо всех землях былой империи, где слово римского первосвященника даже сейчас имеет какой-то вес, а только об Италии — залитой лангобардским потоком, заваленной трупами, но ещё живой... Всё-таки — хоть что-то я смогу теперь сделать. Знать бы только — что делать, как делать, что из этого будет, чем обернутся дела людей из всех борющихся лагерей... А как это узнать? Тут-то я и вспомнил о тебе. Вряд ли есть под этим небом человек с большим опытом. Тем более историк. Твою «Историю готов» я прочёл не раз и не два. Но ты же знаешь, что из того же материала Иордан возвёл совсем иное здание. У него были причины делать иные, чем у тебя, выводы. Но и у тебя тоже кое-что за спиной нависало. Написать голую правду ты не мог, как и Иордан. Так?

— Так. И я, похоже, понял — что тебе нужно. Но лучше, чтобы ты сказал сам, сделав свой заказ с предельной точностью.

— Я прошу тебя вместе со мной пройти по тропам прошлых лет и сказать мне, не обнажая, а оголяя до предела свои мысли — как и почему погибли все великие силы, сражавшиеся на землях Римского Мира. Что их вело, что усиливало, что ослабляло и что губило.

— Ты несколько раз подряд произнёс «что», хотя слово «Господь» произнёс с придыханием, словно имя, достойное высшего пиетета. А о своём патроне и его предшественниках говорил без лишнего почтения. Налицо некое расхождение. Итак — «что»? Или «кто»?

— «Кто» — это «Бог» или «Дьявол»? Отвергаю. Имею для этого основания. И имею основания думать, что ты мыслишь так же. Есть два этих понятия и есть вера в них очень многих. И очень многие верили раньше и верят сейчас в нечто иное, пусть не из живой плоти, но способное стать видимым и даже похожим на живое. Но не более. А мне нужно знание, основанное на действительно существующих или существовавших телах, людях, предметах и их взаимодействиях. Ты занимался всерьёз проблемой святого Северина? Он, я полагаю, в Бога не верил, хотя и говорил его языком и с соответствующими рыданиями в голосе. Так и я — мне нельзя иначе. Он, мне кажется, сумел, пусть и посмертно, сделать то, ради чего остался в Норике, именно потому, что думал «что», а не «кто», хотя говорил иное...

— А ты знаешь, почему он там остался? У тебя есть добавочные сведения помимо труда Евгиппия?

— Я один из потомков родичей его отца. Они поддерживали связь с норикским святым и сумели опознать в нём своего сородича, хотя он так и не раскрылся перед ними. Но — зная, к чему готовил его отец, они не могли не усомниться в его маске, не могли не опознать под овечьей шкурой льва, не могли не вычислить кое-что из его побуждений. Это наша семейная тайна. Ты первый из посторонних, с кем я об этом заговорил.

— Да, тебя недаром выбрал новый папа... Ну что же, времени у нас мало, а просьба твоя потребует многого. Дай мне несколько дней и что угодно для набрасывания хоть каких-то зачатков мыслей, ещё не прозвучавших в моём разуме, чтобы оживить их порознь и слить в некую цельность. Не пергамент — ведь придётся всё потом уничтожить...

— То, чего нельзя тебе или мне написать своей рукой, можно всё же сделать. Без ссылки на тебя. Есть писец высшего уровня мастерства, человек алмазной чистоты и верности, лучший, чем я. И потому в «серые папы» не годящийся. Но это ему не в укор. Библиотеки моего рода и кое-чьи ещё хранят среди запретнейших рукописей прошлых лет и написанное им, а также множество переписанных им чужих трудов. Ему ведомы и тайны скорописи, ныне почти никому более не доступной. Так что можешь спокойно говорить вслух при нем абсолютно всё, а он запишет, перепишет, размножит впоследствии. Тебе ведь нельзя надолго исчезнуть из твоего монастыря — узнают, задумаются, кое-кто начнёт дознаваться — где был и почему. Я бы им не советовал быть слишком любопытными, этим дознавателям, но пока что не могу поручиться, что до всех успею дотянуться. А ведь дело не только в тебе, но и в твоём братстве и в ваших делах. Вы не должны попасть под удар. Но мне необходимо будет не раз и не два перечесть то, что ты мне сможешь сказать в скором времени, прежде чем вернёшься к себе. И всё же прошу поторопиться — вдруг то, что я жду от тебя, способно кого-то спасти или погубить в самом близком времени, а я этого ещё не знаю. И ещё — ты уже достаточно стар...

— Чтобы умереть в любой момент и не успеть выполнить твой заказ?

— Да. Прости за такой довод, но ведь и Северин умер не вовремя.

— Прощать не за что. Я примусь за дело уже сегодня — нужно место, твой писец и... да, нужно уточнение: ведь я могу дать лишь взгляд с птичьего полёта или с ещё больших высот. Хватит ли тебе этого?

— Ты создашь единую картину, а заполнять прорехи в ней уже моя забота. Без них, конечно, не обойдётся. Но вот в «Гетике» Иордана часть таких прорех заполняет «Житие святого Северина». Так и в твоей фреске что-то кто-то заполнит — я, другие подобные мне. Главное, чтобы именно тобой была она написана, эта фреска...

Ныне, в месяце июле 601 года от Рождества Христова, я счёл нужным извлечь из тайника остатки когда-то записанного мною со слов одного из величайших мужей ушедшей эпохи. Когда я сидел возле него и записывал скорописью его беседу с моим другом и спасителем, имя коего утаю и сейчас, ибо нет его, но остались люди, ведущие тот же яростный бой, в котором он сложил голову, а упоминание его имени сможет вывести ищущих на их след, то помнил — при переписке нужно будет сделать всё, чтобы имя говорящего не стало известно двуногой мрази, топчущей италийскую землю. Сейчас я уже могу это имя назвать. Кассиодор. Им уже не уничтожить ни его самого — он ушёл в иной мир без их содействия, ни его дела. А рукопись эта должна привлечь взоры будущих переписчиков не только содержанием, но и именем того, чьи мысли она содержит. Кассиодор — добавлять что-либо сверх этого незачем...

Увы я не в силах восстановить погибшие листы, хотя сам некогда их писал — сначала скорописью, потом начисто, потом дважды переписывал. Что делать — столько чужих мыслей прошло с тех пор через мою голову и столько было записано всякого, что выделить из получившейся смеси чью-то мысль чистой, без примесей мыслей иных авторов, я уже не в силах. Да и превратности судьбы добавочно повредили мою память, так что не только сейчас, нечто желая совершить, я вдруг забываю, что именно мне нужно там, где я стою, и что именно собирался только что сделать. Так что утраченное — беседу Кассиодора с другом моим об очень многом, начатую с подробного разбора «Жития святого Северина», — я восстановить не в силах, как бы ни хотелось это сделать. Лет десять назад смог бы. Теперь уже нет...

А заняться перепиской уцелевшего — повидимому, единственного из трёх переписанных мною экземпляров — меня заставила горькая весть о том, что нет более и той части Норика, который после Диоклетианова раздела провинций на менее крупные и потому надёжнее управляемые был назван Внутренним. В прошлом году беспощадные авары и союзные с ними славяне из племени хорутан, вторгшись со стороны давно уже ими занятой Паннонии, вырезали всё живое вне крепостей, а ныне пришла весть, что и крепости пали все до последней. Из тысяч и тысяч людей, называвших ещё себя римлянами и говоривших на более чистой латыни, чем звучит ныне в Италии, не осталось никого — через перевалы проскочили даже не десятки, а всего лишь несколько человек, утративших от ужаса человеческий облик. Если бы был Бог — с какой радостью я плюнул бы ему в глаза, будучи доставлен на суд его. Но его нет. Что же остаётся мне? Одно единственное: переписать несколько раз уцелевшие эти листы, на сколько хватит пергамента, а не хватит — так соскоблить написанное с каких-либо менее важных писаний, попытаться передать их людям будущего, незаметно подложив в книгохранилища, за судьбу которых ныне можно быть более спокойным, чем за судьбу других. Ныне... А что будет в ближайшие десятилетия или века? Не наделён я даром предвидения. Но что смогу — сделаю, последние силы на это положу. И завещаю тем, кто это прочтёт: будьте не рабами Бога, ибо нет его! Будьте не холоуями земных владык, ибо даже лучшие из них, подобные Теодериху, недаром прозванному Великим Готом, не могут ничего, если нет вокруг них именно людей, а не зверей, не скотов и не рабов. Будьте именно людьми, живущими так, словно они и только они в ответе за всё, творящееся на этой земле и под этим небом.

Трудно? Да. В одиночку и вообще неподъёмно. Ищите же таких, как вы. И следите за чистотой и твёрдостью соратников своих. А я, оставшийся без спасителя и друга моего, именно потому погибшего, что доверился он человеку чистому, но слабому, покалеченный телесно и с повреждённым разумом, могу лишь оставить вам несколько экземпляров оружия для тех, кто сражается разумом, опирающимся на точное и трезвое знание. Для себя же прощу я не от Бога, а от Судьбы, которую в какой-то мере мы сами творим, лишь одного — когда за мной придут, успеть хоть одному из пришедших перехватить глотку, чтобы хоть он уже больше ни за кем не смог придти. И вам, кто будет читать то, что я успею размножить, желаю того же. А имя моё вам не нужно. Человек — вот и всё. Всю жизнь хотел быть именно человеком, а не мразью в человеческом облике. И вам того же желаю. Будьте людьми. А теперь я приступаю к переписыванию того, что прозвучало в разговоре двух истинных людей и было мною записано двадцать шесть лет назад...

— Мне доводилось беседовать с алхимиками, причём я интересовался не тайной получения золота или серебра, волшебных эликсиров и прочих чудесных средств, а возможностью получения веществ, полезных в обычной жизни. Красок, например, для материй, примесей к стеклу или металлам, средств от насекомых. Ведь многое, что в единой империи привозилось извне, теперь к нам попасть не могло. Приходилось думать о замене. Успеха это моё намерение не принесло, так, кое-что по мелочам, но вообще этот путь неизбежен для малых стран, не великих империй... Так вот, как-то мне было показано несколько опытов, один из которых я сейчас к месту вспомнил. Привязали к тонкой нити кристаллик соли каменной и опустили в густой и нагретый соляной раствор, начавший уже остывать. И вдруг этот крохотный кристаллик оброс солью из раствора и стал большим прозрачным кубом с кулак величиной. Так вместо такого кристаллика я намерен использовать «Житие Северина», на которое ты столь уместно сослался — я прикинул мысленно, что оно годится для нашей цели. Евгиппий и сам не знал, сколь качественна проделанная им работа.

— Ловлю на слове. Мы ещё пройдемся по строкам «Жития» — ты знаешь, почему я хочу этого.

— Знаю и одобряю. Мне пришлось в эти два дня подумать и об этом тоже. Начнём со смерти и погребения Северина, с гибели Фердеруха. Для тебя всё, что написано в «Житии», не привязано к земной поверхности, а мне довелось узнать, что страна ругов и последний оплот норикских римлян были чем-то единым — вроде, например, пищевода птицы, расширяющегося в зоб, стенами которого были труднопроходимые, хоть и невысокие горки и холмы. Данубий делил эту долину, с запада на восток протекая, на норикский юг и ругский север. Понимаешь — это общность земли и потому неминуемая общность судьбы. Так вот, нет Северина, но осталась созданная им организация, остались проинструктированные им преемники. Нет Фердеруха, но есть память о нём и о том, что он сделал. Ослабили связи между севером и югом этого, скажем, Комагенисского или Фавианисского поля. И ослабили они не в пользу ругов. Но ещё не время греметь военной грозе в долине Данубия, ещё далеко готы Теодериха, и Одоакр поэтому ещё не встревожен проблемой ругов.

Одоакр и Теодерих... Два вождя. Два человека, представляющие две противоположные системы. Люди, не могущие ужиться, более того — не могущие совместно существовать в одном пространстве... Кто они? Кто стоит за их спинами?

Начинать придётся с давних времён, ибо на итальянских полях с победой Теодериха над Одоакром завершилось то Великое Переселение народов, которое опрокинуло в

небытие Римский Мир. Да, ещё идут с севера и востока новые племена, ещё сшибаются меж собой на западе и юге разрушители империи — это уже иное время, не наше. Они могут ещё сто или двести лет крушить друг друга, а попутно и нас, но мы для них уже лишь камень под ногами, а то и ком глины, который растопчут в пыль. Та эпоха завершилось гибелью государства Сиагрия в Галлии, уходом римлян из Норика, гибелью Одоакра. Значит, надо рассмотреть те причины, следствием которых всё это было.

История возвышения и падения Одоакра есть история деградации Западной империи и соответственно её хозяев, предводителей её вооружённых сил. А ведь первым вождём войск Запада был варвар с душой римлянина — того почти мифического римлянина, которых почти уже не осталось к концу республики, но которые почему-то вновь появились к концу империи. Смею отнести к ним и себя, а ты явно уж из этой породы. Или Экдиций, или Сидоний Аполлинарий до какой-то степени. А уж Боэций...

— А Аэций? Я вспомнил это имя по созвучности. Его тоже так называли.

— Мы к нему и идём. Но пока что я имею в виду Стилихона. Этот сын вандала и римлянки был последним человеком, обладавшим реальной властью и мыслявшим в общеримских масштабах.

Когда в 394 году (я позволил себе заменить в этих списках даты, которые Кассиодор отсчитывал от Основания Рима, на отсчёт от Рождества Христова, ибо предвижу, что в будущем он будет более употребляем) последний объединитель Римского Мира Феодосий бил на венетской равнине у города Аквилеи армию пытавшихся восстановить римское язычество франка Арбогаста и его ставленника — узурпатора Западного трона Евгения, то главной его силой были 20 тысяч вестготов. Тех самых вестготов, которые в 378 году положили трупам под Адрианополем всю армию Восточной империи. Феодосий принял диадему в страшные послеадрианопольские месяцы и сумел совершить почти невозможное: силой и дипломатией сделать победителей федератами империи и своей надёжной опорой.

Вождь вестготов Аларих из рода Балтов, и упомянутый Стилихон были наиболее видными полководцами Феодосия в битве при Аквилеи. Но через год умер Феодосий, разделив между сыновьями только что объединённую империю. Что делать — природа, не пожалев материала и труда на создание такого отца, явно решила отдохнуть на сыночках, так что не только было нужно доверить каждому из них лишь по половине наследства, но ещё и следовало дать каждому по советнику-наставнику с максимумом власти, в первую очередь — военной. И император Запада Гонорий получил таким образом в советники Стилихона, а император Востока Аркадий — патриция Руфина. Трудно упрекнуть Феодосия, что Стилихон оказался на Западе — ведь гуннская гроза шла с востока, поэтому Восточной империи требовался прочный тыл, требовалась обеспеченная поддержка. Стилихон был тому верной гарантией, а на Востоке оставался Аларих со своими вестготами, которым были хорошо знакомы земли от Истра до Эллады, исхоженные ими после Адрианополя, да и в ещё догуннские времена исполосованные готскими вторжениями. Открывать им ещё и западные земли не стоило. А вот с гуннами у вестготов были свирепые счёты, на их сторону они ни за что не перешли бы, так что было кому отражать гуннский натиск, ожидая обязательной помощи от Стилихона... Но вот с Руфином Феодосий явно допустил промах. Не успели его схоронить, как Руфин прекратил выплату жалованья федератам-вестготам. Те, естественно, объявили себя ничем более империи не обязанными, выбрали Алариха королём и стали оглядываться — где что плохо лежит. А поскольку всякий раздел государства может стать началом абсолютного распада его, то Руфин с большой тревогой оглядывался на те провинции, которые раньше

назывались Элладой. Хотя христианские фанатики сокрушили храмы и статуи, созданные гением своих же предков, ещё оставалась память о том, что не было связано с одиозным язычеством — о доблести и мужестве сынов Эллады, о её величии в эпоху независимости.

— Пожалуй, это могло бы воодушевить и тех самых христианских фанатиков?

— Почему бы и нет? Это та грань кристалла бытия каждого народа, которая связана с верой в того или иного бога. Стоило кому-либо додуматься до мысли, что «если наши предки, будучи тёмными язычниками, могли такое, то неужели мы, познавшие свет Христовой веры, не сможем большего?!» — и именно Эллада стала бы первым кандидатом на отделение от империи. Я даже думаю, что кто-то что-то такое уже сказал, что именно поэтому Руфин сначала толкнул вестготов на объявление себя независимыми, а потом намекнул им, что опустошение Эллады не приведёт к немедленному карательному походу имперских войск. Разумеется, если учесть, что нечто в этом духе другие Руфины уже несчётное число раз совершали в последующие годы, причём не только в обеих империях, но и вне римско-ромейского мира.

— Чудовищно! Неужели мне всё время придётся ждать от людей таких действий и таких побуждений?

— Ещё и не таких. Вспомни франкского Хлодвиг. Он не чужих для него эллинов, а своих же франков истреблял. И сам будешь, если потребуется, принимать такие же решения. Никуда не денешься. Как Теодерих никуда не смог отвернуть от этого, и не раз, не два, а многократно не смог. Мне вот не пришлось, хотя иной раз очень хотелось. Но в итоге моего воздержания, возможно, победило большее зло, чем если бы я на такое решился. Вот и Стилихон в конце концов явно сглупил, не сделав то, чего от него ждали...

Он узнал о проделках Руфина с запозданием и кинулся с армией на неподвластную ему землю Восточной империи, перекрывать хищникам дорогу в Элладу. Но опоздал. Уже пылали города и селения, а ручьи и реки текли красные от крови. Сколько последних эллинов погибло в дни Аларихова погрома? Половина? Три четверти? Неизвестно. Но это было концом эллинов. Через столетие Юстиниан придушил последний жар древней традиции уже без всякого сопротивления. Некому было сопротивляться, хотя населения вроде бы стало больше. Но эти вновь народившиеся уже ничего не могли, ибо ничего не помнили, а главное — не хотели помнить. Это были двуногие овцы, рабочий скот, зола отдавших некогда небывало жаркое пламя дров. Кто мог быть назван людьми, а не людишками — погиб ещё в алариховы дни, и потомства не осталось. А если где и вспыхивала искра — её свои же гасили.

— И никогда уже не поднимется Эллада?

— А что до неё тебе?

— Мне, конечно, больше дела до римлян, но ведь и тут то же самое, не говоря о такой мелочи, что и эллины нам родня по той мудрости, которую мы оба — и третий здесь тоже — унаследовали.

— Ну что же... Язык ромеев — он же эллинскую основу имеет, как наши итальянцы, среди которых истинных потомков римлян — жалкая горсточка, говорят на одном из диалектов былой латыни. В Галлии, в Испании, в Рэции, в Норике — не перечислять же мне все провинции Запада — то же самое. Как молодые побеги из старого пня... Так вот — на землях Восточной империи латынью пользуются всё меньше — ромейский одолевает и в канцеляриях тоже, не только в разговорной речи. Не везде, но вокруг Константинополя его сфера всё расширяется. И в бывшей Элладе тоже. А ведь ты знаешь, что все провинции к югу от Истра затоплены славянами, а фракийцы, иллирийцы и прочие

местные жители истребляются так же успешно, как когда-то кельты-норики вырезали прежнее население долины Данубия. Вроде бы славянская речь должна восторжествовать... Но когда славяне осядут, и из роя жалящих имперского медведя пчёл станут обитателями своих колод, друг для друга чуждых, этот медведь станет прихлопывать своей тяжкой лапой каждую отдельную колоду. И уж на территории Эллады славянам нипочём не выстоять, быть им подданными империи и говорить по-ромейски, то есть по-новоэллински. Пусть на это уйдут десятилетия или целое столетие — это неизбежно. А потом придёт время — захотят они (ну — не все они, так лучшие из них) узнать о своих предках. И увидят руины эллинских храмов. И найдут уцелевшие эллинские — не славянские — книги. И скажут: «Мы — эллины!» Доволен?

— Стало жалко славян. Как безжалостна Судьба... Или Бог...

— Можно подумать, что наш с тобой Северин не был безжалостен к ругам, хотя и использовал их... Одного Христа оказалось мало, чтобы все двуногие стали людьми. И пока что нового Христа я не вижу...

Стилихон тогда опоздал и решил хотя бы закупорить волка в опустошённой овчарне. Он перекрыл выходы из Фессалии на Константинополь. Но Алларих извернулся, уклонился от боя и вывел своих вестготов с награбленной добычей через Эпир и Иллирию к Паннонии, как раз в это время занятой бежавшими от подвластных гуннам ругов вандалами и аланами. Он нанёс беглецам такой удар, что они, завалив оба Норика трупами и покрыв их руинами, вырвались в Рэцию. Это было уже территорией Запада, и Стилихону пришлось спешно бросать все наличные силы против сородичей и их союзников. И он выбил их из Рэции на правый берег Рейна против галльской границы, но не успел довести дело до конца, ибо в оставшуюся беззащитной Италию уже вторгся Аларих и дошёл до Медиолана, где заперся император Гонорий. И пришлось Стилихону стремительно возвращаться в Италию и атаковать вестготов в день Пасхи, ибо промедление было смерти подобно. А это кое-кто счёл кощунством и запомнил. Выбитые в горы Иллирии и там окружённые вестготы оказались на грани гибели. А нужно ли было их уничтожать? Предательская политика Востока, умышленно толкнувшего Алариха на Запад и не сделавшего ни малейшей помехи его продвижению в Италию, была ясна и Стилихону, и Алариху. А ведь сдвинутые гуннами народы всё шли и шли с востока на запад, и было ясно, что Восточная империя постарается обеспечить им свободный транзит. Не то что не задержит, а напротив того — подтолкнёт золотом и уговорами на Западную империю. Гори весь свет, только не мы... Не на то рассчитывал Феодосий, деля империю между сыновьями... Так не стоит ли перетянуть Алариха на сторону Запада, с его помощью отбить у Востока Иллирию, сделать её предмостным укреплением Италии, а там подумать и о походе на Константинополь, о коронации сына Стилихона диадемой Востока? На сына Стилихон мог положиться — этот не предаст отца и его дело... Но — не забывай о Гонории. Плевать ему было на судьбу Аркадия, но сын Стилихона на восточном престоле — а ему, недоумку, и тут Стилихон весь мир своей властной фигурой закрыл, ему шептуны неустанно в уши льют клевету, что хочет Стилихон его убрать и вместо него сесть... Стоило бы...

Переговоры с Аларихом были начаты и оказались успешными. Аларих получил высокое звание магистра армии, вестготы стали федератами Запада, а Иллирия фактически была присоединена. Но в Италию ворвалась новая орда врагов. Это была именно орда — ты знаешь смысл этого гуннского слова?

— Очень приблизительно.

— Это людская общность, основанная не на власти старейшин рода или племени. Это объединившиеся по доброй воле отборные воины, выбирающие себе командиров не за знатность, а за способности, отвагу и удачу, хотя среди этих командиров и нередки отпрыски знатных родов и семейств, ушедшие в орду, уже имея выучку и опыт, рядовым воинам малодоступные... Так вот — тут как раз и было объединение разноплеменных воинов вокруг удачливого атамана Радагайса. И цель у них была одна — грабежи и убийства. В её составе были, кстати, 12 тысяч готов-язычников, уклонившихся в своё время от крещения и по-прежнему приносивших человеческие жертвы принесённым из Скандии в эту даль богам. И они прямо заявляли, что не успокоятся, пока не прольют «всю римскую кровь» в честь этих своих богов. А всего у Радагайса было не менее ста тысяч бойцов, ибо в различных документах той поры я находил упоминание и о двухстах тысячах. Но и эту чудовищную угрозу сумел ликвидировать Стилихон, наголову разбив варваров под Флоренцией, часть пленных истребив, а прочих продав в рабство. Но он отлично понимал, что и это ещё не беда, а просто очередная неприятность, что всё это идёт с Востока и что каждый новый вал будет выше прежних. Нужно идти с Аларихом на Константинополь и там, на восточных рубежах Римского Мира, ставить преграду силами обеих империй. Надо... А захотят ли ромеи — не Руфин и ему подобные, а ромеи в целом? Не пойдут ли они на угрозу самоубийства по дурости охотнее, чем согласятся на спасение в общеримских пределах? Об этом уже приходилось думать тогда. Но всё же это был последний шанс спасти несчётные мириады ценой уничтожения оголтелых тысяч. И он уходил в небытие, этот шанс...

В самый последний день того же 406-го года недавно выбитые им из Рэции, но недобитые вандалы с аланами, со свевами, с бургундами, с кем-то ещё из зарейнских племён — на широком фронте переходят по льду Рейн и вторгаются в Галлию. Что делать? Опять бросать все силы на запад? А что новенького поднесёт тем временем восток вообще и Восточная империя в частности? Нет, сначала нужно решить восточную проблему, как бы плохо ни пришлось Галлии... Вот тебе некий аналог предполагаемой мною политики Руфина... Галлия-то и впрямь охвачена огнём и завалена трупами... И тут поднимают голову те нелюди, которые всегда есть в любом народе и в любой державе или вере, но которым обычно не дают слишком громко кричать и тем более действовать, а если уж такие вышли на первый план и некому их унять, значит — скоро этому народу, этой стране, этой религии придёт конец. В Афинах они сожрали Сократа, но это ещё было полбеды, а вот когда они забили камнями сына Перикла и его сотоварища, победивших спартанский флот, но не успевших похоронить погибших своих воинов, ибо надвигался шторм и приходилось спасать последние афинские боевые корабли — Афины погибли в первый раз, как у нас впервые возьмёт Рим Аларих, а там уже и до полной утраты самостоятельности немного осталось. Они всегда уверены, что любой иноковец, иноверец, любой отличный от них человек — не человек вообще и хорош только в могиле или в ошейнике раба. И церковь оказалась одного мнения с этой мразью, словно не учил церковников всех догм уму-разуму Юлиан Отступник...

— Ты, похоже, относишься к нему сочувственно?

— А ты любишь, когда кто-то лезет в твою душу грязными лапами и диктует, что любить и что ненавидеть, как верить и чему верить, противореча при этом полностью той самой вере, которая его возвысила? Ты в восторге от тех, кто до твоего патрона занимал престол святого Петра в Риме и патриаршьи и епископские посты в иных местах? Твой патрон, с твоей точки зрения, от святости лопается? Не забывай, кем и в каком государстве я был, какому государю мне довелось помогать и отчего погибла созданная им держава. Мне ли не понять Юлиана, на глазах у которого христиане всех догм всего

через полвека после признания их веры государственной погрязли по уши в грязи и в дерьме, но продолжали драться меж собой за власть над душами людскими!..

— Успокойся. Мы ведь договорились заранее о нашем отношении к этому. Меня интересовало лишь твоё отношение к Юлиану. Продолжай, прошу тебя.

— Прости за вспышку. Даже теперь ярость охватывает, когда всё это вспоминаю. А каково мне было узнать это впервые, когда по моему заданию составлялись своды документов по каждой ключевой проблеме прошлого.

— Ты сам додумался до этого? Или кто-то до тебя уже так поступал? И где эти своды? Неужели погибли?

— Начисто. Ещё до гибели Амаласунты постарались ревнители римской чистоты — а её пожрали ревнители готской. У них ведь тоже приближалась гибель, её можно было лишь тем избежать, что перестать быть готами, слиться со всеми, собравшимися в Италию, в какой-то новый народ. Вот эти и вылезли — как бубоны у больного чумой... И рукописи сгорели, и люди мои, подобранные, были перебиты. Только у меня в голове и осталось кое-что из прочтённого тогда. Сейчас хоть что-то пойдёт в дело — спасибо за это. А делал ли так кто-то до меня — не знаю, но полагаю что не я один такой умный. Вот и ты пришёл к тому же, только у тебя времени и сил меньше. Да и мне приходилось до слишком многого самому доходить — исполнители были, верных соучастников моего уровня не было. Боэций мог бы стать таким, но им овладела ненависть. Не ко мне — к общим нашим владыкам-готам. Просто за то, что они не мы, не римляне, не итальянцы, не кафолики... И она пересилила. И погубила — и его самого, и готов, и итальянцев — пусть не всех сразу, но — почти всех в конце концов... Кстати, полное его имя — Боэций Аниций Манлий Торкват Северин, если ты этого не знаешь. Вспомнилось потому, что наш Северин тоже явно не имел соучастников при жизни, тоже лишь исполнителей, работавших вслепую... Но вернёмся к делу...

Церковь держалась того же мнения, что и упомянутые охвостья человечества. Ведь варвары были либо еретиками-арианами, либо и вовсе язычниками. А Стилихон с ними либо переговоры ведёт, вручая им собранное с добрых кафоликов золото — нет, чтобы церкви отдать! — либо позволяет им зверствовать на имперских землях. И всё для чего? Чтобы сына своего императором сделать?! А там и нашего дорогого, великого, мудрого Гонория прикончит и сам на его место сядет! Измена! Он нарочно подбил своих родичей вандалов вторгнуться в Галлию!! Смерть ему!!!!.. Кампания эта велась не только яростно, но и умело. Стилихон потерял влияние в большей части армии, а император, как и всякий недоумок, ненавидевший своего сильного и умного советника уже за ум и силу, да ещё за необходимость ему подчиняться, почувствовал, что может от него избавиться. И он объявил, что Стилихон изменник и что его следует арестовать и казнить.

Но ведь были ещё верные вождю части, в том числе войска Гауденция, сыном которого был Аэций. Они только приказа ждали, не решаясь начать сами. А следовало бы... Но отвага солдата — казарменная отвага. Он пойдёт геройски умирать по приказу идиота, зная, что тот — идиот, а сам не сделает того, что ему яснее ясного. Впрочем, за полтора-два века до этих событий в солдатских шкурах таилась иная начинка и они слишком уж часто делали то, чего им не приказывали. И перебили в конце концов друг друга, а Рим покатился к пропасти... Так что не упрекать я хочу Гауденция и прочих римских солдат и командиров, а указать тебе на общее для них тогда, на общее для солдат раньше, чтобы ты теперь это мог учесть... Но Стилихон не отдал приказа, решив, что не вправе ради себя и своих развязывать усобицу и подрывать силу империи. И был казнён вместе с сыном, а потом погибли его друзья и единомышленники, гибли их друзья,

гибли последние римляне по духу — с тех пор оставались уже лишь песчинки от того, что некогда было несокрушимой глыбой. Песчинки и кое-где мелкий щебень...

А потом торжествующие победители лишили Алариха звания магистра армии и прекратили выплату жалованья его вестготам. И Аларих, естественно, вторгся в Италию и осадил Рим, уже не бывший резиденцией императора, перебравшегося с двором в прикрытую болотами Равенну. Была взята с римлян контрибуция, были выданы вестготам или перебежали к ним рабы варварского происхождения (в том числе и те, радагайсовы, взятые под Флоренцией). Начатые переговоры затянулись, ибо Гонорий надеялся на набранное из гуннов новое войско, а Аларих был озабочен увеличением своего войска и соответственным ростом трудностей со снабжением...

Учти на будущее — большое войско может сожрать само себя, если его противник сумеет ему в этом помочь, если заранее позаботиться об этом... Поэтому Аларих постепенно снижал требования: сначала он требовал обе Венетии, Далмацию и Норик, то есть ключевую к обеим империям местность, что указывает на его стратегические способности, но одновременно — на то, что он слишком уж низко оценивал римлян — такое ему отдать было абсолютно немыслимо, даже самым безнадёжным тупицам это было ясно. В конце концов он просил уже только Норик, но и в этом ему было отказано. Тогда он попытался противопоставить Гонорию своего ставленника Приска Аттала, но тот оказался очень ненадёжным слугой варвара-арианина (порой и такая вот болезненная нелюбовь к инородцу-иноверцу идёт на пользу). Если бы те, кому это положено, параллельно с переговорами готовили вооружённые силы империи!.. Но ведь никому из хороших командиров веры не было — они были из стилихоновцев, а кое-кто и с Аларихом вместе служил общему господину. Этого хватало, чтобы их всех подозревать в возможной измене. А тупые солдафоны из отступившихся некогда от Стилихона просто не имели мозгов и подготовиться не смогли. И, в конце концов, когда вестготы были доведены до необходимости применить силу в полную меру — они смели с пути к Риму всех, кто неумело пытался защищаться, а умные, но опальные плюнули на эту не верящую им власть и увели своих солдат в сторону от вестготского тарана, всё сметавшего на пути своём. Рим был осаждён на этот раз вмертвую — Аларих твердо решил не отступать. Доведённый голодом до отчаяния город в конце концов был взят — ворота открыли рабы — и разграблен, но империя не была уничтожена, об этом Аларих и не думал. Уразумев, что «ворота» империи ему всё же не дадут, как бы худо ни пришлось, он стал требовать уже не как федерат, а как завоеватель какие-нибудь богатые и безопасные стратегически территории для поселения своего народа. Пока шли переговоры, он поглядывал в сторону плодородной и удалённой в самый дальний конец Римского Мира Африки и даже немалый флот подготовил. Но флот разметала буря, а сам он вскоре умер, что несколько напугало его преемников, и они довольствовались землями в южной Галлии, где и возникло первое варварское королевство на римских землях. А в Африку вскоре вторглись вандалы с аланами, бежавшие от слишком опасного соседства с вестготами через Испанию и пролив Мелькарта. Юг Испании, где они несколько задержались, с тех пор зовут Вандалусия или Андалусия... Свевы обосновались в Астурии, бургунды тоже начали захватывать часть Галлии по Роне, с севера насели на Галлию франки, создавшие к тому времени сильный племенной союз, а в покинутую римскими легионами Британию вторглись англы, саксы, юты и фризы. Правда, британцы их пока сдерживают, но боюсь, что уже из последних сил... Дорого обошлась империи смерть Стилихона...

В это время и начинает восходить звезда Аэция — римлянина с повадками даже не варвара, а... ну как бы это сказать точнее... Пожалуй, можно назвать душой человека совокупность его качеств, черт его характера, морали его, всех внутренних устоев его

личности. Устои же эти создаёт породившее его общество, та его часть, где он родился и вырос. Так вот — Аэций вырос двуногим зверем, ладно хоть — не шакалом или волком, а скорее — тигром, не по своей вине. Родился он в семье магистра конницы Гауденция, отвагой и разумом привлечшего некогда благосклонное внимание Стилихона. Именно поэтому, когда вестготы уходили из поверженной Италии, в число заложников был включён Аэций — власти старались отделаться от сына опасного человека и одновременно поставить отца в зависимость от себя. Не успел юноша перевести дыхание, вернувшись от вестготов, как снова был направлен заложником — на этот раз к гуннам. Годы провёл он вне римского общества, причём среди победоносных врагов его. Так что не приходится удивляться, что римская этика и мораль, в ту пору уже крайне ослабленные, не уцелели в его душе и что воспринятое им у вестготов было также вытеснено и убито в нем у гуннов. Но и гуннское тоже погибло — видимо, получилось нечто вроде встречного пала, которым, я читал, встречают степной или лесной пожар, чтобы две сходящиеся стены пламени сожрали всё, могущее гореть, и осели, утратив пищу. Так и все три кодекса нравов, этики, чести, попавшие в его душу, исчезли, выжгли друг друга.

И остался двуногий, внешне похожий на человека, с именем римлянина, с повадками тигра, со знанием и пониманием всех сильных и слабых сторон и римлян, и готов, и гуннов, и других варваров. Он был талантливым командиром, любимым воинами вождем, умел найти общий язык с воинами любого племени, сумел подобрать верящих ему офицеров. Но он имел одну лишь цель в жизни — высшую власть военачальника, а значит и вообще высшую власть в империи римлян. Только для этого будет он защищать империю, силу которой, однажды захватив, уже не отдаст никому. Но никогда не склонится ни перед имперскими, ни перед церковными законами, не попятится ни перед регентшей Галлой Плацидией, ни перед её сыном — императором Запада Валентинианом Третьим. Никому не отдаст он власть, любого прикончит, ни перед чем не остановится...

— Скажи, а были похожие на Аэция люди, скажем, у Юстиниана в годы завоевания Италии?

— Нет! Империя следила за происходящим на Западе и принимала меры. Было — кому их принимать. Скорее их было слишком много, это мешало, но меры принимались всегда вовремя, пока Юстиниан не перенапряг её силы и слишком много растратил и уничтожил попусту. Потом начались осечки, срывы, но пока что империя ромеев не оскудела людьми в пользу людишек настолько, чтобы погибнуть, как погиб Запад. Юстиниан же служил не столько самому себе, как Аэций, сколько ошибочному своему убеждению, что он один знает волю Господа, и уполномочен им сделать весь бывший Римский Мир Миром Ромейским и втянуть в этот мир и все прочие земли. Это не Аэций. Тот служил лишь самому себе и той силе, которая была продолжением его самого — своей армии. Понимаете, вы оба — империя была для него продолжением армии, а не наоборот. Он не хотел повторять ошибку Стилихона, погубившую его. На Востоке это поняли, и сколько бы там ни было людей-тигров, могущих вроде стать Аэциями, на них заранее находилась управа. Мы ещё остановим свой взгляд на этих людях...

Три десятилетия держал Аэций власть в своих стальных руках. Тридцать лет он метался по Галлии — основному театру военных действий в его пору, отбрасывая, карая, уничтожая, подчиняя, стравливая. Каждый его поход и каждое сражение, даже малая стычка, проводились так, словно это было последнее усилие в его жизни, то есть с максимальной энергией. Все попытки вестготов раздвинуть пределы своего королевства жестоко подавлялись — несколько раз дело пахло поголовным истреблением народа. Неоднократно были биты франки, почти совсем было задавлено мужицкое движение

багаудов, с которым столетиями не могли справиться римляне. Но вершиной его жизненного успеха было создание антигуннской коалиции народов, остановившей полчища Атилы на Каталаунских полях. Атила и Аэций были знакомы ещё со времён заложничества его у гуннов, но не поэтому Атила, будучи уже загнан в свой лагерь и окружён, уже соорудивший гигантский костёр, чтобы броситься в пламя, избежать плена, вдруг получил возможность уйти, а ведь можно было с ним покончить! Так почему?

Потому что Аэций не захотел ликвидировать ту силу, которая могла при случае сковать Восточную империю или тех же франков либо вестготов. Он уже не пытался, как некогда Стихон, мыслить общеримскими масштабами, он уже был деятелем местного значения, с гораздо более узким кругозором, способным только огрызаться, только отдалять катастрофу, в которую просто не верил. И это сказалось в последние месяцы его жизни, когда Атила вторгся в Италию и не было сил его остановить — гуннов остановила возникшая среди несчётных тысяч трупов под жарким итальянским солнцем чума, давшая толчок к суеверному страху — ведь и Аларих когда-то умер от сходной болезни, хотя не только чума меж трупами зарождается и теперь не скажешь, что унесло первого покорителя Вечного Города... Правда, Атила вскоре умер, и его держава распалась — тогда-то и произошла битва при Недао, случайная причина тому, что возвращавшийся из стран Востока босоногий монах Северин не смог пройти к Венетской равнине и свернул в Норик, чтобы пройти через Альпийские перевалы, да там и застрял до самой своей смерти. Но рядом с Италией обосновались остготы — в «Житии Северина» они названы просто готами — сильнейшее из варварских племён в послегуннское время. А это уже грозило самой Италии. Но Валентиниан Третий не понял этого. Ему показалось, что с распадом гуннской державы исчезла необходимость в ненавистном Аэции, и он собственноручно убил лучшего полководца Запада. Не прошло и года после этого дня — Аэций был убит 21 сентября 454 года — как один из дружинников Аэция, гот Оптила, мстя за своего вождя, убил Валентиниана. Этот удар мстителя дал повод вандальскому королю Гейзериху почти немедленно, в мае 455 года, якобы из мести за императора, захватить Рим и устроить там двухнедельный погром, породивший слово «вандализм». Я не думаю, что вандалы заслужили прочно приставшую к ним чёрную славу. В конце концов, их флот плыл к Риму из Карфагена, построенного там, где века простоял стёртый римлянами с лица земли великий Карт-Хадашт, известный нам как Карфаген-пунийский. Но ни его гибель, ни гибель сотен других городов и тысяч селений, ни уничтожение целых цивилизаций (как галльская-друидская, к примеру) в процессе создания Римского Мира — не создали термина «римлизм», а ведь куда вандалам до римлян! Правда, они не успели ничего создать сами — через несколько десятилетий весь народ был уничтожен, но это уже другое дело. Нам с тобой стоит вспомнить, что вандалы были так же близки ругам по крови и языку, как готы гепидам или эллины македонцам, а ведь о ругах у нас с тобой мнение не самое скверное.

— Тебе могли бы возразить, что среди детей одного отца попадаются как красавцы, так и уроды, но я спрошу о другом. Ты встал выше уровня, с которого боль и раны своего народа, своей земли кажутся страшнее, чем то же у других. Я просил об этом сам, но — хорошо ли это для политика?

— Политик должен знать истинную цену всему, в том числе и своему народу, своей стране, своему государю в данное время и в любой из прошлых моментов истории. Иначе не учтёт ненависти тех, кого когда-то обидел его народ, и проиграет свою партию в игре или целую войну, а то и весь свой народ в могилу утащит.

— Не сердись, что я прерываю. Я сейчас как малый ребёнок на первом уроке, я не стал ещё хоть какой-то частью Учителя своего. Приходится прерывать.

— Это твоё право и твоя обязанность, ибо многие жизни, не только того, кто призвал тебя к этому служению, будут зависеть от тебя. Вернемся, однако, ко времени после вандальского погрома. Ставший после смерти Валентиниана Третьего императором самозванец Петроний Максим правил лишь с середины марта по конец мая 455 года — он бежал от вандалов и был убит. И теперь один император сменял другого и ни один не имел власти — за них правил варвар во всех смыслах этого слова — сын короля свевов и дочери короля вестготов Рикимер, возглавлявший армию империи с 456 по 472 год. В октябре 456 года он смещает и убивает императора Авита, в августе 461 года — Майориана, по 465 год он вертит как хочет Ливием Севером, а после его смерти два года вообще обходится без императора. С 467 по 472 год он кое-как терпит Анфемия, но убивает и его в июле 472 года, а вступивший было после этого на престол Олибрий умер на четвёртом месяце «правления» 23 октября 472 года. Вообще-то Рикимер не только императоров истреблял — он, например, разгромил в Галлии аланов. Но всё же на первом месте для него была «внутренняя война» — из судеб Стилихона и Аэция были сделаны надлежащие выводы. Перечисленные мною недолговечные императоры отнюдь не были поголовно бездарными ничтожествами. Если Авиту довелось воспитать своего сына Экдиция одним из последних героев Римского Мира, о коем я ещё упомяну, то и сам он должен был быть человеком достойным. А Майориан был отважным воином и талантливым полководцем — сам ходил в походы, одержал ряд побед, отстаивая галльские земли. Но уже никакие таланты, никакие победы, никакие изданные тем же Майорианом разумные указы не могли помочь: сила Западной империи была в руках Рикимера — патриция, магистра обеих милиций, то есть пехоты и конницы, признанного вождя варваров-федератов — главной ударной силы империи. Главной и чуждой... Будто бы ещё Аэций, обходя в первые свои дни какой-то легион и узнавая в воинах то франка, то гота, то алана, вдруг остановился и недоумённо спросил какого-то легионера: «А ты кто родом?» — и тот с горькой усмешкой сказал в ответ: «Увы, я всего лишь римлянин». А через три десятка лет соотношение сил в армии ещё более изменилось в пользу варваров-федератов. Так что Рикимер был неодолим и смену подготовил соответствующую — своего племянника Гундобада, который по его приказу убил императора Анфемия. Это убийство было уже вторым вызовом Рикимера Восточной империи: ещё Майориан стал императором Гесперии, «лежащей западнее», так на Востоке стали звать Западную империю, лишь с санкции восточного императора Маркиана, а Анфемий — патриций восточного императора Льва — был попросту направлен тем на пустовавший престол. А Рикимер его сверг, осадил в Риме, взял в плен после пятимесячной осады и велел убить... Знал ли он, чем грозит вызов Востоку? Знал, конечно. Но он уже не был даже Аэцием, который в силе своей империи видел свою силу. Он думал уже только о силе верных ему войск, видя их в отрыве от государства, и сменивший дядю Гундобад был ему подстать — возвёл вместо убитого Анфемия своего ставленника Гликерия, не признанного на Востоке и потому правившего всего около года — с 5 марта 473 года по 24 июня 474 года.

— Как ты запоминаешь не только годы, но и месяцы с числами? Выписал в эти два дня? Так я не вижу, чтобы ты смотрел в записи...

— На плохую память я никогда не жаловался, а когда приходится постоянно держать в голове тысячи имён, фактов, дат и прочего, то она развивается до неправдоподобия. Слишком многое я не мог доверить записям, только в памяти держать можно было. Полагаю, что и Северин был именно в таком положении, и не он один. Кто не справлялся — погибал, а покойника ты не пригласил бы с кладбища. Если выживешь — тоже будешь потрясать учеников памятью и другими качествами...

А потом Лев Первый отправил в Италию флот под началом магистра далматинской армии Юлия Непота, который Гликерия низверг и приказал посвятить его в епископы города Солоны в Далмации. Сам же Юлий Непот получил от своего императора диадему Запада. Гундобад даже обороняться не стал и убрался в Бургундское королевство, сойдя с римской сцены...

А пока всё это происходило, вестготы беспрепятственно расширяли свои владения в Галлии, и так было, пока они не вторглись в область Арвернов, ныне искажённо именуемую Овернью, где главным был город Клермон, епископом коего был поэт и историк, человек вроде бы легкомысленный и для власти непригодный, получивший эту синекуру от какого-то покровителя — Сидоний Аполлинарий. И тут случилось нечто небывалое: не жители отдельного города, защищавшие свои жизни и свободу, а поголовно всё население этой провинции оказало им яростный отпор. Военным вождём стал сын покойного императора Авита Экдиций, а Сидоний Аполлинарий вдруг переродился и стал духовным вождём сопротивления с поистине огненным словом, воспламенявшим души людские. Видно — было в тех местах достаточно людей с душами-углями, а не душами-золой, было кого воспламенять... И долго вестготы ничего не могли поделывать, но очень уж неравны были силы, а из Италии помощи всё не было — не от Рикимера же с Гундобадом было её ждать сыну убитого Рикимером Авита! Но и от Юлия Непота не было помощи, а напротив — пришёл Экдицию приказ сдать ещё удерживаемые земли вестготам. А магистром армии вместо сброшенного Гундобада и вместо героя Экдиция император Юлий Непот, вроде бы долженствовавший заботиться о своей империи и в этот момент свободный от нажима Рикимера и Гундобада, поставил патриция Ореста — римлянина из Паннонии, беспринципного прохвоста, начинавшего свою карьеру одним из секретарей Атилы.

— Но, Учитель, ведь помимо Рикимера и Гундобада были их выученики, тот же Одоакр, которому остался один лишь соперник — этот Орест...

— Да. И Непот обязан был это учитывать. В этот момент он мог это сделать, но не сделал. Почему?

— Не подрывал ли он силы Запада умышленно? Не был ли он лазутчиком, которому поручено убить часового и открыть путь во вражью крепость?

— Похоже, что именно так. Видимо, Востоку было выгоднее полностью ликвидировать Запад, чтобы только одна империя осталась в пределах бывшего Римского Мира — ромейская, заселённая новым народом, ещё многоязычным и многокровным, но уже сплавляющимся в нечто единое. Но делали это не торопясь, как бы прикрываясь привычным идиотизмом высшей власти, судить которую всё равно нельзя, ибо «нет власти не от Бога». Возможно, выжидали, пока вымрут или будут выбиты последние римские патриоты, которые ещё будут пытаться что-то сделать. Чтобы унаследовать кладбище, а не осиное гнездо... Вот Орест и сделал предпоследний шаг к падению Западной империи: он пообещал своим варварам-федератам треть италийского земельного фонда и, опираясь на них, сверг Юлия Непота и выслал его обратно в Далмацию. Пощёчина Востоку? Да. Но почему же не было ответного хода? А зачем? Пусть делает то, для чего его на этот пост высланный Непот ставил. Лавина движется, нужно лишь её направить, подтолкнуть, втянуть добавочные массы снега и камней, для этого нужны расчёт и выдержка. Они у империи были — в верхах могли жрать друг друга, а чиновники, ведающие делами Запада, своё дело продолжали делать — их работа была рассчитана на десятилетия...

Непот сброшен в августе 475 года, а в октябре Орест провозглашает императором своего юного сына Ромула Августа, словно в насмешку названного именами основателей Рима и империи. Но в историю этот красивый мальчик вошёл как Августул, «Августишка» — ибо стал последним императором Римского Мира. Осталась Восточная, Ромейская, может быть — «византийская», если называть её по предшественнику Константинополя Византию, империя, но Римской уже нет и не будет, ибо нет римлян. Мальчик правил уже тенью, да и власть его была тенью власти отца, а власть отца — тенью власти Рикимера, а власть Рикимера — тенью власти Аэция... Недолгим было его квази-правление и недолгой жизнь. Ведь пока шла вся эта свалка вокруг трона, на западе усиливались вестготы, на юге вандалы, на востоке империя. Но особенно режущей по живому мясу казалась угроза стоявших у самого входа в Италию остготов — не было никаких природных преград, способных их удержать, а сил всей несчастной Гесперии не хватило бы против их силищи. Сокрушив всех своих соседей-варваров, сломав их последнюю попытку выстоять на реке Болии в 469 году, они во время карательных походов в земли всех своих противников (кроме бывших очень уж на отшибе и защищённых природой ругов) вдруг увидели, что и грабить уж больше некого.

И тогда весь этот могучий народ с громким криком приступил к двум из трёх правивших им братьев Амалов — Тиудимеру и Видимеру, ибо, третий — Валамер — уже успел умереть, требуя хоть куда, да идти из Паннонии. Братья бросили жребий и Видимеру выпало вести своих на Гесперию, а Тиудимеру — на Византию.

Трудно найти лучшее подтверждение остготской силе того времени: спокойное убеждение в том, что обе половины племени, расходясь в совершенно разных направлениях и не имея возможности друг другу помочь, не просто победят, а победят легко, без большой крови, словно не на войну собрались, а на охоту или даже просто в лес за грибами или ягодами — на варварском севере это принято — так и сквозит в этом решении.

Вот тут мы снова можем соприкоснуться с «Житием Северина». Помнишь, как жители Тибурнии вели борьбу с некими варварами с переменным успехом, а потом заплатили выкуп из собранных в десятинный фонд одежд — в семнадцатой главе? Писалось-то «Житие» Евгиппием уже под властью остготов, так что поминать их лишний раз он не рискнул. А мы знаем, что Видимер двинулся именно через Внутренний Норик. Вряд ли он опасался горячей встречи на Венетской равнине — скорее просто душа не позволила не ограбить попутно столько лет не трогаемую и совсем рядом лежавшую территорию. Но напоролся он там на что-то такое, чего одним норикам не припишешь, а перевалы в Италию могли быть перекрыты имперским войском, что заставляло спешить. Поэтому он и ограничился выкупом и собирался впервые в римской истории вторгнуться в Италию через перевалы со стороны Норика. Но почему-то затоптался в Норике и при этом ничего не разрушил и не истребил. А потом, уже весной 473 года, спустился в Италию, где его вместо войск встретили посланцы нового императора Гликерия и как-то сумели уговорить отправиться к братьям-вестготам, видимо, при участии кого-то, о ком я так и не смог узнать. Что-то во всём походе Видимера непонятное... Сам он тут же умер, так что дальше его народ вёл его сын, тоже Видимер. Что же, они не прогадали — держава вестготов стремительно разбухла в то время, так что пополнение пришло очень вовремя и было встречено с почётом.

Видимо, именно этот эпизод заставил империю обратить своё внимание на северные земли — не случайно Евгиппий в двадцатой главе упоминает об отправке гарнизоном Батависа ходоков в Италию за жалованьем — оно ещё поступало на данубийский рубеж в эти последние годы. Но тут закрутилась вокруг западного трона

последняя карусель, в которой всё большее участие принимал один из беглецов с берегов Болии — Одоакр.

Сын короля скиров — почти уничтоженного остготами племени — он участвовал в битве при Болии, когда остатки его народа вместе с воинами уничтоженных почти полностью или ожидавших того племён, доведённых до предельной ярости и отчаяния, попытались взять реванш — и потерпели страшное поражение. Среди беглецов, шедших через Ругиланд и Норик в Италию, были и такие, которым приходило в голову заручиться благословением уже приобретшего популярность святого Северина. Был среди них и Одоакр. И Северин его заметил, выделив среди других, предсказал славу, удачу, власть — а что ещё нужно заново начинающему жизнь человеку, как не вера в успех?! Ведь Одоакр был сын короля скиров, а в Италии скопилось уже немало скирских беглецов. Вот и стоило им узнать, что среди рядовых дорифоров-копыеносцев — императорских телохранителей — оказался Одоакр — как потянулись к нему, урождённому вождю, имевшему к тому же и способности, и какой-то опыт. Возникло скирское землячество, пополняемое теперь всеми приходящими скирами. Такова норма поведения людей, привычных к племенной организации. Стоит ли удивляться, что Одоакр, оказавшись главой скифского землячества, проявляя активность вследствие уверенности в обещанном Северином успехе, попал на глаза всесильному Рикимеру и был им приближен? Не стоит. Скиров было слишком мало, чтобы они стали опасными, а польза от этой сплочённой группы была. Но Рикимер возглавлял не племя, а орду. Войска империи были именно ордой, объединяя и организовывая людей разных кровей, языков, вер, обычаев, но одной судьбы. Землячества были — с этого начинал всякий новый пришелец со стороны, начиная искать своих хоть в чём-то близких. Но знакомец его и в какой-то мере сородич — в другой центурии, в другом отряде. Рядом — другие. Или он поддержит их, а они его, или им всем грозит гибель. Приходится держаться друг за друга, верить свою судьбу достойнейшим, а не знатнейшим. Одоакр поначалу притянул к себе скиров тем, что был сыном их короля, но — не прояви он способностей и не будь, как говорят солдаты, настырным — от него бы отступились... Заметь — ломка в человеке кодекса рода и племени лишает его этики, морали лишает, а кодекс орды — если он пришёл в готовую орду — пропитывает его не сразу. А если орда только ещё возникает — кодекс приходится вырабатывать по ходу дела, причём методами драконовыми. Иные на этих отборных двуногих, утративших свой прежний кодекс и потому расчеловечившихся, просто не действуют. Отсюда свойственная солдатам жестокость и кажущаяся бездуховность — они живут в иной сфере и подвержены вот этим внешним воздействиям и вот этому внутреннему перерождению. Пойми теперь, в какую переделку попала душа Одоакра — в ещё более крутую, чем когда-то у Аэция. Интересно, провидел ли Северин это заранее, но что наблюдал он за Одоакром издали после его возвышения и стал предугадывать его поведение — несомненно...

Так вот — армия, сплошь варварская по составу своему, стала при Рикимере совершенно самостоятельной силой, абсолютно чуждой населению империи и даже государственной машине. Одоакр в этих условиях получил в лице Рикимера отличного учителя. А ведь тот его приблизил, поднял над другими, учил вплотную — не издали, а лично, словом, делом и примером учил. Вместе с Рикимером восстал Одоакр против императора Анфемия, вздумавшего, будучи ставленником Востока на западном троне, вести самостоятельную политику. Ишь, чего захотел! — мы тут хозяева, империя — наша, как для крыс оказывается своим утащенный кусок сыра... И тебе, дураку, этого объяснять не будем, просто прикончим и другого поставим — посообразительнее и попослушнее. А то и без него обойдёмся... Такой вот урок... Пять месяцев восставшие осаждают Рим —

хороший урок для Одоакра — ведь в эти месяцы к Рикимеру и его окружению, а значит и к Одоакру сходятся вести из всей империи — как на это кто где откликнулся. Взятый в плен Анфемий убит — увидеть смертельный удар, уложивший не кого-нибудь, а императора, пусть и завалящего — это немногим дано, это учит, что и императоры подвержены смерти. Это вызвало вмешательство Восточной империи — вот ещё урок — предостережение... Но чужак в Италии Орест, пообещав солдатам треть италийской земли, свергает ставленника ромеев — отличный урок!.. Одоакр учится, делает карьеру, делает выводы из уроков жизни, его разум в бешеном темпе переваривает все уроки и вырабатывает программу действий на будущее. Ибо это будущее ему обещано. Северином обещано... Но оно в раскрытый рот не свалится — его самому зубами вырвать у судьбы нужно... Через шесть лет после Болии недавний беглец в драных шкурах уже является одним из виднейших вождей федератов — не только скиров, но и воинов из других племён. И, видимо, помня о пути через Ругиланд и о Северине, о котором он узнал именно от ругов, он уделяет большое внимание воинам-ругам. А может и по другой причине, но уделяет им внимание вплоть до создания из них группы-землячества, до создания племенного скопления внутри войска-орды. Королём скиров ему не быть — они рассосались, заняли какие-то посты в войске и державе, а вот руги всё прибывают... С чего бы? Флакцитеева ли задумка? Или Февина? Или само по себе всё выходит? В любом случае судьба даёт ему добавочную силу, которую следует приручить... И он видит, слышит, чувствует, что пришло время сделать тот последний шаг, на который так и не решился Орест, не сдержавший обещания, не отдавший своим воинам обещанную треть италийской земли. Да, теоретически решив задачу, Орест не посмел осуществить решение на практике. А Одоакр был просто носителем силы, и ничто кроме такой же силы не могло его удержать. Он пообещал своим сторонникам треть всей обрабатываемой италийской земли — и дал её. Орест был убит 28 августа 476 года, а через неделю — 5 сентября — был свергнут и Ромул Августул, официально пощёженный за красоту, а фактически — чтобы стать одним из козырей Одоакра в борьбе за удержание власти.

— Но ведь он умер очень быстро. Слишком быстро. Не была ли его красота тому причиной?

— Имеешь в виду насилие над его телом и потрясение духа до нежелания жить? Мнения такие были, но подтвердить никто не мог. Да вряд ли и остался бы в живых кто-либо из свидетелей такого. Не знаю и не хочу гадать. Но тебе придётся не раз сталкиваться с такими возможностями и реальностями, так что вопрос уместен. Думаю, однако — в ответ на твой вопрос — что Одоакру было невыгодно вляпываться в такую грязь самому, а оставлять такое «лакомство» другим — ещё более глупо, даже если бы он и впрямь был любителем такого разврата. Но у варваров заданубийских племён это не наблюдалось... Нет, вряд ли. Одоакр ведь был не единственным претендентом на успех, были и другие популярные вожди, но они опоздали и потому погибли — как комиты Бракила и Адарики, оба несомненные варвары по происхождению.

— Как по-твоему, термин «комит» — это искажённое «комес», означающее товарища, спутника по-латыни? Что это значит у варваров?

— Полагаю, что речь идёт о ближайших к вождю или королю людях, вроде «графов» у лангобардов. На Востоке, кстати, по-прежнему звучит именно «комес», хотя там ромейский язык вытесняет латынь...

Так и не стало больше даже Гесперии, не стало и её политики. Одоакр в период закрепления успеха был вынужден смотреть сквозь пальцы на потерю ряда территорий, в том числе и в Прибрежном Норике, где алеманны с тюрингами продвинулись до реки

Эннс, а население скопилось под защитой ругов в зоне Фавианиса-Комагениса, возглавленное Северином. И Прованс тоже был утрачен... Вестготы были для него менее достойны внимания, чем Восточная империя и остготы. Пусть берут Прованс, сейчас не до них. Он уже тогда чуял угрозу именно от остготов — не только в память о Болии, ему было ясно, как и любому настоящему политику, что рано или поздно с ними, именно с ними придётся ему столкнуться. Ещё и потому, что они, разинув свою зубастую пасть на ромейскую империю, вдруг увидели, что кусок не по зубам, что можно и подавиться, и стали федератами, но слишком опасными для империи федератами, а потому их неминуемо постараются куда-то направить — туда, куда они и сами хотели бы двинуться, а тут уж кроме Италии просто некуда. Италия ведь — не империя, она слабее и доступнее, к тому же издавна их манила, а уж империя их подтолкнёт. Ведь в Константинополе весьма неодобрительно отнеслись к перевороту Одоакра, отославшего туда императорские регалии и — от имени Ромула Августула — прибавившего послание, что Италия в отдельном императоре не нуждается, а с итальянскими делами вполне управится опытный воин и политик Одоакр. Тут было и согласие признать номинально верховную власть Востока, и вежливый намёк, что новые Анфемии и Юлии Непоты не требуются. Это отлично поняли на восточном троне и вокруг него, радости не проявили, с признанием Одоакра тянули... Я уже сказал, что, повидимому, план погубления Гесперии был рассчитан на годы и годы вперёд, так что для его исполнителей тут не было слишком большой неожиданности, но и Одоакр со своей стороны кое-что соображал, так что далеко не всё происходящее выполнялось по ромейским задумкам. Нужно было Одоакру готовиться к схватке — и он готовился. Занял фактически ничейную в то время Далмацию — она оказалась отрезана от тела империи во время вторжения готов Тиудимера и Теодериха. И — обратил особое внимание на заальпийские территории, на оба Норика, на ругов. Особенно на них. Ведь объявил себя «королём Италии», но это — для итальянцев, а ещё он называл себя «королём племён» и «королём торкилингов и ругов», обратите оба на это внимание! Я говорил — он был вождём армии-орды, но ругов выделил, а это не случайно. Он все ещё колебался, какая форма организации лучше для его воинства. Перемешать воинов разных племён и поставить в римский строй, легионами — одно, объединить их по землячествам — другое. Руги были второй по численности величиной в его войске. Они — находящиеся в Италии — признали его своим Королём. Но в Ругиланде — своя династия, сын Флакцития Фева, его жена Гизо, их сын Фредерик и куда более их сильный и грозный с его воинской точки зрения Фердерух. Его, правда, уже нет — спасибо святому Северину, посмертно одолевшему Фердеруха и тем оказавшему немалую услугу сверх памятного предсказания, да ещё и успевшему предупредить, что спокойная жизнь для Одоакра кончится по истечении тринадцати лет. И севериновское братство для Одоакра так и осталось союзником — как в память о своём учителе и объединителе, так и преследуя земные цели, Одоакру полезные. И они, севериновцы, держат Одоакра в курсе всех ругских и вокруг-норикских дел, явно имея информацию от своих людей на огромной территории. И готовят помощь в неминуемой войне с заданубийскими ругами. Тут он успеет. Но — успеет ли он стянуть к себе на помощь племена, воины которых входят в его войско-орду? Успеет ли и сможет ли стать действительно «королём племён» и противопоставить готам Теодериха и всей империи новую, куда более грозную, чем некогда была на Болии, коалицию, как некогда смог это сделать Аэций на Каталаунских полях?.. А то ведь сейчас его люди не успели слиться в единое целое как народ, их спаивает лишь общая судьба, но они всё ещё тянутся друг к другу по племенному признаку. Было бы время... Его уже почти не осталось. Но — вдруг и общей судьбы в нынешнем господстве над Италией и в возможной гибели в битве за своё будущее всё-таки хватит? Или же всё-таки форсировать стягивание под свою власть

заданубийских племён? Что делать? И понимают ли его воины то, что понимает он — что судьба у них одна на всех? Если бы понимали... Разве такого понимания — мало?!

— Я слушаю тебя, и ты становишься то Стилихоном, то Аэцием, то Одоакром. Это приём рассказчика или метод политика, влезającego в тело и душу того, кто ему интересен, как враг или соратник?

— Хорошо, что не сказал «друг» — друзья могут быть у тебя лично, но не у твоего дела. И то, и то. Второе — главное, но достичь этого можно лишь через первое. Разумеется, что всерьёз стать тем, о ком думаешь, можно лишь при наличии достаточной информации. Затраты окупятся.

Ну, об Одоакре пока всё. А кто противостоял в надвигавшейся схватке? Теодерих, сын Тиудимера, одного из трёх братьев Амалов, возглавлявших племя остготов в страшном побоище на Каталаунских полях, где они сражались на стороне гуннов, а потом в битве при Недао, где они с другими племенами восстали против гуннов, а потом громили по очереди чуть не всех недавних союзников. Из этих братьев Валамер успел умереть ещё до 472 года, Видимер увёл своих воинов через Норик в Италию, где умер, а его сын увёл их далее в Галлию. Остался Тиудимер, и вместе с недавним ромейским заложником — сыном своим Теодерихом — повёл свою часть народа на Восточную империю.

А как оказался в Константинополе в заложниках Теодерих? Он родился как раз в 453 году — как раз когда победившие на Недао гуннов племена перегрызли за гуннское наследство. Это привело к разительной перемене обстановки: вместо исполинской державы Аттилы, простиравшейся за реку Итиль на восток и до Рейна на запад, возникло множество мелких племенных королевств и держав с иным правлением, а только что дрожащая в предчувствии скорого и страшного конца империя ромеев моментально оказалась величайшей в приданубийских и приистрийских землях силой. Сейчас почти всё течение Данубия и Истра в руках славян и они зовут всю великую реку Дунаем, а я всё повторяю уже не звучащие названия её. Как бежит время... Не одни эти слова ушли в небытие... Но тебе необходимо знать и то, что было, и то, что есть сейчас. Говорить с новыми людьми на новых языках, употреблять новые названия старых местностей — и знать всё об их прошлом...

Недавно грозные единством своей собранной в руках Аттилы боевой силы племена оказались теперь скованными множеством порубежных соседей каждое и в итоге были вынуждены оглядываться на империю и набиваться к ней в союзники-федераты. Причём вовсе не обязательно было перебираться на её территорию — этого и сама империя не хотела. Пусть те же гепиды или остготы, не говоря о герулах и прочей мелочи, называются федератами империи, получают от неё какую-то плату, а взамен прикрывают её рубежи извне, ибо, защищая себя самих, тем самым отводят грозу от лежащей у них в тылу имперской территории. И на поход против того или иного врага можно толкнуть такого федерата, как старший из этих трёх братьев Амалов — Валамер, если, конечно, обеспечить его зависимость. А как? Пусть дадут заложников. Валамер был бездетен и потому поехал заложником семилетний сын Тиудимера Теодерих. Матерью Теодериха была готка-кафоличка Эрельева, при выходе за Тиудимера перекрещённая в арианство и ставшая Евсевией.

Сам он провёл в кафолической империи десять лет. За это время на мальчишку, потом на подростка и юношу оказывалось всяческое моральное давление, а ведь искусство покорять души опасных варваров в империи было ещё с римских времён и, в отличие от многих других искусств, не деградировало. Но кафоликом он так и не стал, и не

только потому, что ему рано или поздно предстояло вернуться к своему народу, цепко державшемуся за арианскую догму. Нет! Из его деятельности во второй половине его жизни, когда он стал независимым государем, неминуемо вытекают иные выводы, а мои личные с ним неоднократные беседы показали, что эти иные выводы верны. Он увидел ещё тогда, заложником будучи, не только блеск украшений на теле империи и католической церкви — он увидел и их язвы, болезни, слабости. Сын культурнейшего среди варваров Европы народа, имевшего письменность и достаточно развитую систему понятий, чтобы именно гот Вульфила дерзнул перевести Писание на готский язык, сын царственного рода, не успевшего выродиться и рождавшего детей поистине львами, а не тиграми и рысями, — он был одарён всеми чувствами, присущими сынам человеческим, в превосходной степени. И, оказавшись на константинопольской, скажем так, сторожевой вышке, дающей максимально дальний обзор, он увидел всё, что только доступно взгляду желающего увидеть и понял всё, что только доступно желающему понять увиденное и услышанное. Правда, латынью овладел лишь устно, писать и даже читать на этом языке так и не стал даже в конце жизни — был запрет на грамоту врагов, чтобы не проникла отравка в души детей готских, так что не через чтение и письмо, а всеми иными способами познавал он мир. А в мире том познал он и религиозную войну, бушевавшую по всей империи. Везде лилась кровь католиков и ариан, монофизитов и несториан, иудеев и самаритян, огнепоклонников и митраистов, язычников всех толков — как поклонявшихся местным божествам, так и богам эллинским и старо-римским. И эта война была с одной стороны союзницей его народа, отвлекая значительную часть имперской силы на самоистребление, а с другой вызывала у него лютое отвращение. И когда он через немалое время стал королём Италии и Паннонии, то оказалось, что любой враг империи, независимо от его веры, может рассчитывать на спокойную жизнь в остготской державе, лишь бы признавал власть Теодериха и не хватал за горло инаковерующих. И это было не голой политикой, а человечностью. Но много воды и крови утекло, пока он смог проявить эту человечность! И — это моё мнение, но даже у меня самого вызывает сомнения немалые: он, пожалуй, перегнул с этой человечностью, не позаботившись о том, чтобы его преемники шли именно по его пути, а также о том, чтобы уничтожить или изгнать тех, кто разрушил его дело. Я и сейчас не могу сказать — было ли это возможно. Ведь я был рядом с ним — и мне тогда это не приходило в голову. Так мне ли его судить? Но и не сказать этого не могу — слишком страшной ценой оплачена незавершённость его дела. Думай и об этом тоже.

К моменту выступления Тиудимера против империи там уже знали об этом грядущем событии. В Константинополе сидели разумные политики. Они не казнили Теодериха, а вернули его отцу. Это было и попыткой уласлить короля остготов, и подведением к нему человека, с которым были знакомы, который в случае переговоров окажется рядом с отцом и — будучи, каким казалось, известным им, сможет быть вычислен и предугадан по части подаваемых им советов. И опять же — империи не приходилось себя винить в жестоком к юному заложнику отношении, была надежда на его если и не благодарность, то хоть на понимание. В общем-то неглупо было задумано, ничего не скажешь...

В 471 году Теодерих вернулся к отцу, привезя множество даров от императора Льва. Вскоре молодой принц совершает без ведома отца поход во главе шеститысячного отряда добровольцев-дружинников против короля сарматов-язигов Бабая, старого врага остготов.

Он не только убивает в бою Бабая, захватывает его семью, богатую добычу и множество пленников, но и берёт отбитый сарматами у империи город Сингидун¹¹ и — само собой! — не возвращает его ромеям. Львёнок показывает зубы — это радость для отца и племени, это угроза империи. Теперь он признан соправителем отца, так что поход на империю ведётся не вопреки его желанию, а при активном его участии, хотя отец и сын двигались порознь и больше уже не встретились. Фактически Теодерих обеспечивал свободу действий отцу, рвавшемуся к Фессалонике, расчищая ему тылы — Иллирию и Македонию, громя полевые войска, захватывая важнейшие крепости противника. А Тиудимер дошёл в 474 году до Фессалоники, и этот второй по величине на всём Балканском полуострове город был обречён на гибель. В этом у направленного императором с войском и чрезвычайными полномочиями патриция Гелариана сомнений не было. И поэтому Гелариан предложил Тиудимеру заключить союз, причём остготы получают не только дары и оплату, но и несколько городов с прилегающими землями. И Тиудимер согласился. Почему? Ведь старый воитель не мог не понимать, что утратить разгон удачи — значит, дать врагу передышку, что это значит уже невозможность начать новую войну немедленно, а если промедлить — империя подтянет силы из всех своих провинций, обложит со всех сторон на своей земле вторгшихся врагов — и тогда речь пойдёт о самом существовании народа, а о лёгкой добыче, из-за которой и начата была эта война, думать уже не придётся. Так почему же? А вот почему.

Со времён Феодосия в Восточной империи, в армию охотно брали готов и помимо тех, которые позже выбрали Алариха королём и ушли в Италию, а оттуда в Галлию. Одни из этих готов были выходцами из живших на Истре «Малых Готов», другие были из ушедших от вестготских и остготских королей воинов-одиночек, были и ещё варианты. Ведь готы появились на берегах Эвксинского Понта за двести лет до Адрианополя и вторгались в римские земли задолго до гуннов, добираясь до Афин и Коринфа... За каждым пронесившимся (и за ныне пронесавшимся тоже) по земной поверхности народом всегда остаётся не только след из трупов и пожарищ, но и этакий шлейф из отколовшихся или выброшенных по разным причинам воинов, как одиночек, так и целых отрядов. И эти воины оставались готами — как для себя, так и для римлян и ромеев. Поэтому они с одной стороны были полезны для империи своей доблестью и воинским умением, а с другой смертельно опасны, как опасна копящаяся на горном склоне лавина. Ещё в 399 году комит Гайна, магистр армии Восточной империи и гот по происхождению, соединился с частью остготов и во главе их ворвался в Константинополь, вынудив Аркадия открыть ворота своей столицы. Нашлись в городе организаторы, подготовившие восстание населения, в результате которого несколько тысяч готов были перебиты, а вырвавшийся и опустошивший Фракию Гайна был разбит другим готом на имперской службе, Фравиттой, и бежал к Истру, где и был убит гуннами. С тех пор не раз и не два случалось подобное, хотя и с меньшим размахом, ибо империя эта, в отличие от погибшей Западной, всё ещё на подъёме и подобна живому существу. Тот ли, иной ли император, те ли, иные ли чиновники на местах, а империя пока что живёт сама по себе и внимательно следит за происходящим вокруг, набираясь опыта и разума из происходящего, хотя язв и болезней у неё тоже хватает и именно сейчас она опять серьёзно больна. Но я уверен, что эту болезнь она переживёт и воспрянет, силы ещё есть, даже избыток их есть, отсюда и постоянная резня во всех имперских землях — не научились ещё власти беречь людей... Так вот — империя внимательно следила за происходящим в Гесперии (не без её участия происходящим) и делала выводы. Западная империя была для варваров не проходным двором, а местом оседания — за Галлией и

¹¹ Сингидун — нынешний Белград.

Испанией — океан, за Африкой — пустыня. Поэтому она не без подлого участия Восточной империи стала терять одну территорию за другой и в конце концов погибла. Но это — причины, а следствием их было чрезмерное усиление армии вообще и варварских вождей в частности, появление Рикимера и Гундобада, Ореста и Одоакра. И не мог не возникнуть вопрос: а нет ли сейчас возможных подобий Рикимера или Гайны? И когда этот вопрос был задан на достаточно высоком уровне, сразу стало ясно, что такие есть и что они именно готы. Речь шла в первую очередь о знатном роде Аспаров, три поколения которых верно служили империи. И дед, и отец, и сын побывали консулами, отец и сын были магистрами армии и имели к тому же тесную связь со стоявшими в Фракии готскими федератами. Отец и сын участвовали в перевороте, возведшем на престол императора Льва Первого, за что оба получили сан патриция и звание магистра. Это сделало их власть в империи фактически неограниченной. Только их добрая воля пока ещё спасала империю, а надолго ли её хватит? И император Лев создаёт в противовес Аспарам и фракийским готам самостоятельную гвардию из малоазиатских горцев-исавров, потомков тех киликийских пиратов, которые после разгрома их на море ушли в горы и стали основателями этого народа. Их предводитель Зинон становится зятем императора, а позже и его преемником. И вот в одну из ночей того самого 471 года, когда Теодерих вернулся к отцу и отличился в битве с сарматами, буквально перед уходом готов из Паннонии в Италию и на Балканы — исаврийская гвардия Льва и Зинова устроила в Константинополе не первую и не последнюю резню в истории рода человеческого. Так было и так будет, пока лев не ляжет рядом с ягнёнком в райском саду, но боюсь, что это случится нескоро, такое возлежание. Были убиты отец Аспар — сын деда Ардавура, и сын Аспара Ардавур, по деду покойному названный. И было убито множество других готов — не за вину, а за чрезмерное влияние, за слишком большую силу. Тебя ждёт та же участь, если не успеешь перехватить руку убийцы и нанести удар первым. Мне это тоже грозило, я даже не понимаю, почему жив до сих пор. То ли милость судьбы, то ли зевок её... Или — кому-то нужно было дожить до встречи с тобой?.. Но лучше не надейся на это... А императора Льва в народе прозвали Мясником. В хроники это не вписано пока что, но кто-то где-то кому-то передаёт эту кличку, она ещё войдёт в труды историков, за это можно быть спокойным, такое прилипает намертво, с кожей не отдерёшь...

Аспары погибли, но ещё оставались сильные и организованные готы-федераты во Фракии, возглавляемые тестем покойного Аспара (отца) — сыном Триария Теодерихом. Я его так и буду звать, чтобы не путать с моим Теодерихом — сыном Тиудимера. Вообще-то ты читал и меня, и Иордана, но мы уговорились — дать общую картину под особым углом зрения.

— Поверь, не из вежливости говорю — такого я просто не представлял, вниманием на этом не задерживался. Скорее с клеймением моего разума калёным железом могу сравнить слышимое сейчас, чем с нудным повторением давно известного. Но — это случилось после отъезда Теодериха к отцу?

— Вот тут я не имею точных дат. Отъезд Теодериха где-то зафиксирован, но мне число и месяц неведомы. Однако, уверен, что именно после его отъезда — случилось как-то в беседе с ним задеть этот вопрос, он узнал о происшедшем с большим запозданием, уже у отца. Более подробно он не сказал ничего, у нас с ним было общее дело совсем не того рода, какие могли быть дела у Аспаров с его отцом и с ним — предположительно, конечно. И мы уважали друг друга, о прежних делах не говорили, разве что случайно заденем краешек...

Так вот — хотя прямая угроза удара в сердце империи с гибелью Аспаров и их готского окружения миновала, дело ещё не было доведено до конца. Правда, был

объявлен набор в легионы коренного населения, причём человеческий материал был вполне подходящий, я же говорил, что ромеи, будучи народом молодым, лишь сейчас входящим в отроческий возраст, ещё полны огня и страсти, так что из набранных быстро выдвинулись многие низовые командиры, но ведь военный опыт нужно было ещё приобрести даже новоиспечённым центурионам, а уж командовать большими массами войск против таких врагов, как готы или гунны — тут пока что своих не было. Даже исавров на это пока нехватало, хотя позже они дадут ряд отличных военачальников. А остготы Тиудимера уже шли на Фессалонику, а фракийские готы сына Триария были более чем ненадёжны. В том 474 году, когда Гелариан и Тиудимер заключали мир под стенами Фессалоники, сын Триария уже вёл своих фракийских готов на столицу — знаешь, зачем?

— Из твоей и Иордановой истории знаю. Занимать место Аспаров. Но вот почему он не захотел соединиться с Тиудимером и совместно с ним идти на империю? Ведь Видимер ушёл к вестготам и был ими принят с честью, так почему эти готы не смогли договориться?

— Да потому что империя давно культивировала рознь между фракийскими федератами и набивавшимися в федераты паннонскими вольными остготами. Сын Тиудимера потому и попал в своё время в задолжники, что велась это сложная игра. И теперь, когда паннонские остготы шли на империю с открытой войной, их фракийские сородичи всего лишь добивались льгот, думая не о мести за Аспаров и их и своих же близких, а о том, чтобы только использовать особый случай для выжимания из империи лишних выгод. Не так начала империя ромеев, как начинали наши с тобой предки, совсем не так. Ибо новое вино оказалось налито в старые меха и начало быстро скисать. Похоже, что смена мехов просто необходима, пока ещё есть это новое вино в должном количестве...

— Но ты же говоришь о порче готов в данном случае?..

— Но и они подверглись той же порче, что и ромеи, той же болезнью заболели... Но пока что — именно потому и пришлось Тиудимеру заключать мир с империей. Он мог бы, я полагаю, договориться с Аспарами и уничтожить империю, или же вместе с ними стать её хозяином, как стали чуть позже исавры. Но именно Аспары были уничтожены без всякой вроде бы вины. Вроде бы... Тем, кто бил, явно была свойственна точность ударов и решений, очень уж чётко была проведена эта резня. Видимо, Аспары ни в чём виновны не были, но были замечены в общении с заложником-готом в своё время, а прочее было просто вычислено. И теперь паннонские остготы могли одержать ещё сколько-то побед, но победить уже не могли. Ариане среди кафоликов, варвары среди ромеев, грабители и убийцы для всех, кто имел несчастье оказаться на их пути, они были обречены на конечное поражение, ибо империя конечно же предпочла бы уступить фракийским готам сына Триария и получила бы полноценную контрсилу, как когда-то Аэций противопоставил в Галлии вестготов остготам на Каталунских полях, а там подвезли бы морем легионы из Египта, из Азии, наняли бы федератов за Истром — и задавили бы паннонцев, ни одного бы не выпустили. Ну, а если заключить мир, если занять позицию близ трона наравне с «фракийцами»? Тут всё решит время, решит ловкость, а Тиудимер мог положиться в этой тёмной для него игре на сына, — и кто знает, как ещё повернётся дело?.. Во всяком случае повторить проделку с Аспаром империи не удастся — о доверии императору не может быть и речи. А пока стоит воспользоваться случаем, отдохнуть, оглядеться... И так уж столько добычи набрали, что её некуда девать...

— Скажи, Учитель, а может быть нам собрать свои библиотеки и что ещё подвернётся под руку, а потом сбежать в Ирландию? Похоже, что это единственное

место, где живут хотя и христиане, но нормальные люди, а не двуногое зверьё? По крайней мере сейчас.

— Даже шутить так не следует. А ты — шутишь. Кстати, «нормальными» ирландцев не назовёшь — их вера, принесённая именно из глубин египетской Фиваиды, куда более огненна, чем у «граждан империи». Просто они сумели найти иные пути для её проповеди, более человеческие. Но именно поэтому они «ненормальны», выпадают из скотской «нормы» нашего с тобой окружения. Но — уйдём мы отсюда — и что будет без нас? Сколько погибнет именно тех, чьи потомки смогли бы — пусть и не при нас — очеловечить нынешних двуногих скотов и зверей? Да, даже мне, стократ против тебя привычному, тошно вспоминать виденное, обобщать читанное, а уж кому придётся изучать твоё время и твои дела, тот, возможно, тоже испытает желание сблевать или напиться до бесчувствия. Ибо на удар отвечал я всегда ударом, потому и выжило моё братство в таком волчьем окружении, даром что всю жизнь стремился быть человеком, а не зверем. Есть в моём братстве люди, берущие на себя тяжкий труд охраны собранных мною хранителей памяти наших предков. Тебе выпало прикрывать не меня и моих, а всех нас, могущих ещё хоть что-то уберечь в памяти и в делах своих. Удары на нас сыплются лавиной, так что тебе не удержать руки чистыми. Но иного выхода нет, по крайней мере сейчас. Сожрут нас тут — доберутся и до Ирландии, а захлебнутся нашей кровью, подавятся нашим мясом — глядишь, хоть там кто-то выживет. А потому слушай, думай, запоминай и готовься к делам, которые Христос явно не одобрил бы, если бы ты был зачинщиком в схватке. Тебя извиняет одно, но — извиняет: ты призван защищать своего патрона и всех, кто признаёт его святость. Защищать! Есть священное право убивать убийц, предавать предателей и пытаться любителей чужих мучений, чтобы другим неповадно было.

Мне отмщение, и аз воздам! Ты берёшь на себя эту страшную работу, и не смей думать о бегстве, ибо кому-то другому придётся брать её на себя, а есть ли он — этот другой — сейчас? Твой патрон высмотрел тебя не за день поисков, и я полагаю, что он думал не только о своей шкуре, подбирая кандидата в «серые папы» — другой сожрал бы и его самого. Я уж не говорю о том, что ты одного корня со святым Северином, а его я признаю святым безоговорочно, хотя не уверен, как и ты сам, что он верил в то, что сказано в обоих Заветах. Кстати, слишком бесчеловечный защитник и советчик твоему патрону тоже не требовался — его дела вызвали бы такую волну ненависти от своих, что обоим вам конец был бы скорым и страшным. Ладно... Пошутили, попроповедовали — вернемся к нашим остготам...

Тиудимер умер вскоре после заключения мира, а Теодерих стал не только королём своего народа, но и одним из ближайших к императору Зинону людей, и был осыпан почестями, а его народ дарами. Зинон ведь исавр, потомок пиратов, так что ему не в диковинку проявлять как терпимость к любому сильному и удачливому человеку, так и спокойную готовность в любой миг перерезать ему глотку. Лев Мясник знал, кого делать своим зятем и наследником престола. Но и выращенный в этом тёплом гнёздышке Теодерих тоже знал правила игры. Поэтому в 477 году он заключил союз со своим фракийским тезкой, сыном Триария, и они совместно выступили против Зинона. Но старший годами «фракиец» не желал уступить первого места «паннонцу», и это расстроило союз. Империя умела не только резать невинных, но и осыпать почестями стократ виновных. За разрыв с «фракийцем» наш Теодерих был удостоен триумфа, а позже он получит звание магистра и главнокомандующего на Балканах, станет консулом, будет усыновлён императором «по оружию» (сугубо варварский обычай, но император-христианин пойдёт на него, не моргнув глазом), вновь удостоится триумфа... Впрочем, и

сын Триария получил звание магистра армии и стипендию на многотысячное войско. Он погиб только через четыре года, уже в третий раз подступив к Константинополю, отступив после отпора и случайно свалившись с испуганного чем-то коня на торчащую из соседней телеги пику — лодырь-возница не смог уложить её по-человечески... Теодериха холили и нежили, но ведь и Аспаров осыпали теми же почестями — фактически ему досталось их наследие, их, именно их права и обязанности. Ну, а их судьба — тоже? После неудачи союза с сыном Триария впереди у него ничего кроме насильственной смерти не светило. Если думать о будущем — своём, и своего народа, то нужно было искать выход из создавшегося положения. Какой? Империю разрушить — сил, скорее всего, не хватит, она успела за эти годы измениться, утратить ряд слабостей. По крайней мере — в зоне соприкосновения с остготами, которых потихоньку, очень незаметно, но обкладывали — пока не для уничтожения, но для перехвата любого замаха вооружённой остготской руки, но ведь накопятся силы и для уничтожения, так не станут же они бездействовать тогда, эти силы. Они ведь и в других концах империи нужны... Значит — надо уносить ноги, пока объятия императора не стали слишком крепкими... А куда? И как? С боем, таща за собой погоню? Хоть обратно на северные берега Понта прорывайся, да там остатки гуннов, и набравшие сил славяне тоже там скопляются — так встретят на своей земле, как никакая империя не смогла бы. И добычи там нет достойной, к которой привыкли за истекшие века, именно имперские земли громя... Но и император не был в восторге. Очень уж был умён этот Амал, мало было надежды прикончить его, как Аспаров, и не разбить было его, как сына Триария. Да если и разобьёшь с чьей-то помощью — так и с победителем придётся так же нянчиться, ломать голову над тем, как и с чьей помощью избавиться от него...

Повторялась в несколько изменённом виде трагедия Стилихона и Запада — словно бы действовал закон возмездия, хотя просто были общими причины и следствия... Итак, следовало сделать нечто такое, чтобы Теодерих сам, обязательно сам! — попросился куда-нибудь подальше. И лучше всего толкнуть его в Италию — на Одоакра. Кто бы ни победил — всё равно победитель ослабеет и будет вынужден признать власть империи. Но вообще-то лучше, чтобы победили остготы — Теодерих уже известен, пенять на империю у него причин нет, так пусть он завоёвывает Италию для империи, а мы ему в этом поможем. Нужно только, чтобы он сам захотел туда идти, а то решит, что мы его туда умышленно удаляем, и может взбунтоваться...

Что же, всё вышло, как хотели по очень разным причинам император Зинон и король остготов Теодерих. Движение на Италию началось и всколыхнуло все политические силы вдоль Истра-Данубия от низовьев его до Норика. И узнал это Одоакр. И понял, что настало время решать — что делать с принорикскими ругами. Ведь монахи-севериновцы сообщили, что у рогов побывали послы империи и предложили им заключить союз с остготами против Одоакра. Однако в Ругиланде крепко помнили, какими союзниками были остготы при Недао, а обо всём, что было после Недао и особенно после Болии — помнили ещё лучше, сами помнили, а не рассказы дедов и отцов вспоминали. Так что отказались. Но решать ругскую проблему всё же приходилось немедленно, а решить её Одоакр мог только ударом по Ругиланду. Время для этого ещё было, ибо Теодерих двигался не спеша, так как это был не просто военный поход, а перемещение всего народа без надежды на возврат. И не все остготы выступили с Теодерихом — часть народа успела за эти годы привыкнуть к прелестям мирного труда, поневоле привыкнуть, так как на имперской земле приходилось сидеть смирно. Видимо, и агенты империи поработали, чтобы оставить часть паннонских остготов в противовес фракийским, да и Теодериха ослабить, уменьшив число надёжных и верных подданных

его. Однако позже он получал тайные сведения из империи — от этих же оставшихся, хотя и не только от них. Так что всё время замыслы Теодериха и замыслы имперских чиновников, занятых остготскими делами, сталкивались в незримой войне, нередко оставляя и трупы тоже. Как у всех и всегда... Северин, полагаю, тоже не был слишком уж постником, случалось и ему оскоромиться — как с тем пресвитером в Батависе, например...

Но с другой стороны и Теодерих, и империя стремились привлечь к походу из разных побуждений лежащие на пути готского движения племена. И тоже — побуждения разные, а следствия совпадают. Запомни на будущее... Потому он и не спешил, потому-то движение и затянулось на несколько лет, что пошло на пользу всем участникам этой трагедии: зная, что потом переигрывать будет поздно, они успели отмерить не семь, а все семьдесят семь раз. Но сколько ни мерить, а резать надо! Вот уже в Нижней Мёзии остготы возле городка Новы¹² на Истре. Это не менее ста тысяч человек, из них минимум двадцать тысяч всё на своём пути сметающих богатырей — панцирных конников. Ещё немного — и они обрастут воинами присоединившихся племён или отколовшимися от неприсоединившихся племён удальцами, двинутся вперёд, подойдут к границам Норика и Ругиланда и либо вынудят ругов присоединиться к ним, либо уничтожат. А потом через альпийские перевалы часть их пройдёт в тыл защитникам входа в Италию по Венетской равнине, отрежет их там, уничтожит... И Одоакр решается...

Ты был прав, обращая такое внимание на «Житие Северина», но и Евгиппий, подобно мне и Иордану, не знал того, что несомненно знали его предшественники Луцилл и Марциан — участники тех событий. Мало того, именно в описаниях этих событий он единственный раз допускает грубейшее искажение действительности, смещая время событий. Не лжёт напрямую, но именно смещает события во времени, кое-что при этом опустив совсем. Причина несомненно в том, что севериновцы и связанные с ними в обоих Нориках силы активно помогли Одоакру, о чём было не с руки писать, находясь под властью остготов Теодериха, среди которых были и руги Фредерика.

Вот что получается у Евгиппия — я открываю его «Житие» на заложенной мною сорок четвёртой главе, конец третьего и весь четвёртый пункты: «... в течение месяца убитый сыном брата Фредериком, потерял он (то есть Фердерух) добычу вместе с жизнью. По этому поводу король Одоакр начал войну с ругами...»

Вот так. «По этому поводу». И вроде бы немедленно? Но чуть ниже мы узнаём, что со времени погребения Северина и следовательно — смерти через месяц после неё Фердеруха прошло почти шесть лет. Там — январь-февраль 482 года, здесь же — 487-й год. Пять с лишним лет собирался Одоакр начать войну «по этому поводу», но об этом отрезке времени прямо не сказано. А так вроде бы и лжи нет — вполне мог Одоакр, идя в Норик, заявить, что идёт именно как мститель за оскорбление памяти Северина. Повод не хуже других, даже лучше — ведь до форсирования Данубия и вторжения в Ругиланд его войско должно было идти через землю, где помимо Фавианиса и Комагениса находились мелкие поселения беглецов из верхних территорий, прикрываемые от алеманнов и герулов заставами ругов. Но все отряды и заставы ругов на норикском берегу были захвачены врасплох и принуждены к сдаче, а для форсирования Данубия нашлось столько лодок и плотов, что не поймать норикцев на соучастии просто немыслимо. Не могло бы всё войско Одоакра подойти от перевалов и пронизать оба Норика так внезапно для воинов фердеруховой выучки...

¹² Новы — современный болгарский город Свиштов у впадения Янтры в Дунай.

— Какой выучки? В «Житии» об этом ни слова...

— Мне довелось знать не только Фредерика, но многих других незаурядным воином, а в «Житии» ему не повезло посмертно из-за того, что он выступил против Северина. О нём отзывались с огромным уважением, не желая лишь говорить об обстоятельствах его гибели. Но я всё же кое-что выжал в окольных разговорах, собирая истину по зёрнышку. Но об этом не будем здесь говорить, чтобы не нарушать цельность картины, поговорим отдельно, завтра, например, а то я уже начинаю выдыхаться, силы всё-таки уже не те...

— Прости, Учитель...

— Незачем. Сил хватит на задуманное, это рассчитано, а прочее завтра. Итак, руги были разбиты наголову, Фева и Гизо пленены были почти сразу, ведь дворец стоял на самом берегу Данубия против монастыря Северина, и их немедленно отправили в Италию, где и казнили — видимо, не давших согласия на отречение в пользу Одоакра. И тем самым они посмертно нанесли Одоакру тяжелейший удар — его руги были крепко оскорблены пролитием крови сородичей, да и Феву с Гизо продолжали считать пусть не королями, но кем-то вроде... Фредерик со своей дружиной и всеми, кто только успел вывернуться из-под удара Одоакра, бежал. Но это не было спасением своих шкур, это было сохранением какой-то части боевой силы народа. Стоило Одоакру после победы вернуться в Италию, как Фредерик немедленно вернулся в Ругиланд, не дав ни герулам с востока, ни алеманнам с запада вторгнуться ни на северный, ни на южный берег. И видимо севериновцы сумели и тут сыграть какую-то особую роль, ибо никаких репрессий против римлян Норика не было, а ведь заслужили... Фредерик умел держать чувства на замке, сумел сдерживать и свой народ. Но на следующий год Одоакр направил брата своего — Оноульфа — с войском, и судьба Ругиланда была решена. Фредерику пришлось уводить весь народ под крыло Теодериха. И опять стоит отметить, что он сумел проконтролировать свои чувства, вовремя (не заранее ли?) принять решение об уходе... Не зная об этом точно, я готов дать руку на отсечение, что он сумел добиться от норикцев прямой помощи в виде запасов, уложенных заранее в лодки и суда, в виде всего, что только могли обеспечить ругам норикские умельцы. Ведь он ухитрился довести своих ругов до того самого города Новы, где стоял его свояк Теодерих, в полном порядке и без малейших потерь, а путь-то лежал через земли, бывшие под контролем герулов, старых врагов его народа... Возможно, исходя из того, что я скажу дальше, что связь с Теодерихом была им налажена ещё до прихода Оноульфа, что были какие-то неведомые мне договорённости с герулами, ведшиеся как бы самим Фредериком, но с ведома Теодериха. А — с ведома ли севериновцев? Догадок тут много, но я могу лишь предположить, что севериновцы вели собственную игру, на всякий случай обеспечивая себя от мести ругов и готов, если те ухитрятся как-то сговориться меж собой во-первых, а во-вторых — одолеют Одоакра и придут в ту самую Италию, куда теперь несомненно готовился исход норикских римлян...

Руги прошли через земли герулов без малейших потерь, то есть без боя. Видимо, это и позволило впоследствии сыграть в недолгий и, скорее всего, притворный союз с королём герулов Туфой. Да, бывший в год смерти Северина ещё неоперившимся птенцом, впервые поднявшимся в «боевой полёт» при уничтожении Фердеруха, он показал себя в этот час, какой там час — в страшный для его народа год — достойным вождём, истинным спасителем приданубийских ругов от неминуемой казалось бы гибели. И если сейчас какие-то группы ругов ещё огрызаются на занятой лангобардами территории, то это потому, что их деды были спасены некогда Фредериком. Вот у этих, видимо, Фредерика нет. Как пока и у нас...

— Сегодня же начну искать связь с теми ругами, Учитель! Хотя до Фредерика мне пока что далеко, но кое-какие возможности есть уже сейчас. Спасибо за подсказку. Продолжай, пожалуйста!

— Такой быстрой реакции я не ждал... Но всё же, даже если их выручишь, учитывай, что они в первую очередь руги, а людьми могут оказаться уже во вторую очередь. Урок Эрариха — нам о нем ещё говорить — забывать не следует. И то, что народ, оказавшийся на краю гибели, нередко прислушивается именно к таким «ревнителям самости», о которых я помянул, рассказывая о Стилихоне, — тоже не следует забывать...

А герулы при приближении Теодериха раскололись. Часть осталась на месте, часть с королём Туфой во главе — присоединилась к готам. Но объединённая властью Теодериха сила была не ордой, а союзом племён или частиц племён. Все союзники остготов сохранили свои обычаи, свою самобытность, своё самоуправление, причём все были сходной с остготами системы организации, и плохо, в чём скоро убедился и Теодерих на практике.

Не мог Одоакр оставить воинов в Италии без поддержки тех, кто был в Норике, они были нужны ему все. Но и другая была причина к очищению Норика: на месте Ругиланда оказался вакуум силы и туда рвались теперь алеманны и герулы — раньше их сдерживала сила целого народа, который, кстати, сам себя кормил. А воины Одоакра были только воинами. Снабжать их из Италии или полностью кормить за счёт норикцев было фактически невозможно. К тому же оба Норика были открыты удару с востока, так что занимавшие Ругиланд и даже только Прибрежный Норик войска были бы отрезаны, рассечены, зажаты и уничтожены, а оставить их без внимания готы просто не могли. Нельзя было удержать захваченное, даже этой прибыли не получил Одоакр. А убыток оказался огромный: казнь упрямых Февы и Гизо не решила проблемы. Фредерик ведь ушёл, а это значило, что династия Флакцитеидов попрежнему существует в его лице и лице маленького сынишки от жены-готки, свояченицы Теодериха. Исчезни эти двое — был бы Одоакр «королём ругов», ибо часть ругов была у него — в Италии. А так даже эти руги почувствовали себя оскорблёнными — ведь была пролита кровь их народа, а к тому же они знали, что в Италию с Теодерихом идут и их родичи, возглавляемые Фредериком, а Фредерика некогда спас покровитель ругов святой Северин, и это дало отсвет его святости на нынешнего неведомого, но идущего «сюда» Фредерика... Так что в тылу Одоакра не только агенты империи готовили измену кафоликов-италийцев, но неладно стало в его собственном лагере.

Исходя из сказанного выше, Одоакр в 488 году отдал приказ об эвакуации остатков населения Прибрежного Норика, ибо Внутренний был всё же прикрыт от готов землями и зоной влияния дружественных им герулов, сменивших ругов, а от герулов с севера — хребтом Тауэрн. Было ещё время решить — эвакуировать ли и Внутренний Норик. Тогда это так и не потребовалось. Сыграло свою роль и то, что во Внутреннем Норике власть была всё же не у севериновцев, а у епископа, пусть и ставленника Северина, а у него и его подчинённых были свои интересы во-первых, а во-вторых им последний завет Северина был незнаком. Это уж я сам знаю — довелось встречаться уже в готское время с посланцами оттуда, помнившими всю эту историю. А «Житие» я уже читал и очевидцев искал, чтобы дополнить своё понимание всех этих событий. Кстати, пришлось мне как-то в эту провинцию державы Теодериха письмо слать. Знаешь, о чём? Разрешал и настоятельно советовал покупать у алеманнов скот, причём объяснил, чем мясной скот отличается от рабочего. Они там на месте, видишь ли, этого сами решить не могли, и какого быка резать на мясо, а какого в плуг впрягать — я им из Равенны, с высот власти, объяснять был должен. Вот тебе — что такое чиновничий аппарат, а чиновник — всегда

чиновник, даже если он в сутане и подчинён епископу, а не светской власти. Учти это... В сорок четвёртой главе — читаю прямо по тексту — сказано в пункте пятом:

«Оноульф же, побуждаемый приказом брата, приказал всем римлянам переселиться в Италию. Тогда все многочисленнейшие жители, выведенные из повседневного варварского правления, познали предсказание святого Северина...» Итак, только теперь стало возможно сказать вслух о завете Северина уходить в Италию. И правильно — зачем людям портить жизнь лишним знанием, если выбор момента ухода зависит не от них? К тому же раньше, в условиях господства ругов, об этом приходилось молчать, а когда пришли воины Одоакра — тоже следовало не нажимать на него и его людей, а всё вести так, чтобы сами додумались, и во имя святого Северина, и ради собственной выгоды. Но тут интересны и следующие строки:

«...Не забывший его поручения наш тогдашний пресвитер святой Луцилл, когда все были принуждены комитом Пиерием к выступлению, предварительно совершив с монахами вечернее псалмопение, приказал вскрыть место погребения. Когда оно было вскрыто, мы все, стоящие вокруг, восприняли благоухание такой сладостности, что простёрлись по земле от чрезмерной радости и удивления. Потом, единодушно считая, что будут найдены разобшённые кости трупа, ибо истекал шестой год со времени его похорон...» — вот оно, упоминание о шести годах между смертью Северина и эвакуацией Норика. Но меня заинтересовало здесь благоухание — его обонял сам Евгиппий, это не выдумка. Значит, тело Северина было заранее подготовлено к превращению в мощи. Это — пример для тебя, как за годы готовить то, что должно помочь друзьям, союзникам или поразить врагов... Ладно уж, дочитаю до конца эту главу, давая комментарии:

«За это чудо мы принесли безмерную благодарность создателю всего сущего, ибо труп святого, в котором не было никаких благовоний...» Отметь: «в котором»! Ну, а если «вокруг которого»? Если в грунте могилы? На одеждах, на покровах, в древесине гроба?.. Читаю дальше:

«...которого не касалась ничья рука бальзамирующего...» — очень интересно! Бальзамирующие вынимают из трупа всё, что может загнить, разложиться, но Северин десятки раз постился по сорок дней. И уж к заранее указанному дню своей смерти несомненно уже довёл себя до состояния, при котором гнить нечему...

«...остался до самого этого времени невредим, с бородой и волосами.

Итак, после смены полотняных покровов труп был положен в задолго ранее приготовленный гроб...» — который конечно же был заранее пропитан и окурен благовониями... — «...и скоро был увезён в запряжённой лошадьми двуколке, когда с нами двинулись в этот путь все жители провинции, которые, покинув города над берегом Данубия, получили по жребию различные места пребывания в различных областях Италии».

Ну вот, так и было завершено дело, начатое Северином за тридцать пять лет до того дня. И очень вовремя оно завершилось — в Италию вторглись остготы и их союзники, и первое сражение — к северу от Вероны в сентябре 489 года — было Одоакром проиграно. Но Одоакр ещё не считал себя побеждённым. Он и его воины лучше знали местность и потому могли, не ввязываясь вновь в полевое сражение, начать изматывание противника. Не так уж просторна земля Северной Италии, чтобы Теодерих смог на ней сманеврировать и уйти от тревоживших его со всех сторон вражеских отрядов. Повторилась в увеличенном масштабе история борьбы ругов со скамарами...

— Какими скамарами? В «Житии» скамарами названы лишь разбойники, уведшие двух римлян.

— Только вот жили они, эти разбойники, там же, где некие разбойники устроили три засады на короля ругов. Это и есть скамары, прежние хозяева Ругиланда. И вот теперь — в наше время — этим словом называют разноплеменный сброд в балканских провинциях империи. Не воины родов и племён, а просто зародыши орды, о которой я тебе сказал немало... Так вот — воины Одоакра по своей судьбе как раз и были в массе своей скамарами, только им повезло, успели стать ордой на службе у империи, а потому имели теперь общее руководство, но выучка была скамарская, одиночка из их войска был опаснее воина из рода или племени, привычного к приказам старейшин и меньше думающего самостоятельно. Вот они и взялись за остготов по-скамарски. Те затоптались, урон у них рос, добычи не было. И заколебались приставшие к ним именно в расчёте на большую и лёгкую добычу герулы Туфы, которые больше годились для скамарской войны, чем тяжёлая готская конница. Не сыграть ли за себя, не бросить ли остготов? И Туфа первым увёл своих воинов от Теодериха. А потом Фредерик получил весть от неких уже находившихся в Италии варваров. Так с его слов было записано мною, а позже Иорданом, но оба мы не ввели этого в свои истории, хотя и по разным причинам. Всё равно об этом стало известно, но ни мне, ни Иордану об этом писать было нельзя. Как и Евгиппию о том, что мы только что отметили. А сейчас могу сказать: это были руги из войска Одоакра, предложившие Фредерику отделиться от Теодериха со своим народом и воссоединиться с ними, стать самостоятельной силой, которая, возможно, и решит исход схватки двух гигантов... Да, хотя за успех Фредерика было трудно поручиться в такой свалке, но всё же именно в этот — и только в этот! — момент он был возможен. Однако дальше дело внешне пошло вот как. Вместо спокойного выжидания (а Фредерик, мы видели, был очень и очень способен) — он пытается объединиться с Туфой, а когда это оказывается невозможным... Да и не могло быть возможным объединение ругов с герулами, если даже с остготами у них лишь наличие у тех небывалого по своим качествам вождя Теодериха, бывшего к тому же свояком Фредерика, удерживало союзные отношения!.. Так вот — когда это оказалось невозможным — сразу после встречи с герулами это стало ясно — Фредерик ввязался с Туфой в такую войну, что Туфа погиб, уцелевшие от оружия ругов герулы были до последнего уничтожены готами. А вот руги Фредерика, якобы понёсшие слишком большие потери и потому отказавшиеся от самостоятельной роли, вновь присоединились к остготам и ничего им за недавний уход — за предательство! — не воздалось ни сразу, ни после победы. И одоакровы руги как бы растворились в воздухе, а у Фредерика, как я осторожно выяснил впоследствии, воинов осталось не то что меньше, чем было до ухода, а больше стало. Так что Теодерих не потому простил свояка, что тот слишком ослабел и потому был больше не опасен. Наоборот — он стал бы ещё опаснее. И не потому, что бывшие одоакровы руги знали местность и своих недавних коллег, а потому могли быть полезными. Нет, вся эта история очень напоминает инсценировку, поставленную с двумя целями: покончить с вероломным Туфой и втянуть в себя, как в губку вода втягивается, всех одоакровых ругов. Есть и ещё одно сомнение: а не стоял ли за переговорами «своих» ругов с Фредериком сам Одоакр, стремившийся ослабить Теодериха, обмануть попутно Фредерика, но в конце концов обманувшийся сам? Я так и не докопался в своё время до истины, а разводить в моём труде такие вот догадки не мог, не имел права. Ибо моё имя связано с делом — Теодериха, и с моим тоже..

Возможно, что именно появление в войске Теодериха бывших одоакровых ругов и привело к тому, что удалось вынудить Одоакра к полемому сражению, происшедшему 11

августа 490 года на реке Адде близ Медиолана. Одоакр был окончательно разбит панцирной остготской конницей и загнан в неприступные стены Равенны. Там он продержался до 27 февраля 493 года, но за это время перешла под власть Теодериха вся Италия. Ведь он до поры выдавал себя за полководца Восточной кафолической империи и её агенты побуждали кафоликов помогать остготам, хотя те были такими же арианами, как и большинство воинов Одоакра. Но ведь Теодерих был в глазах Италийцев лишь мечом империи, а от меча требуется, чтобы он был достаточно острым и тяжёлым, чтобы он рубил врагов своего хозяина, а не имел собственного выбора. Пока что Теодерих разыгрывал роль такого меча... В конце концов Одоакр начал переговоры: он не видел возможностей победить, но ещё сохранял свою силу и мог поторговаться, зная, что Теодериху нужно извлечь равеннскую занозу как можно скорее. Так и было, ибо только после этого можно было заговорить начистоту с империей, уже начавшей явочным порядком захватывать Италию. Теодерих пошёл навстречу Одоакру, обещая, что они будут совместно править Италией. Мирные переговоры завершились успешно. Ворота Равенны открылись, начались дружеские пиры. И через десять дней на одном таком пире на Одоакра напали слуги Теодериха. Он ещё не разучился встречать смерть. Безоружный, он раскидал их, как волк щенков, бросился к Теодериху выяснять отношения, а тот встретил его ударом меча поперёк туловища, рассёк надвое и сказал: «Бедняга! У него совсем не было костей!» Что и говорить — некрасиво это было, тем более, что были немедленно перебиты все родственники Одоакра и всё ещё верные ему воины. Но существование племенной организации и орды в одном пространстве было тогда немыслимо. Кто-то из этих двух вождей не мог не погибнуть, а тогда появились бы мстители — как Оптила мстил за Аэция. Вот и пришлось перебить всех возможных мстителей — до последнего...

— Прости, ты сказал: «тогда»?

— Я получил, из третьих, правда, рук, сведения об устройстве новой великой варварской державы в тех местах, где была родина гуннов, воины которой уже дошли до Тавриды. Их называют тюрками, по той орде которая возглавила государство, включившее в себя племена без покушения на их устройство. Они называют эту систему «эль». Похоже, что им удалось сказать новое слово в развитии человеческих общностей. Нам пока что предстоит иметь дело с беглецами от них. Их называют аварами, но кажется, что это не их имя, а имя другого племени, за которое они были приняты. Произошла какая-то путаница, за которой пусть следят и разбираются в ней новые историки — я уже не успею... Пока что авары эти наносят ущерб славянам и империи, но, будучи кочевниками, неминуемо займут в конце концов Паннонию, которая была ядром гуннской державы. Но я опять отвлёкся... Да, в таких случаях только поголовное истребление мстителей или же твоё, виновника гибели их вождя, самоубийство может пресечь будущую великую резню. Теодерих не зажился бы в случае соблюдения этикета в адрес убийцы Ореста и его окружения, убийцы комитов Бракилы и Адариха. Вспомни «Письмо Евгиппия к Пасхазию» — там упомянут духовник Ореста, пресвитер Примений, спасавшийся от Одоакра в Норике, у Северина... Волчьи были времена и в начале дней Одоакра, и в начале дней Теодериха, да вспомни и о том, про кого тебе сказал твой патрон — про твоего предшественника. Он прав, ты можешь дать ему лишь лёгкую смерть и достойные похороны... А в волчьи времена выживают главным образом тигры и леопарды... Теодериха я сравнивал с львёнком, но в деле с Одоакром он скатился до тигра... В этом деле скатился...

Но Теодерих был не тигром, а именно человеком, обречённым носить шкуру зверя и ходить по тропе хищников. Шкура и повадки стали тигриными, — это правда, но ведь он

не вернул Италию под власть империи, на что та надеялась. Он предложил ей крепкую дружбу, соглашаясь даже на примат империи в документах, но не на практике. Возникло Остготское королевство, включившее в себя часть Иллирии, Паннонию, Италию, Внутренний Норик и часть Прованса. Среди варварских государств того времени оно имело безусловный авторитет — даже зверь и убийца Хлодвиг, рядом с которым и Аэций показался бы ангелом в белых ризах, признавал безоговорочно авторитет Теодериха. Великий Гот — как его стали тогда называть — очень многому успел научиться в империи и от многого отвратиться намертво. Поэтому вся его жизнь после захвата Италии подчинялась одному — обеспечению мирного сосуществованию остготов с местным населением. Оно ни в чём не было ущемлено материально — остготы получили земли воинов Одоакра, уже выпавшие из итальянской собственности. Оно получило возможность самоуправляться; молиться согласно своей догме мог каждый, не только кафолик. Это право получили и монофизиты, и ариане, и несториане, и самаритяне, даже иудеи и манихеи. Однажды была попытка оскорбить иудеев — и была пресечена самым решительным образом, это христианином-то, пусть и арианской догмы! Боюсь, что в душе Теодерих, как и Северин, а о присутствующих умолчу, в Бога не верил, а для него, за спиной которого не было тысячелетия накопления знаний, не унаследовавшего эти знания, это было куда болезненней. Кстати, время таких наследников древних знаний уходит безнадёжно. То, что делаю я, что делают подобные мне — капля в море. А твоя библиотека — переживёт ли тебя? Подумай и прими меры...

Вернусь к Теодериху. Его миролюбие и веротерпимость привели к тому, что в Италию стали стекаться гонимые за свою веру люди со всего Средиземноморья. И люди эти были сильные и деятельные — гораздо проще принять мученический венец, не отойдя ни на шаг от родного очага, чем сорваться в неизвестность. Но ведь и готы с гепидами некогда покинули родную Скандзу тоже не все — среди сорвавшихся с места были самые удалые головы, потому-то они и перевернули всё на своём пути к Понту, сшибли и погнали в неизвестность десятки племён. Теодерих как-то сказал мне, что умышленно принимает именно таких беглецов. От римлян, сказал он, осталась зола. Я, Боэций, иные вроде нас — люди-угли, а не люди-зола, но сколько нас таких было и сколько сейчас есть? А страна без таких «углей» не выживет... И в какой-то степени он был прав: хозяйство страны расцвело, налоги были куда меньше, чем во времена империи, но казна королевства была полна. И главная в том заслуга — новых поселенцев. У них рабов почти не было, но они рвались от натуги, создавая родину для детей под властью мудрого владыки. А я ему помогал, как мог. До поры помогал и Боэций... Но если бы люди верили сами!.. Церковь... Проклятое слово!.. Обязательно им надо лезть в души людские и заражать их грязью своей грезни за власть. А тебе суждено быть в этой клоаке. Северину было куда легче... Да, надо закончить и о Северине. Если основная масса норикцев сразу проследовала в земли меж Римом и Неаполем, то самые мощи Северина на всё время военных действий застряли в крепости Монс Фелетер, уже тогда приобрета известность исцелением многих, с искренней верой шедших за помощью. После окончания войны, с разрешения папы Геласия, но по инициативе некой знатной итальянки Барбарии, они были переправлены в ту самую Лукуллову виллу, ныне более известную как Лукулланский замок, где кончил свои короткие дни мальчик Ромул Августул, последний император Римский. Там был сооружён мавзолей-гробница и рядом по сей день существует и монастырь святого Северина. Ты там бывал?

— Всё собирался, да время не слишком подходящее. Так и не побывал.

— А стоит теперь побывать. Эти земли оказались крепким орешком для имперских войск в годы Итальянской войны — после первого знакомства с порядочками, которые

принесли эти войска. И сейчас для лангобардов, так и не захвативших их. Не без норикских выходцев, не без братства святого Северина. Но вернусь к «Житию». Преемник Луцилла и Марциана Евгиппий написал его в 511 году, и я был очень заинтересован как им, так и приложенными письмами его к Пасхазию и Пасхазия к нему. Для меня это было крайне важно — прочесть о Маккавеях в письме Пасхазия. И так знал о подобных настроениях, а тут... Был у меня разговор с Теодерихом. Он только рукой махнул — «у меня своих таких оголтелых хватает, а ведь это носители воинской доблести народа. Не убивать же их всех — моих и ваших. Будем делать своё дело». Как же мы с ним тогда ошиблись! Плевать им всем было на царство земное, на счастье людей. Помешались на загробной жизни и на верности своей догме, своей крови, своему языку, своим и только своим обычаям. Остготские-то упрямцы помнили своё — как под их копьями и под копытами их коней гибли несчётные тысячи врагов, сколько добычи взяли, а тут портится готская порода от мира...

Но если их недовольство прорвалось уже после его смерти, при Амаласунте, то итоги деятельности Пасхазия и его единомышленников уже при Теодерихе привели к первой трещине, а потом года не проходило без заговоров и бунтов. В конце концов и Бозций не удержался, влез в такой заговор и погиб. И я не имел права — да, не имел! — его спасти. Ибо я служил не Теодериху, а делу, которому служили мы с ним оба. А Бозций на это дело, на жизни мириадов людей, этим делом оберегаемые, замахнулся... Его казнили в 525 году. Он писал свой труд даже в ночь перед казнью... Я помню, каким был тогда Теодерих — он видел, чувствовал, что всё его — и моё! — дело повисает над пропастью, и последние годы жизни уже не надеялся на его успех, на поумнение своих подданных с обеих сторон, просто не мог изменить себе...

И сейчас, когда нету уже ни его державы, ни его народа, я могу уверенно сказать, что он не зря прожил свою жизнь. Остался великий пример человечности как его, так и его преемников, благородных богатырей Тотилы и Тейи, возглавивших уже не почти полностью истреблённых сородичей, а всю Италию, погибшую в уже совсем безнадёжном бою, не отступая ни на шаг. Я не стану говорить об этой войне, о ней лучше рассказал Прокопий Кесарийский, а я уже не имел желания и власти, чтобы ввязываться в эту резню. Я не смог бы соединить свою руку с руками тех, кто оказался бы в числе моих соратников, ибо это их бессмысленная дурь загубила дело Теодериха и моё. Пусть они, хлебнув прелестей подданства святой кафолической империи, бросились потом к Тотиле и Тейе и дрались как истинные герои — их прежняя дурь обошлась слишком дорого, и я проклял всё это поколение. Нынешние тоже прокляты — не мною одним, а Судьбой. И я, желая тебе удачи, давая советы, не верю в неё. Даже если ты умрёшь своей смертью — от тебя останется лишь память, которую постараются затоптать твои же преемники. А тебе ведь придётся о деле своём молчать, и преемникам — новым «серым папам» — ты ничего рассказать не сможешь, как и твой предшественник тебе...

— А если пойти к нему и сказать то, что ты здесь говорил мне и вот ему — он не только писец, поверь! — неужели нет тому спасения?

— Даже если бы сам он был ангелом, он возглавлял великое множество дьяволов. Как и ты будешь возглавлять. Тебе придётся уразуметь за эвклидову, скажем, аксиому, что подавляющее большинство близких к власти людей безнадёжно испорчены, отравлены, заражены. Ты смог бы лишь держать его где-нибудь, используя как камень для заточки мыслей, для рождения истины в спорах с ним. И я думаю, что он нарочно подбросит тебе ложную мысль, чтобы ты свернул себе шею. Ты можешь надеяться только на безусловно своих людей, а рисковать этими своими и ещё даже не начатым делом... Чтобы спасти людей — надо их сначала иметь! Один не выступишь! Апустишь одного нелюдя — и

погибнут все, кого ты успел собрать... Могу назвать лишь несколько лиц, известных мне сейчас. Но сейчас ты должен кое-что ещё услышать. Прежде всего — я обещал помянуть Эрариха. Когда сдался Виттигис, и ромеи вроде бы одолели готов, их сборщики налогов довели всех италийцев до восстания обречённых — лишь бы умереть в бою, а не под палкой сборщика. На какой-то момент возглавил готов и приставших к ним италийцев Ильдибад, был убит из кровной мести каким-то идиотом, и тогда королём выбрали руга Эрариха. Громадина, говорун, но и боец не трусливый. Только вот он, оказавшись во главе всех италийцев, думал лишь о своих ругах. Начал ради них переговоры с Юстинианом, дело раскрылось, его убили... Не смей думать только о «своих»! Ищи их повсюду, но «свои» для тебя должны быть соратниками в борьбе за общее дело. А держись за всех. Тогда настоящие люди станут искать твоё дело, выйдут на «истинно твоих»; среди этих искавших и вышедших и отбирай, оставаясь в тени, настоящих из настоящих, отборнейших. Сам ты, скорее всего, погибнешь. А дело твоё может тогда выжить, продлиться, дожидаться иного времени. Очень хочется, чтобы тебе улыбнулось хоть военное счастье... Лангобарды ведь уже выдыхаются. Они были биты всеми своими соседями и стали вдруг так сильны лишь потому, что все сильнейшие вокруг них погибли, а при мёртвом льве и шакал зубаст. Славяне могли бы их стереть в прах, но они пока громят земли империи, или отбиваются от аваров. А Италия после полутора десятилетий резни обезлюдела, а Юстиниан оскорбил Нарзеса, а солдатам жалованья не платили — вот они и кинулись сюда. И, помня судьбу готов, решили вырезать всё живое в Италии, чтобы некому было их предать когда-нибудь. Это вызвало невероятный с первого взгляда союз италийцев-побеждённых с ромейскими солдатами-победителями — как заяц с рысью или волком спасаются от наводнения на плывущем дереве. И то, что на заброшенном на италийскую землю лангобардском плаще оказалось столько прорех, что они уже не могут наложить заплату хоть на одну такую прореху — означает, что возникло какое-то равновесие сил. Это первое... Дальше — их король так щедро раздавал земли своим герцогам, что и сам остался без земли, а значит — без власти. Они подобны сейчас коннице, ворвавшейся во вражеский обоз и забывшей, что идёт бой. Им некогда, они спешили, побросали мечи и каждый обеими руками вцепляется в добычу и в волосы товарища. Помоги им в этом добром деле, и ты окончательно остановишь их натиск. Но удастся ли их уничтожить — не знаю. Зато знаю, что если они исчезнут — в возникшую пустоту придут славяне, авары, франки — эти со времён Италийской войны знают путь сюда. Так что не делай этой глупости. Ищи воинов, которые ели бы из твоих рук, как из рук кормильца, а не «серого папы», которые стали бы твоей личной дружиной. И с ними сумей найти опору среди лангобардов. Им завоевание тоже нелегко далось, многие роды ослабли или вовсе погибли, оставив лишь одиночек-скамаров, это же как раз лангобардское слово... Хотел бы я знать, что с отрезанным Внутренним Нориком, долго ли он продержится... Вдруг и оттуда сможешь получить какую-то помощь — именем Северина, например... Но повторяю — не верю в твою победу. Надеюсь лишь, что хоть что-то сумеешь начать, а кто-то — это «что-то» продолжит. На это — надеюсь...

Когда погибали последние дружинники, защищавшие дом моего друга, беседа которого с Кассиодором мною воспроизведена выше, он был бледен, но спокоен. Он разложил на полу пустой комнаты опасные для его сторонников документы и перебирал их, мгновенно впитывая зрением весь лист сразу. Откладывая одни, другие подавал мне и я погружал их в чан с краской — нарочно для этого была она подобрана и всегда была

наготове. Бросал в огонь то, что могло сгореть. Среди отложенного были и эти, ныне переписанные мною листы, хотя часть записанного в те несколько дней, когда Кассиодор вёл с ним доверительные беседы, в том числе и разбор глава за главой «Жития святого Северина» — была уничтожена.

«Это было нужно мне, — коротко сказал он. — А это, что отдаю тебе, сохрани». Там было сверх этих листов ещё немало того, что продолжает жить в людях, пусть немногих, но верных и чистых, которых он успел подобрать, свести друг с другом, разбросать по Италии и снабдить целью и средствами до того, как умер его «патрон» — папа Бенедикт Первый. Кассиодор умер года через два или три — уже не помню — после того разговора. Но прошёл ещё год, и так хорошо и удачно начатое дело было оборвано смертью папы — ему помогли уйти те, кто думал лишь о себе. А мой друг не уберёт своего покровителя, ибо ему пришлось выбирать — кого спасать, его или группу своих людей, попавших из-за слабости перед пытками одного из них в трудное, почти безнадежное положение. Их — спас, себя же не смог...

Спокойно открыл он тайный ход и толкнул меня туда. Я надеялся, что и он войдёт за мной.

«Не закрою — найдут вход, — сказал он. — Прощай!» Позже я узнал, что он успел поразить насмерть двоих из вломившихся в комнату двуногих зверей и ранить одного. Смерть его была мгновенной. Мне бы такую...